

ШАМИЛОВ МАКСАТ ШАМИЛОВИЧ

**ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В КЫРГЫЗСТАНЕ**

**Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве.
(Историко-правовое исследование)**

**Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Научный консультант, академик, д.ю.н., проф. Мулукаев Р.С.

Бишкек-2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
1.1 Особенности традиционного судопроизводства в Кыргызстане на основе норм адата и шариата.....	18
1.2 Гражданское судопроизводство в Кыргызстане на основе норм общероссийского законодательства.....	48
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ	
2.1. Методологические проблемы историко-правового исследования гражданского судопроизводства Кыргызстана.....	70
2.2. Проблема периодизации истории развития гражданского судопроизводства Кыргызской Республики.....	84
ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В КЫРГЫЗСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
3.1. Возникновение и развитие современного гражданского судопроизводства в Кыргызстане с 1917 по 1936 гг.	104
3.2. Гражданское судопроизводство в Кыргызстане с 1936 по 1965гг.	144
3.3. Гражданское судопроизводство в Кыргызстане с 1965 по 1991 гг..	168
ГЛАВА 4. СОЗДАНИЕ ОСНОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУВЕРЕННОЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
4.1. Преобразования гражданского процессуального законодательства и судопроизводства в Кыргызской Республике в период с 1991 по 1999 гг.....	199
4.2. Развитие гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике на основе Гражданский процессуальный кодекса 1999 года.....	219
ГЛАВА 5. СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИХ РАЗВИТИЯ	
5.1. Принятие нового Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики 2017 года и его анализ.....	233
5.2. Перспективы и общее направление дальнейшего развития современного гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики.....	267
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	278
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	305

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Как показывает исторический опыт большинства народов, при осуществлении реформ, имеющих радикальный характер, резко возрастает необходимость и потребность людей в осмыслении исторического прошлого, в котором они пытаются найти не только истоки текущих проблем, но и нередко способы их решения, пути выхода из кризисных ситуаций, выработать четкие ориентиры, позволяющие более стремительно и безошибочно продвигаться в будущем. Обращение к историческому опыту позволяет более эффективно решить актуальные проблемы как общего, так и частного порядка. Очевидно, что изучение проблем гражданского процессуального судопроизводства, рассматриваемых в их историческом аспекте, может способствовать реализации научных разработок в правотворческой и правоприменительной деятельности государства.

Одной из характерных особенностей постсоветского этапа развития Кыргызстана является заметный рост интереса исследователей к проблемам самобытности кыргызского этноса, его истории, места в мировой цивилизации.

Исторический аспект гражданского процессуального судопроизводства Кыргызстана в отечественной юридической науке был изучен в недостаточной мере, что в принципе недопустимо, поскольку, во-первых, собственную историю вообще необходимо знать и, во-вторых, гражданское процессуальное судопроизводство призвано решать важнейшие задачи и непосредственно осуществлять определенные функции государства.

Общеизвестно, что реформирование судебной системы представляет собой длительный и сложный процесс, требующий значительных затрат, координации усилий многих учреждений и государственных органов. Проверка и апробация тех или иных моделей развития и тех или иных рекомендаций требует определенного времени для выявления их действительной эффективности, в то время как глубокий и плодотворный

анализ уже имеющегося исторического опыта позволяет вынести более точные и объективные оценки процесса, определить особенности и основные тенденции в развитии судебной системы и, наконец, его наиболее вероятные перспективы. Таким образом, представляется весьма актуальным внимательное изучение исторического аспекта, касающегося функционирования гражданского процессуального судопроизводства, судов, работы судей, органов, обеспечивающих их работу.

Характерно, что суверенные государства, возникшие на территории бывшего Советского Союза, а также страны Восточной Европы, осуществляющие коренные реформы, в течение первого десятилетия после краха социалистической системы, осуществляли реформы материального права, связанные с кардинальной реформой национальных конституций, принятием новых гражданских кодексов и др., в настоящее же время во всех упомянутых государствах осуществляются широкомасштабные судебные реформы, ход которых, темп, успех (или неуспех) и особенности определяются в значительной мере всем предшествующим историческим опытом народов, образующих эти государства.

В настоящее время судебная форма защиты субъективных прав и свобод, охраняемых законом интересов участников правоотношений, является одной из основных. Она относится к числу конституционных прав, но в отличие от всех остальных прав выступает в качестве гарантии остальных прав и свобод, в чем, собственно, и заключается особенность и основная ценность права на судебную защиту. Установление приоритета судебной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов в порядке гражданского судопроизводства – одно из неперемennых условий существования демократического правового государства.

Все вышесказанное обусловило актуальность выбранной нами темы исследования.

Состояние разработанности проблемы.

Различные проблемы гражданского судопроизводства были предметом исследования дореволюционных, советских и современных ученых-процессуалистов. Среди наиболее известных процессуалистов, работающих в этой сфере можно назвать: Е.Б. Абросимову [47], А.Ф. Воронова [85], М.К. Треушникова [175], М.С. Шакарян [200], А.Л. Маковского [130].

В настоящее время отечественная юридическая, в том числе и гражданско-процессуальная наука, располагает небольшим числом работ, посвященных проблеме исторических исследований возникновения и формирования судопроизводства в Кыргызстане.

Проблемы государственно-правового развития Кыргызстана советского периода были в центре внимания таких ученых-конституционалистов и правоведов республики, как Р.Т. Тургунбеков [180], А.Д. Ахмедов [66], С.С. Сооданбеков [165] и др.

Среди трудов по истории гражданского права и гражданского судопроизводства заслуживают внимания работы А.А. Альчиева [53], К.Н. Нурбекова [143], С.С. Сатыбекова [159], А. Супатаева, Ф. Тайгина [168], которые несомненно, обогатили гражданско-процессуальную науку, однако далеко не исчерпали проблем истории и современного развития гражданского процессуального права Кыргызстана. В этой связи уместным будет сослаться на мысль М.С. Шакарян о том, что «отдельные ученые, выступая... с предложениями об изменении процессуального законодательства, не учитывают его истории», незнание которой ведет к повторению давно отвергнутых теоретических конструкций и порождает бесплодные дискуссии. По этой причине историзм научного анализа является методологической основой обобщения теоретического знания, а исторический подход при исследовании отраслей права – надежным способом прогнозирования путей совершенствования законодательства.

Изучению определенных исторических и этнографических аспектов судебной системы кыргызского этноса были посвящены исследования ученых

дореволюционного периода. Вопросами гражданского процессуального судопроизводства и правами дореволюционного Кыргызстана занимались в основном историки-этнографы. Специально проблемами наследования и раздела имущества у народов Центральной Азии изучалось Н.А. Кисляковым [111]. Описание некоторых норм обычного права встречается в трудах С.И. Абрамзона [45], В.В. Бартольда [67–70], А.Н. Бернштама [74], Н.Я. Бичурина [76], Ч. Валиханова [80].

Проблемы судебной-правовой реформы в Кыргызстане и некоторые ее результаты, особенности понятия, принципы гражданского процессуального права и их роль в построении правового государства, вопросы повышения эффективности правосудия и усиления судебной защиты рассматривается в монографии И.У. Чиналиевой [196], а также в исследованиях Ф.А. Зайкова, А.Н. Ниязовой, П.Ю. Шубиной [99].

Особое внимание уделяли проблеме исторического развития судопроизводства Кыргызстана, а также гражданского и гражданского процессуального права в своих исследованиях С.К. Кожоналиев [117], К.Н. Нурбеков [143], С.С. Сатыбеков [159], Ч.И. Арабаев [58], Т. Кененбаев [109], Т. Умралиев [184], Г.А. Мукамбаева [136], Ш.М. Шамилов [264], конкретно ими были затронуты вопросы: история развития судопроизводства, а также реформы, проводившийся в области гражданского права, гражданского процессуального права, судебной системы Кыргызстана, проблемы перспективы.

Объект исследования составляют правовые отношения, складывавшиеся в процессе развития гражданского судопроизводства на территории Кыргызстана в рассматриваемый в диссертации период.

Предметом исследования являются нормативные правовые акты, архивные материалы, другие источники, которые отражают процесс развития гражданского судопроизводства на территории Кыргызстана в рассматриваемый период.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы путем изучения истории гражданского судопроизводства в Кыргызстане выявить особенности, основные тенденции, закономерности и наиболее вероятные перспективы развития гражданского процессуального права и ряда его институтов, также научно обосновать необходимость проведения сравнительно-правового анализа определенных правовых норм из законодательной базы Российской Федерации и других государств.

Для достижения указанной цели в диссертации были поставлены следующие задачи:

- выявить и решить методологические проблемы историко-правового исследования гражданского судопроизводства Кыргызстана;
- решить проблему периодизации истории развития гражданского судопроизводства Кыргызской Республики;
- выявить и подвергнуть анализу особенности традиционного судопроизводства в Кыргызстане, осуществлявшего на основе норм адата и шариата;
- проанализировать особенности изменений традиционного судопроизводства в Кыргызстане на основе норм общероссийского законодательства;
- подвергнуть анализу гражданское судопроизводство Кыргызстана в период с 1917 по 1936 гг.
- рассмотреть гражданское судопроизводство Кыргызстана в период с 1936 по 1965 гг.:
- проанализировать гражданское судопроизводство Кыргызстана в период с 1965 по 1991 гг.;
- исследовать специфику преобразования гражданского процессуального законодательства и судопроизводства суверенной Кыргызской Республики в период с 1991 по 1999 гг.

– подвергнуть анализу развитие гражданского судопроизводства Кыргызской Республики на основе Гражданского процессуального кодекса КР. в период с 1999 по 2024 гг.;

– провести развития гражданского судопроизводства Кыргызской Республики на основе нового Гражданского процессуального кодекса КР. 2017 года;

– выявить перспективы и общее направление дальнейшего развития современного гражданского процессуального законодательства и судопроизводства Кыргызской Республики.

Методологическую основу исследования составили исходные положения теории разделения властей, нашедшие правовое закрепление в Конституции Кыргызской Республики. Они выражают самостоятельность и независимость судебной власти, ее цели, задачи и особую роль в формировании правового государства.

В процессе исследования автором были изучены научные труды, учебники, выступления на научных конференциях, на страницах периодической печати в области гражданского права, теории государства и права, конституционного права, государственного управления, судостройства и судопроизводства.

Исследование проводилось на основе общенаучных методов системного анализа, сравнительно-правового, конкретно-социологического, формально-юридического, статистического и культурно-цивилизационный подход.

В работе использовались материалы судебной практики судов Кыргызской Республики, а также статистические данные Судебного департамента и Комитета по судебному администрированию при Верховном Суде Кыргызской Республики.

Следует особо подчеркнуть, что в основу данного исследования был положен цивилизационный подход, который учитывает в первую очередь цивилизационную специфику кыргызского этноса, являющегося государствообразующей нацией в Кыргызской Республике и составляющей

большинство его населения. Дело в том, что во всех работах, в той или иной мере затрагивавших проблемы, исследуемые в данной диссертации, практически полностью игнорировался тот сам по себе немаловажный факт, что в силу исторических обстоятельств кыргызский народ фактически вынужден был в кратчайшие исторические сроки осуществить переход из одного культурно-цивилизационного состояния, плоскости, уровня в совершенно новое для него культурно-цивилизационное состояние, плоскость, уровень.

Таким образом, то, на что требуется в обычных условиях и эволюционным способом, как минимум, несколько веков, а то и тысячелетий в результате мощного влияния и помощи, исходивших извне, было осуществлено практически меньше, чем за столетие. Безусловно, столь резкая смена культурно-цивилизационного состояния не могла не отразиться определенным образом на характере и последствиях, произошедших в результате данной смены на всем сложном и противоречивом комплексе общественных отношений, в том числе, конечно, в системе права, органической частью которой является судопроизводство. Игнорирование данного факта, по нашему мнению, не только нецелесообразно, но и неоправданно, неправомерно.

Использованный нами подход позволил нам по-новому, под иным углом взглянуть на исследуемые нами проблемы и, соответственно, получить новые выводы, оценку происходившим ранее процессам и возможной перспективы.

Научная новизна исследования заключается в первую очередь в использовании культурно-цивилизационного подхода в историко-правовом исследовании и анализе проблем становления гражданского судопроизводства в Кыргызстане, позволившем получить ряд новых выводов.

Новизна диссертационной работы состоит:

– в выявлении основных исторических основ генезиса и эволюции гражданского судопроизводства в Кыргызстане:

а) досоветский период – по нормам шариата и адата; изменении традиционного судопроизводства в Кыргызстане на основе норм общероссийского законодательства;

б) советский период с 1917–1936, с 1936 по 1965 гг., с 1965 по 1991 гг.;

в) постсоветский период с 1991 по 1999 гг.;

г) современный этап с 1999 по 2017 и настоящее время.

– в выявлении особенностей формирования как предшествующей, так и современной системы гражданского судопроизводства и гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики;

– в выявлении влияния предшествующего исторического опыта и культурно-цивилизационных особенностей кыргызского народа на формирование и совершенствование системы гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике;

– в научном обосновании факторов и условий, способствующих развитию теоретических основ гражданского процессуального права и практики применения его норм в Кыргызской Республике;

– в анализе и оценке нового Гражданского процессуального кодекса КР. 2017 года;

– в выявлении перспектив и общего направления дальнейшего развития современного гражданского процессуального законодательства и судопроизводства Кыргызской Республики.

Существующими элементами новизны обладают многие выводы и положения диссертации, вынесенные на защиту.

Положения, выносимые на защиту.

1. Приверженность кыргызского народа кочевому образу жизни, привела к тому, что обычное право (наряду с традициями и другими регулятивными нормами), вполне справлялось в регулировании общественной жизни, выполняя возложенные на нее задачи.

Заметные изменения в традиционной системе права кыргызов могли происходить в результате длительных внешних воздействий, исходивших от

других народов. С учетом данных воздействий были осуществлены решительные преобразования, которые привели к цивилизационному изменению в системе права и судопроизводства на территории Кыргызстана.

2. Традиционное судопроизводство кыргызов, со временем, под воздействием политики соседних оседлых народов преобразовалось в судопроизводство, основывающееся на шариате, что в целом не противоречило его эволюционному развитию, поскольку кыргызы исповедовали ислам, а шариат эффективно вовлекал в свою сферу народы с традиционной культурой. Однако активное воздействие России в трансформационный процесс на территории Кыргызстана остановило его, а затем придало ему совершенно иное направление.

3. С присоединением Кыргызстана в Российскую империю начался процесс модернизации системы обычного права кыргызского народа. История формирования современного гражданского судопроизводства в Кыргызстане – это история относительно быстрой смены прежней системы на модернизированную. Формальная сторона данного процесса связана с постоянной разработкой и принятием новых законов, в той или иной мере соответствующих общественным потребностям и текущей социально-экономической реальности. Что же касается внутренней стороны данного процесса, то она связана с множеством противоречий обусловленных, главным образом, существенными цивилизационными различиями между внедряемой правовой системой и субъектами права, чья правовая культура постоянно отставала от формальной стороны процесса.

4. Процесс изменения кыргызской судебной системы в условиях Советской власти происходил на фоне осуществляемых в стране кардинальных политических, социально-экономических и культурных преобразований. В силу данного обстоятельства, чтобы понять и дать объективную оценку сущности, характеру и глубине изменений гражданского судопроизводства в Кыргызстане, необходимо оценить, какие наиболее значительные сдвиги произошли в культуре кыргызского народа. За время советской власти в

Кыргызстане была осуществлена решительная модернизация правовой системы и гражданского судопроизводства, что обеспечило им развивающий характер.

5. В советский период, в общественной жизни кыргызского народа произошли многочисленные изменения. Перейдя от кочевой жизни к оседлости, кыргызский народ стал стремительно переходить в ряды развивающихся государств, что позволило ему установить единую систему права и судопроизводства, которая со временем приобрела характер полноценного профессионального права. В результате советских реформ, кыргызским народом был осуществлен переход в новое состояние, характеризующееся цивилизационной определенностью.

6. Приоритет общесоюзных законов над республиканскими, в том числе в системе судопроизводства был, в целом, благом для Киргизской ССР. Гражданский процессуальный и Гражданский кодексы Киргизской ССР были разработаны в полном соответствии с Основами гражданского законодательства и Основами гражданского судопроизводства СССР и союзных республик. Первый ГПК Киргизской ССР отражал достигнутый к тому времени уровень развития гражданского процессуального права. В нем сохранились все те элементы и положения, которые обнаружили свою эффективность в судебной-процессуальной и прокурорской надзорной практике. ГПК 1965 года просуществовал в таком виде до самого распада Советского Союза и стал основой для всех последующих гражданских процессуальных кодексов.

7. В истории кыргызского народа советский период отличался чрезвычайным динамизмом в правовой системе. Именно в это время были предприняты наиболее плодотворные усилия, направленные на развитие гражданско-процессуального законодательства Кыргызстана. Процесс модернизации кыргызской правовой системы осуществлялся цивилизационным развитием. Именно благодаря данному обстоятельству, опыт строительства правовой системы в Кыргызстане, после распада СССР

продолжается и развивается. Современное гражданское процессуальное законодательство и судопроизводство в Кыргызской Республике развиваются таким образом, что в наибольшей мере соответствуют требованиям развитого гражданского общества.

8. В советский период гражданское судопроизводство и законодательство Кыргызстана формировалось на базе сравнительно-правового анализа российской законодательной системы. В настоящее время можно констатировать наличие в законотворческой практике юристов Кыргызстана подхода, по сути своей весьма похожего на советскую практику, когда в качестве основы для республиканских законов бралась законодательная база РФ и затем в нее вносились изменения, отражавшие культурную и другие особенности кыргызского народа. В современных условиях данный метод является для Кыргызской Республики одним из способов, который может реально обеспечить своевременность разработки и принятия законов, необходимых для развития государства по пути демократии и гражданского общества.

9. После распада СССР и обретения Кыргызстаном суверенитета радикальные преобразования всей социально-экономической, политической и правовой системы в республике происходили, как известно, ускоренными темпами. И в этом отношении мы заметно опередили все остальные республики Центрально-азиатского региона, что, по нашему мнению, в значительной мере объясняется цивилизационной спецификой кыргызского этноса и особенностями его истории. С другой стороны, проведенные реформы, в том числе в системе права, не принесли ожидаемых результатов, что также, на наш взгляд, обусловлено теми же факторами.

10. В процессе становления новой правовой системы Кыргызстана законодатель, по сути, вынужден был пойти по пути наименьших затрат и сопротивления, а именно внося поправки в Гражданский процессуальный кодекс 1964 года, стараясь обеспечить его более полное соответствие текущим требованиям и реальностям времени. Примечательно, что в силу схожих

условий и обстоятельств по аналогичному пути пошли многие из бывших советских республик. Это в значительной мере определило характер и способы эволюции современного гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики – главным образом путем, сравнительно-правового анализа законодательства других государств и необходимостью их преобразования, адаптации к национальному законодательству.

11. Сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов и применение правового опыта других государств, способствовали принятию новых законов и кодексов Кыргызстана, которые не противоречили его правовым и иным интересам. Подобный способ формирования законодательства на территории Кыргызстана оказался достаточно эффективным.

12. Главным итогом реформ в правовой системе суверенной Кыргызской Республики стало существенное обновление основных отраслей национального законодательства. Государством были приняты меры, позволившие вывести нормотворческий процесс на новый уровень, связанный с внедрением рыночной экономики и строительством гражданского общества. С другой стороны, процесс глобализации, а также значительная внутренняя динамика развития республики не позволяют останавливаться на достигнутом. Современное гражданско-правовое законодательство и гражданское судопроизводство Кыргызской Республики, в целом отражая существующую систему общественных отношений и обеспечивая демократизм судопроизводства, тем не менее, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, в частности, в развитии открытости и доступности гражданского судопроизводства.

13. 29 декабря 1999 года был принят Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики. Разработка и принятие нового ГПК было обусловлено достаточно большим количеством причин юридического и организационного плана. Политическая и социально-экономическая реальность, обусловленная возникновением и развитием в республике

института частной собственности, переход к рыночным отношениям, строительство основ гражданского общества, предопределили необходимость коренной смены прежних нормативных правовых актов другими, которые бы отражали произошедшие существенные изменения в политической и общественно-экономической жизни страны. Среди причин юридического плана, следует сказать о необходимости выбора модели ГПК, которая должна была стать основой республиканского ГПК. К тому же, современная научная школа гражданских процессуалистов Кыргызской Республики на тот момент, находилась на стадии активного формирования.

14. Несмотря на некоторые несовершенства в праве и правовых институтах, в том числе и в судопроизводстве Кыргызстана, в целом все они отвечают основным признакам и главным требованиям развивающегося общества. И проблемы здесь возникли главным образом из-за стремительно меняющихся условий и обстоятельств, которые произошли в обществе. Изменилась сама система общества и произошли социально-экономические перемены в Кыргызской Республике. Все это обусловило усовершенствования законодательства КР в сфере гражданского судопроизводства.

15. Реформа гражданского судопроизводства и принятие нового ГПК Кыргызской Республики (2017г.) позволила законодателю повысить эффективность и прозрачность гражданского процесса; создать соответствующие законодательные условия; повысить качество рассмотрения гражданских дел и ввести институт медиации, необходимо было пересмотреть перечень вновь открывшихся обстоятельств и ввести институт новых обстоятельств. Также осуществлена оптимизация государственной пошлины; введены изменения в порядок пересмотра и обжалования решений судов в апелляционной и кассационной инстанциях; включена новая стадия, в целях усиления роли стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В процессуальное законодательство введен институт предварительного судебного заседания, что позволило достижению правовой устойчивости и ясности гражданского процесса.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическое значение работы заключается в том, что она дополняет имеющиеся исследования в области конституционного права, судоустройства и судопроизводства анализом становления и развития гражданского процессуального законодательства с учетом тех целей и задач, которые встают при формировании правового государства и гражданского общества. Исследование представляет интерес для аспирантов, специалистов, занимающихся проблемами, представленными в диссертации.

Основные положения и материал диссертации могут применяться в преподавании учебных дисциплин и спецкурсов «История государства и права Кыргызской Республики», «Конституционное право Кыргызской Республики», «Сравнительное конституционное право», «Гражданское процессуальное право Кыргызской Республики», «Правоохранительные органы», «Суд и правосудие» на юридических факультетах университетов, юридических колледжах, а также в системе учреждений повышения квалификации судей, работников аппарата судов, Комитета по судебному администрированию при Верховном Суде и прокуратуры.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства и организации деятельности судов, их аппарата, Комитета по судебному администрированию при Верховном Суде, Высшего Судебного Совета и Квалификационной коллегии юстиции.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается его комплексным характером, многообразием использованных методик, а также системным подходом и репрезентативностью эмпирического материала. При проведении исследования автор использовал архивные материалы и статистические данные судебной практики по гражданскому судопроизводству Кыргызской Республики.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения диссертации отражены в 39 научных публикациях,

докладах и выступлениях автора на научно-практических конференциях, семинарах и совещаниях: «Пути модернизации системы высшего профессионального образования в Кыргызстане» (Бишкек в 2016, г) в межвузовской научно-практической конференции; «Права человека как национальная идея в Кыргызстане» (Бишкек в 2017 г), в международно-практических конференциях "Наука в современном мире: приоритеты развития" (Уфа, 15-16 января 2016 г.) материалы круглого стола посвященного году кыргызской государственности. Работа была обсуждена на заседании кафедры Теории и истории государства и права Юридического факультета КНУ им. Ж. Баласагына. Результаты исследования были апробированы в процессе преподавания дисциплины "Гражданское процессуальное право" в Академии МВД Кыргызской Республики, в юридическом факультете Кыргызского Национального Университета, в Национальной Академии Наук Кыргызской Республики и других юридических вузах страны.

Структура работы обусловлена целью исследования, а также использованным нами в исследовании культурно-цивилизационный подход. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в себя 11 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1.1. Особенности традиционного судопроизводства в Кыргызстане на основе норм адата и шариата

История становления гражданского судопроизводства Кыргызстана – это история преобразования традиционной правовой системы кыргызов, происходившая преимущественно под внешним воздействием, переросшим в два последних столетия в постоянное, настойчивое давление, а не в силу действительной внутренней потребности такого рода преобразованиях. Традиционная кыргызская община, представленная независимыми друг от друга родами и племенами, в силу кочевого образа жизни и соответствующих данному образу форм хозяйствования, отличалась чрезвычайной консервативностью, имевшей тотальный характер. К тому же постоянная относительная немногочисленность каждого из родов, целиком замкнутых на самих себе, не позволяла осуществить им переход к иному качественному состоянию по причине количественной устойчивости. Другими словами, количество не переходило в качество, поскольку не наблюдался количественный рост. С другой стороны, качественные преобразования не происходили вследствие устойчивой приверженности кыргызов к кочевому образу жизни.

В силу вышеуказанных обстоятельств любые реформы, если они имели место, происходили не в силу внутренней необходимости, а, как уже было сказано, под внешним воздействием, исходившим от других народов и государств. «Реформы, – писал известный социолог П. Сорокин, – не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам»[166, с. 271]. Мы не утверждаем и не придерживаемся мнения, что реформы, которые претерпел кыргызский народ за последние полтора

столетия, попирали его природу и базовые инстинкты. Реформы неизбежны для любого сообщества, даже самого консервативного. К этому подталкивает сама логика развития человеческого вида, обреченного, по сути, на поступательное развитие. Однако очевидно, что значительные несоответствия, несовпадения и не состыковки между исконной его культурой, в том числе правовой, и той, которая предлагалась или фактически навязывалась извне, безусловно, создавали наиболее значительные и трудно преодолимые проблемы, некоторые из которых не преодолены и по сей день. Это касается в первую очередь современного состояния массового правосознания кыргызов, что обязывает нас уделить некоторое внимание вопросу о правосознании.

Особенно не углубляясь в данную проблему, укажем на то, что в правосознании в настоящее время принято выделять в качестве главных его элементов правовую идеологию и правовую психологию. В понятие «правовая идеология» включают идеи, теории, убеждения, взгляды и понятия, которые выражают отношение людей к существующему и желаемому праву, в понятие же «правовая психология» – чувства, эмоции и переживания, испытываемых людьми в связи с теми или иными проявлениями права – выработкой юридических норм, конкретной их реализацией, законностью и т.д. В определенном отношении правовая психология – это наряду с чувством справедливости чувство права и законности. В самом общем виде правовое сознание может интерпретироваться как та или иная – положительная или отрицательная – реакция и оценка людей, а также их отношение в целом к существующим юридическим установлениям и нормам, регулирующим определенную сферу общественных отношений, а также к предлагаемым государством нормативным актам, конституционным реформам и т.п.[187, с. 2] Правовое сознание индивида в значительной мере определяет его правовое поведение.

Характерно, что при оценке правового сознания обычно упускается из вида правовое сознание специалистов-юристов того или иного этноса,

которое, как бы серьезно оно не отличалось от массового, так или иначе связано с ним и определенным образом выражает его. С другой стороны, именно специалисты-юристы, в силу наличия у них специальных знаний, могут, а при определенных обстоятельствах обязаны разрабатывать новые законы, которые, не отражая состояния массового правового сознания, однако выражая общественно-экономическую и политическую потребность в них, в конечном счете способствуют изменению правовой действительности, а с ней неизбежно и правового сознания в соответствии с упомянутой потребностью.

Правовое сознание, как и сознание вообще, представляет собой наиболее консервативный компонент в правовой культуре любого народа. Поэтому в истории можно найти достаточно примеров, когда общественно-экономическая, политическая и правовая действительность, представленная теми или иными законами, учреждениями и институтами, уже претерпела заметные изменения, а правовое сознание, а с ним и правовое поведение, стереотипы несколько запаздывают в своем развитии. Особенно это относится к народам, которые в силу тех или иных причин вынуждены были отказаться от эволюционного пути развития и перейти к скачкообразной форме.

Одной из важнейших особенностей правовой культуры кыргызов, как, впрочем, и их правового сознания, является то, что она формировалась и существовала вплоть до середины XIX века в форме обычного права, т.е. основывающегося на обычаях. С точки зрения исторического времени чуть более полутора столетия срок весьма незначительный, особенно если учитывать то обстоятельство, что кыргызы, будучи кочевым народом, значительную часть своей истории существовали вне государства.

Как известно, обычай есть ничто иное как древнейшая форма сохранения и передачи определенного социального опыта из поколения в поколение, а также от общества к индивиду. В научной литературе обычаи трактуются как образовавшиеся в процессе истории стереотипные формы поведения, проявляющиеся в стандартизированных действиях, совершаемых многими людьми воспроизводимых в неизменном виде в течение длительного

исторического времени [210, с. 829]. В соответствии с одним из юридических определений обычая – это «устойчивые, исторически сложившиеся правила (нормы) общественного поведения людей, их образа жизни, которые устанавливаются в обществе как результат многократного их применения людьми, передаются ими от поколения к поколению и охраняются силой общественного мнения» [198, с. 26]. Согласно С.С. Алексееву, обычаи – это «правила поведения общего характера, исторически складывающиеся в силу данных фактических отношений и вошедшие в привычку в результате многократного повторения» [50, с. 152].

Неотъемлемыми чертами обычаев является их историческая преемственность, повторяемость, устойчивость, авторитетность и укорененность в общественном сознании. Они обладают также относительной гибкостью, и поэтому возможно их широкое и узкое толкование и применение, зависящее от конкретной исторической ситуации.

В основе механизма воспроизводства обычая лежит общепризнанная норма поведения, не закреплённая официально, однако «узаконенная» силою привычки, которая в свою очередь возникает вследствие постоянного воспроизводства одних и тех же производственных операций и общественных отношений.

Что же касается традиций, лежащих в основе традиционного общества, то они представляют собой исторически сложившийся и передаваемый из поколения в поколение набор обычаев, обрядов, общественных установлений, идей, ценностей и норм поведения, сохраняющийся в течение длительного периода в обществе в целом либо отдельных его социальных групп.

В соответствии с вышеприведёнными определениями обычаев и традиций, первые являются частью последних. Однако такое понимание и соотношение обычаев и традиций не является единственным. Так, по мнению И.В. Суханова, эти понятия близки, но не тождественны, поскольку они выполняют различные функции [171, с. 27; , с. 51]. В отличие от него С.И. Воробьева выделяет традиции в самостоятельный вид социальных норм,

полагая, что традиции представляют собой «более общественные нормы и принципы поведения людей по сравнению с обычаями, и не в такой степени устойчивые»[258, с. 28].

Некоторые исследователи связывают понятия «обычай» и «обычное право» с разными этапами поступательного развития общества, и согласно их точки зрения обычай является социальным феноменом до государственного периода развития, в то время как обычное право – это «синтез древних обычаев с нормами, установленными и признанными властью в процессе вызревания государственных институтов» [162, с. 11].

Независимо от того, каким именно образом трактовать обычаи и традиции и в какой взаимной связи их ставить, для нас в данном случае важнее констатация нескольких обстоятельств. Глубокие правовые преобразования, которые начались для кыргызов в XIX веке и продолжаются по сей день, происходили в форме модернизации традиционного общества, отношения в котором регулировались на основе обычного права. И поскольку процесс модернизации начался относительно недавно, то в определенных своих позициях данный процесс не получил своего завершения, и поэтому здесь наблюдается своеобразное запаздывание содержания от своей формы, что, как мы уже указывали в первой главе нашего исследования, является основным противоречием в системе права и правовой культуре кыргызского этноса. Что же касается конкретно гражданского судопроизводства и гражданского процессуального права, то, как нам представляется, данное противоречие в полной мере распространяется и на них. И сообразно этому основной проблемой, стоящей перед гражданским судопроизводством Кыргызстана, если сформулировать данную проблему в наиболее общем виде, является устранение указанного противоречия, доведение содержания до его формы. С другой стороны, даже наличие идеальных или во всяком случае предельно оптимизированных законов не является гарантией их идеального исполнения. Даже при самом поверхностном взгляде становится очевидным, что различные народы обнаруживают не только различную степень послушания

законам, но и понимают законы различным образом, предпочитая им, к примеру, групповые интересы или систему кровнородственные связи.

История кыргызского народа – это история, основная часть которой происходила за пределами государства, и именно по этой причине обычаи в традиционной кыргызской среде играли роль большую, чем просто связующего и скрепляющего материала. Обычаи способствуют сохранению и постоянному воспроизведению общественных отношений прошлого, обосновывая их правомочность и накладывая своего рода запрет на инновационные элементы культуры, действующие разрушающим образом на традиционную часть культуры. Слово «обычай» этимологически и семантически восходит к слову «обычный», т.е. постоянный, привычный, всегдашний, ничем не выделяющийся среди других, заурядный, укоренившийся в быту с давних пор, опирающийся на общепринятость и давность употребления. Сообразно такому пониманию слова «обычный» сами обычаи направлены главным образом на сохранение укоренившихся в течение длительного времени, простых человеческих взаимоотношений, привычного порядка вещей, регламентацию и интерпретацию индивидуального и коллективного опыта в рамках этих обычаев. Что же касается традиций, то их социальные функции значительно шире и глубже, чем у обычаев, поскольку через них передается вся совокупность духовных качеств и опыт, необходимый для повседневной жизни и деятельности индивидуума, затрагивающей все сферы общественного бытия.

Очевидно, что роль обычаев и традиций значительно выше в обществах, существующих вне государства, чем у государственных народов. Если при этом традиционные общества характеризуются немногочисленностью и кочевым образом жизни, то обычаи и традиции приобретают абсолютный характер, поскольку без них традиционные общества нежизнеспособны. Вернее сказать, такие общества вообще не существуют вне традиций и обычаев, которые зиждутся, как и общество в целом, на системе кровного родства.

Казахский ученый-юрист Т.С. Жумаганбетов, анализируя основополагающие различия между кочевым и оседло-земледельческим обществами, справедливо указывает на то, что в отличие от оседло-земледельческого общества в кочевом обществе патронимические отношения, характерные для больших или малых групп семей, образовавшихся в результате роста, а затем сегментации патриархальной семейной общины и сохранивших в той или иной степени и форме социальное, идеологическое и хозяйственное единство, патронимическая идеология, основывающаяся на родственной взаимопомощи, носит всеобщий характер по причине ведения хозяйства семейно-родовыми общинами[259, с. 24].

Регулирование общественных и иных отношений «по признакам генеалогической близости и на патриархальных принципах отношений в семье», на основе семейно-родовых связей при организации «процесса производства на основе коллективного использования пастбищных массивов и ряда других трудовых операций» осуществляется через механизм обычаев и традиций и в форме четкого следования индивидуумов традициям и обычаям, в которых в аккумулируется опыт социума. Отметим попутно, что все упомянутые выше признаки традиционного общества являются его цивилизационными характеристиками, которые в совокупности определяли характер права и, соответственно, всех его компонентов.

Даже на момент присоединения Кыргызстана к России, т.е. в середине XIX века, кыргызы не представляли собой единого консолидированного этноса. Слабая связь между отдельными кыргызскими родами и племенами объяснялась не только их рассредоточением по относительно обширным пространствам со сложным горным рельефом, но и спецификой их экономической деятельности, характеризуемой чрезвычайно низкой производительностью труда и обеспечивавшей им хозяйственную автономию, а с ней и все остальные формы автономии – культурную, политическую, правовую и др. Все это вместе обуславливало характер и специфику развития норм обычного права. Различные же конкретные условия существования

каждого рода или племени с необходимостью вели к различиям в конкретных нормах обычного права. Кроме того, на текущее состояние обычного права отдельных кыргызских родов и племен оказывало соседство других народов. Однако одинаковый образ жизни, формы хозяйствования, лингвистическое единство, общность исторической судьбы, патронимия, свойственная всем родам и племенам, и т.д. приводили к тому, что и их правовые формы обладали значительным сходством.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что обычное право представляет собой совокупность общеобязательных общественных обычаев, санкционированных государством. Так, М.А. Супатаев подчеркивает, что обычаи, принятые в обществе в качестве своего рода «юридических правил» поведения, независимо от степени их императивности и формальной определенности получают правовое значение только в том случае, когда они в той или иной форме санкционированы государством, будучи воспринятыми правоприменительными органами (судами), либо на них имеются отсылки в законе. Наличие такой санкции приводит к тому, обычай становится элементом национального права, не утратившим, однако, характер обычая [169, с. 48]. Однако в силу исторических обстоятельств кыргызское обычное право не было изменено в государственное, а на определенном этапе истории кыргызского народа оно, по сути, было отвергнуто, что получит свое разъяснение в последующих разделах данного исследования. Его присутствие в современной реальности связано главным образом с правовой культурой субъектов права, их правовым сознанием, привычками и поведением.

Понятие правового обычая у кыргызов связано с такими терминами, как «адат» и «урп», которые не имеют четкого разграничения и в научной литературе используются как взаимозаменяемые, синонимические. Однако термин «адат» используется чаще, и поэтому мы будем использовать именно его.

Адат у кыргызов, как обычное право и других народов, прошедших соответствующий этап их развития, на деле представлял собой совокупность правил (обычаев), имевших юридический характер и регулировавших общественные отношения, возникавших в связи с имущественными и прочими спорами, и обеспечивала несение ответственности и исполнение наказаний за правонарушения. Несмотря на то, что кыргызы рассматриваемого нами периода истории находились на относительно слабой ступени общественно-экономического развития, степень дифференциации традиционного общества была достаточно велика, чтобы адат выражал и защищал преимущественно интересы высшего сословия, родовой знати, поддерживая тем самым сложившееся социально-имущественное неравенство.

Каждый кыргызский род имел своего, бия, на которого возлагалась обязанность судьи¹, рассматривавшего дела на основе адата. На более поздней стадии истории, с появлением манапов², последние, обладая реальной властью, взяли на себя часть функций биев. Адат, как и любая другая система права, со временем претерпевал определенные изменения. При этом главную роль в его модификации играли бийи, которые являлись не только хранителями обычного права, но и его толкователями. Поскольку грамота так и не получила широкого распространения среди кыргызов, их право продолжало оставаться устным даже в первые десятилетия присоединения Кыргызстана к Российской империи.

Судопроизводство, осуществлявшееся по адату, не отличалось особой сложностью. Почти всегда дело в суде возбуждалось по инициативе потерпевшего, выступавшего в роли истца. Однако оно могло возбуждаться также родственниками или поверенными потерпевшего по его поручению.

Рассмотрение дел по адату не происходило по строго определенному

¹ Влиятельные родоправители или лица, прославившиеся умелым решением судебных дел по обычаям.

² Манап владел родовыми территориями, был управителем, судьей, вел надзор за решением бийских судов, распорядителем и устройтелем.

порядку, при этом, как считают многие исследователи, в силу отсутствия в материальном праве деления на уголовное и гражданское право не существовало и различий в процедуре разбирательства дел, независимо от того, какой характер они носили – гражданский или уголовный. Как отмечал в свое время Ю. Россел, основываясь на личных наблюдениях: «Самой характерной чертой этого обычного права является то, что оно не отличает гражданских преступлений от уголовных, оно относится ко всем преступлениям, как к простым отношениям между собою – его наказания имеют целью удовлетворение обиженной стороны» [156, с. 132].

С.К. Кожоналиев, по сути, подтверждает мнение Ю. Россела, высказываясь в том духе, что кыргызское обычное право, на деле в подавляющем большинстве случаев усматривало в преступлениях гражданские правонарушения, которые наказывались взысканием тем или иным штрафом в пользу пострадавшего и его родственников [117, с. 40]. Серьезным поводом для таких суждений выступал тот факт, что практически любое дело, рассматриваемое по адату, независимо от тяжести преступления завершалось уплатой штрафа, размеры и название которого находились в зависимости как раз от упомянутой тяжести преступления: кун – за убийство, айып – за обычное преступление, или барымта – насильственный (нередко сопровождавшийся убийством) угон скота или присвоение имущества, которые могли, осуществлялись вследствие неисполнения решений суда либо неполучения удовлетворения за нарушение прав отдельных лиц, рода или аила. Барымта могла осуществляться и самопроизвольно, на основании «кулачного права».

Вследствие неразвитости товарно-денежных отношений в традиционной кыргызской среде почти всегда штрафы уплачивались скотом, выступавшей своего рода валютой не только торговле, осуществляемой в меновой форме, но и в судебных разбирательствах. В результате длительной, многовековой судебной и жизненной практики, в конце концов, были установлены и размеры штрафа, опирающиеся преимущественно на житейский опыт и здравый смысл.

Так, кража скота наказывалась айыпом в размере 9 голов скота за каждую похищенную голову, изнасилование – 25 головами скота. Даже убийство человека наказывалось штрафом, которое также выплачивалось скотом [159, с. 27].

Для кочевых сообществ скот являлся основой их существования, и поэтому вполне закономерно, что при отсутствии достаточно развитых товарно-денежных отношений он выступал в качестве своего рода валюты, денежной единицы, меры. В настоящее время размеры штрафов и то, в какой форме они производились, могут вызвать чувство недоумения и другие подобные чувства. В данной связи можно сослаться на Ф. Ницше, его ранее цитировавшийся нами мысль о том, что «народные права, например германские, были грубы, суеверны, нелогичны, отчасти нелепы, но они соответствовали совершенно определенным древним местным обычаям и чувствам» [141, с. 439]. Для нас в данном случае важнее установление состояния не только гражданского судопроизводства в традиционной кыргызской среде на момент присоединения Кыргызстана к России, но и вообще правовой культуры и сознания кыргызского народа, которые, будучи исходным материалом для преобразований, будут подвергаться коренной трансформации. Цивилизационные различия между исконной, преобразуемой и преобразующей культурами были настолько значительными, что могли быть состыкованы между собой, и по этой причине трансформация могла происходить только в форме масштабной ассимиляции. Во всяком случае, это целиком относится к правовой системе. В реальности, собственно, и имело место полное вытеснение исконного права кыргызов.

Традиционная кыргызская община, была подвержена уже с древних времен естественному процессу социально-имущественной дифференциации, что не могло определенным образом не отразиться на ее правовой системе, которая в течение длительного времени адаптировалась под интересы и требования наиболее сильных и влиятельных социальных групп. Сообразно данному обстоятельству нормы адата отражали в первую очередь интересы

этих социальных групп, которые, обладая, как правило, необходимыми средствами, могли избежать наказания даже от самых тяжких правонарушений, уплатив штраф соответствующих размеров. Реальное неравенство юридических прав членов общины отражало, таким образом, их реальное социально-имущественное неравенство, и поскольку последнее имело устойчивый характер, то и правовые нормы, в конце концов, обрели постоянную форму. В соответствии с принципом обратной связи, постоянно воспроизводимые общественные и межличностные отношения, будучи закрепленными в праве, сами стали формироваться в рамках определенного правового поля, в котором осуществляемый в виде штрафа, по сути, откуп от любого рода преступления, с одной стороны, отражал реальную длительную, многовековую «правовую» практику, а с другой – прочно укоренился в правовом сознании и культуре кыргызов. В кыргызском обычном праве не существовало строгого разграничения между уголовно наказуемыми деяниями и гражданскими правонарушениями. Так, Д. Туранов, наблюдая жизнь местного населения, пришел к заключению, что «о гражданской и уголовной неправде наши киргизы имеют понятия, не развитые и по содержанию, и по форме» [178]. С.С. Сатыбеков в данной связи указывает на то, что «ни он, ни другие авторы, указывая на отсутствие в обычном праве киргизов различий между уголовными преступлениями и гражданскими правонарушениями» [159, с. 27] и при этом сам пытается объяснить данный факт социальными факторами, свойственными «всем народам на той стадии их развития, когда господствовало натуральное хозяйство, очень слабыми были экономико-торговые отношения внутри родов и племен, во многих отношениях совершенно изолированных от внешнего мира. Все это оказало влияние не только на формирование обычного права, на его понятия и содержание норм, но и на формы и способы защиты этих прав» [159, с. 27–28]. Объяснение С.С. Сатыбекова, таким образом, сводится в целом к констатации низкого уровня общей культуры кыргызов, а вернее, к самому низкому уровню, проявлявшемуся, в частности, слабыми экономико-торговыми отношениями

внутри родов и племен, «во многих отношениях совершенно изолированных от внешнего мира». Мы вполне разделяем данную точку зрения. Однако считаем ее неполной. По нашему мнению, проблема не только в уровне культуры, а в ее кочевом типе, для которого свойственна патронимия, т.е. форма регулирования общественных и иных отношений внутри по признакам родословной близости и на патриархальных принципах отношений в семье, когда на низовых звеньях регулирование общественных отношений происходит на основе семейно-родовых связей, что в свою очередь, как указывалось ранее, связано с организацией процесса производства на основе коллективного использования пастбищных массивов и ряда других трудовых операций.

Каждый кыргызский род уже в силу своего определения состоял из лиц, находящихся в той или иной степени взаимного кровного родства, т.е. фактически представлял собой коллектив родственников, члены которого в силу крайне низкой производительности труда внутри общины и часто враждебного внешнего окружения находились в сильной зависимости друг от друга. И все это вместе само по себе приводило, по нашему мнению, к значительному сокращению количества преступлений уголовного характера, во всяком случае, в пределах рода. Что же касается преступлений по отношению к представителям других родов и народов, то, совершаемые преимущественно по необходимости, они, наиболее вероятно, вообще не осознавались членами рода и, соответственно, не признавались преступлениями как таковыми. К тому же внутри рода существовали другие, зачастую куда более действенные, чем правовые, средства воздействия на членов общины. К примеру, общественное мнение, которое в зависимости от характера и глубины совершенного проступка создавало ту или иную атмосферу вокруг правонарушителя. И поэтому вполне естественно и закономерно, что своеобразным критерием глубины и масштабов того или иного правонарушения, степени его общественной опасности становился скот, а вернее, размеры штрафа, уплачиваемые скотом. Другими словами, проблема

выживания превосходила внутри общины, как и самой общины, по своей значимости проблему установления справедливости. И поскольку данная проблема относилась к числу, по сути, перманентных проблем, то и ее решение, а вернее, способ ее решения, приводивший к определенному перераспределению материальных ресурсов и позволявший таким образом выживать, получил в конце концов свое юридическое оформление. В таких условиях едва ли возникала реальная потребность в разграничении уголовных и гражданских правонарушений. Сказывалась к тому же высокая степень хозяйственной автономии родов и племен, которая вела к замыканию их на собственной жизни, на самих себе и невозможности суммировать коллективный опыт родов, в том числе правовой, в единое целое. В результате опыт всегда носил локальный характер. Однако из этого не следует, что данный опыт со временем не возрастал. Правовые обычаи кыргызов, приобретающие со временем силу закона, изменялись по мере того, как они дополнялись практикой суда биев, которая в условиях отсутствия письменности была одним из основных источников права.

Суд биев осуществлялся устно и публично. В силу безграмотности основной массы кыргызов никаких записей по ходу процесса не производилось, те или иные решения суда не заверялись приложением печати и т.д. С определенного момента судьба обычного права кыргызов стала определяться главным образом введением письменности в судопроизводство биев, происходившим под внешним влиянием. Однако до этого оно изменялось чрезвычайно медленно, поскольку и сами условия жизни не претерпевали сколько-нибудь заметных изменений. Другими словами, у кыргызов не было серьезных оснований модифицировать свое право, а с ним, разумеется, суд и судопроизводство.

В соответствии с установившейся многовековой традицией у кыргызов судебный процесс, осуществлявшийся по обычному праву, имел состязательный характер, при этом в качестве средств доказывания использовались объяснения сторон, те или иные вещественные доказательства и показания

свидетелей. Решения, принимаемые биями, должны были исполняться без принуждений и в назначенный ими срок. За отсутствием специальных органов, обеспечивающих исполнение судебных постановлений, последние осуществлялись через наиболее влиятельных лиц аила или рода, к которому принадлежал ответчик. В том случае, если их влияния было недостаточно для исполнения решения, то в соответствии с традицией истцовая сторона могла прибегнуть так называемой барымте, что на практике было настолько распространенным явлением, что стало, по сути, частью правовой действительностью кыргызов. Данное обстоятельство обязывает нас рассмотреть этот феномен более подробно, тем более что он определенным образом характеризует традиционную правовую культуру кыргызов.

Итак, в тех случаях, когда спор внутри рода или между родами не находил своего решения биями или авторитетными аксакалами, то потерпевший был вправе пожаловаться родоначальнику ответчика. Если и это ни к чему не приводило, то он вправе был обратиться к ближайшим своим родственникам либо влиятельным лицам своего рода, которые совместными усилиями добивались удовлетворения иска. Разумеется, игнорировать уже коллективное мнение и усилия рода было значительно сложнее, чем усилия отдельного лица. И это возможно было сделать только при наличии силы, способной противостоять другой силе и решать дело в пользу своих сородичей. В таких обстоятельствах противостояние в конце концов приобретало коллективный характер, и в случаях, когда баланс сил между противоборствующими сторонами не предполагал скорого решения спора в чью-либо пользу, обиженные вправе были на свой страх и риск защищать свою честь и возместить убытки всеми доступными им способами, и барымта, организаторами которой часто выступали родоначальники, была одним из таких средств.

Часто барымта носила массовый характер, в нее втягивалась вся мужская часть враждующих родов и она перерастала в междоусобную войну. Как отмечает Т.М. Культелеев, барымтой занимались как люди богатые и

«почетные», имевшие в своем распоряжении вооруженных джигитов, так и бедные, спровоцированные на действия материальной нуждой [122, с. 253].

Несмотря на то, что барымта часто приобретала форму ничем не прикрытого грабежа, она в определенной мере представляла собой способ, своеобразную гарантию исполнения и удовлетворения иска.

Таким образом, что в условиях длительного отсутствия государства у кыргызов барымта выступала, по сути, средством принуждения к исполнению судебного решения, подменявшим собой те силовые подразделения, которые в условиях государственного существования берет на себя обычно полиция или армия. Родоправители, как и все остальные члены рода, часто были вынуждены удовлетворять иски из опасения, что к ним могут быть применены силовые методы воздействия. Необходимо отметить, что во всех более или менее развитых обществах право не могло обрести силы закона, если подкреплялась соответствующими силовыми средствами, насильственными мерами. М. Вебер указывал в свое время, что «государство нельзя социологически определить исходя из содержания его деятельности», однако «дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства – физического насилия» [81, с. 251]. Соглашаясь с тезисом Л. Троцкого о том, что «всякое государство основано на насилиии», М. Вебер писал: «Это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие “государство”» [81, с. 251]. Государство, по М. Веберу, «есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия... единственным источником “права” на насилие считается государство» [81, с. 263]. Речь, таким образом, идет о легитимном физическом насилиии, когда «единственным источником “права” на насилие считается государство». Однако возникает вопрос, что может быть источником «права» на насилие, когда отсутствует государство как таковое? Барымта в

определенной мере подменяло собой те органы и институты власти, которые в государстве выполняют насильственные функции. Данное утверждение не бесспорно, однако трудно представить себе, что тот или иной род мог пойти на определенные уступки другому роду, выполнить его исковые требования, если бы не испытывал на себе силовое давление или угрозу применения силы. Однако барымта в силу ее бессистемного и примитивного характера, а также в силу того, что часто принимала форму элементарного грабежа, она так и не стала, впрочем, и не могла стать действенным правовым инструментом, по сути, она была ее эрзацем в межродовых отношениях.

В течение многих веков кыргызское традиционное общество, представленное независимыми друг от друга родами и племенами, было замкнуто в пространстве, ограниченном территорией проживания общины, что имело своим следствием «затормаживание» социального времени. При отсутствии иных средств коммуникации и передачи коллективного опыта, кроме устной речи, опытность и умудренность приходили к конкретному индивиду со временем. Продолжительность жизни выступала, таким образом, в качестве основного условия накопления индивидом опыта, социально значимой информации и, как следствие, определяла в значительной мере престиж и статус индивида в общине.

Один из исследователей патриархального кыргызского общества К.Б. Аманалиев указывал на то, что в условиях традиционной кыргызской среды психологическая адаптация личности осуществлялась в форме единства аккомодации, т.е. усвоения правил среды через уподобление ей, и ассимиляции, т.е. уподобление себе, которая происходила в значительной мере через функцию аксакализма [256, с. 54]. Однако в силу того, что кыргызские рода и племена представляли собой, по сути, военные или полувойенные образования и степень социально-имущественной дифференциации в них была достаточно высока, кыргызы не существовали в условиях геронтократии. Авторитет индивида определялся в конечном счете не количеством прожитых лет, а от его реального влияния в общине, которое

в свою очередь определялось его ближайшими родственными связями и местом, занимаемым в административной иерархии общины.

Один из наиболее известных исследователей обычного права кыргызов XIX века Г.С. Загряжский указывал на то, что «всякий киргиз может разбирать всякое, если стороны к нему обратятся» [98, с. 192], при этом «киргиз, известный по своему уму, безукоризненной нравственности, справедливости, опытности в киргизском судопроизводстве... именуется бием» [98, с. 193]. Приведенные слова Г.С. Загряжского помимо прочего свидетельствует о том, что для процедуры избрания бия – человека, обладавшего безукоризненной нравственностью, справедливостью и опытностью в судопроизводстве, – были свойственны определенные демократические принципы и элементы. Однако по мере того, как в жизни кыргызской общины патриархальные элементы вытеснялись феодальными и усиливался процесс социальной дифференциации, бийи и люди, наиболее приближенные к ним, в соответствии с законами общественной трансформации все более стремились стяжать власть в своих руках, придать ей постоянный характер.

К. Нурбеков придерживается мнения, что звание бийя не носило наследственного характера и официально они выдвигались и избирались по ходу самой практики разбора правонарушений [142, с. 78]. Лицо, носившее звание бийя, должно было обладать реальной властью и авторитетом, чтобы быть способным не только вынести судебное решение, но и обеспечить его исполнения, что само по себе предполагало соединение в одном его лице функций родоначальника, судьи и административной власти, что, собственно, и было, но до тех пор, пока в кыргызской традиционной общине не стала выделяться новая фигура в лице манапа, которая возникла значительно позже, чем бий.

Как указывают некоторые исследователи, отдельные изречения и приговоры известных бийев служили в дальнейшем образцом, т.е. были, по сути, судебным прецедентом, для разрешения схожих дел, приобретая таким образом иногда силу закона. При разрешении дел бийи были вправе ссылаться

на решения других авторитетных бийев, что они относительно часто и делали [142, с. 63–64]. Кроме того, из поколения в поколение передавались высказывания и решения, зарекомендовавшие себя как наиболее мудрые и оригинальные.

Как свидетельствуют архивные материалы, бийи были не вправе отказаться от разбирательства дела даже в том случае, если одной из сторон тяжбы выступали их родственники [306, с. 488]. Сроки исковой давности не устанавливались и, соответственно, не регламентировались. Однако суд по причине давности вправе был отказать в иске и попытаться примирить стороны в тех случаях, если истцу не удавалось доказать объективных причин несвоевременного предъявления иска. На истца возлагалась обязанность по обеспечению явки свидетелей и ответчика, при этом бий обладал правом «вытребовать насильно» лиц, отказывающихся от явки на суд.

Суд бийев был обязательной первой инстанцией, в компетенции которой был все категории споров. Кочевой образ жизни сам по себе предполагал отсутствие постоянного места судебных разбирательств, которое в каждом конкретном случае определялось бийем. Дела, имевшие принципиальное значение для двух или более родов, разбирались на съезде биев с участием знати вовлеченных в разбирательство родов и при большом стечении народа. Поскольку такого рода дела не носили регулярный характер, съезды биев не получили статуса постоянно действующей судебной инстанцией и собирались, как только назревала необходимость в них [159, с. 27].

До вхождения Кыргызстана в состав Российской империи и в период его нахождения в Кокандском ханстве высшую инстанцию суда на юге страны образовывали беки и ханы, а на севере – манапы, от которых, как утверждает Г.С. Загряжский, зачастую зависел пересмотр дел, ранее разрешенных бийями [96, с. 193]. К XVIII–XIX векам в политической структуре традиционного кыргызского общества главенствующую роль стало играть манапство. В сферу компетенции манапов, стяжавших к тому времени в своих руках всю реальную власть в пределах своего рода, входило все то, что включало исполнительная,

судебная и административная власть, что позволяло им осуществлять надзор над бийскими судами. В силу того, что судопроизводство распространялось на многие сферы жизни общины и затрагивало помимо процессуальных и административные функции, в него были вовлечены не только бийи, но и манапы, которые, располагая всеми необходимыми средствами для доминирующей роли в общине, становились, в конце концов «в полном смысле властелинами» [372], наделенными правом вторгаться в самые различные сферы отношений, включая семейные.

Действительное положение вещей в системе властных отношений внутри кыргызской общины достаточно красноречиво отражено в кыргызской поговорке того периода: «Букара – мал, манап – койчу («Народ – стадо, манап – пастух»). Исследователь первых десятилетий советского периода истории П. Кушнер утверждал: «Манап – властный распорядитель киргизской жизнью. Он владеет родовыми территориями, судит и правит, он собирает налоги, он распределяет кочевья, он разбирает недоразумения, он наказывает виновных» [124, с. 15]. Российский исследователь А.Н. Вышнегорский в 1886 году после того, как он имел беседу с несколькими кыргызами-манапами и бийями, пришел к заключению, что «манап есть звание вроде русского князя» [88, с. 202]. Поскольку социальные процессы в различных кыргызских родах происходили с неодинаковой скоростью, то роль манапов и биев, степень их влияния, властные и судебные функции и полномочия были у них также неодинаковы. Так, в записях Зиберштейна, относящихся к середине XIX века, правители племени бугу именуется не иначе, как бийями, а не манапами [289, с. 244–246]. Приблизительно в это же время Ч. Валиханов указывал на то, что у кыргызов каждый род управлялся своим бием [79, с. 512]. Из приведенных нами фактов можно сделать логический вывод, что на тот период манапы и бийи сосуществовали, дополняя друг друга. Однако в силу процесса феодализации, сопровождавшегося вытеснением патриархальных форм жизни, четко обозначилась тенденция, обусловленная утверждением господства манапов в традиционном кыргызском обществе.

Процессуальная сторона дела по-прежнему возлагалась на биев в силу наличия у них специальных знаний и навыков. Апелляция на решения суда бийев допускалась в порядке исключения. Жалобы на решения бийев, которые не устраивали одну их сторон, осуществлялись в устной форме вышестоящей инстанции в лице манапов, которые обладали правом пересмотреть дело по существу. Сторона, не удовлетворенная решением бийя, жалуясь родоправителю, предоставляла ему подарки (тартуу)¹, что, в сущности, было узаконенной формой взятки. Бедные члены рода при таких условиях были, по сути, лишены возможности жаловаться на решения бийя. Жалобы, ставившие под сомнение справедливость, честность и компетентность бийев, воспринимались ими как оскорбление, поэтому родоправители, которые видели в бийях своих подчиненных, людей, проводивших их волю, с неодобрением относились к таким жалобам и могли подвергнуть жалобщика физическому наказанию, особенно если последний был беден [117, с. 14].

Постоянный рост авторитета манапа в условиях быстро феодализирующегося общества приводил к тому, что он настойчиво стяжал судебные функции, наделяя себя правом рассматривать все уголовные и гражданские дела, вынося решения и обеспечивая наступления ответственности. Манапы, выступая в качестве хранителей «нарка», т.е. родового уклада, и «намыса», т.е. родовой чести, и организаторов защиты рода и межродовой борьбы, межродовых и межэтнических отношений, обладали необходимым авторитетом и реальной властью, и поэтому их решение в суде было беспрекословным и не подлежало обжалованию.

Изменение судопроизводства кыргызов, как, впрочем, и всей системы права, происходила не только вследствие внутренних социальных процессов, а главным образом под внешним воздействием, исходившим от соседних народов. В период Кокандского ханства таким народом были в первую очередь узбеки, соседство которых сказывалось таким образом, что

¹Тартуу – подношение родоправителям дорогих подарков для выражения покорности. Кыргызы дарили в основном дорогие звериные шкуры, хороших скакунов, скот и др.

достаточно большое число положений мусульманского права – шариата – перешли, были заимствованы, стали нормами кыргызского обычного права.

Т.С. Саидбаев, проанализировав уровень социально-экономического развития некоторых территорий Средней Азии в период распространения там ислама, пришел к выводу, что историческое развитие этносов, населявших регион, в том числе кыргызского, происходившее независимо от арабов, тем не менее во многом схожим с ними образом, что в конечном счете привело к принятию этими этносами ислама не только как религии, но и в качестве господствующей идеологии [158, с. 27], которая в той или иной степени, тем или иным образом отвечала интересам разных слоев данных этносов, находивших в исламе то, в чем они больше всего нуждались [158, с. 32]. Право, основывавшееся на исламе, который охватывал практически все стороны бытия индивида, способствовало наряду с самим исламом интеграции социально-экономической, политической и духовной жизни этноса, что обеспечивало успешное закрепление права в различных этнических почвах и его интеграцию с традиционными правовыми системами.

Универсальный характер ислама, позволяющий ей проникать в различные сферы общественной и личной жизни, приводил к тому, что многие положения шариата, проникая поначалу в быт народа, в его повседневную жизнь, со временем становились нормами обычного права кыргызов. Ислам, возникший на базе традиционной культуры, в силу данного обстоятельства легко находил и находит отклик у народов, у которых традиционализм играет значительную роль в жизни общества. Ж.А. Сманбаева, имея в виду традиционное кыргызское общество, справедливо указывает: «Каноны религии были предопределяющими на основных этапах жизни конкретного человека (освящение, наречение имен, обрезание, развод, похороны, поминки и т.д.)» [163, с. 161–162]. В течение нескольких веков шариат, проникая в традиционную кыргызскую среду, стал одним из важных источников действовавшего права и оказал заметное влияние на обычное право кыргызов – адат. Последний в собственном смысле слова сводится к обычаям, которым

фикх, т.е. мусульманско-правовая доктрина, систематизирующая знания о правилах поведения, отводит значительное место в регулировании поведения верующих. Следует отметить, что отдельные обычаи используются фикхом при регулировании брачных и семейных отношений. В силу данных обстоятельств в некоторых случаях произошло слияние норм адата с соответствующими нормами шариата. Это касается в первую очередь брачно-семейных отношений кыргызов, которые, в конце концов, стали регулироваться в первую очередь нормами шариата и лишь затем правилами адата (обычая) [163, с. 162]. Отчасти это объясняется тем, что патриархальный характер традиционной кыргызской общины, доминирующая роль мужчины в ней находили полное идеологическое оправдание в мусульманском праве, оправдывавшему такой порядок авторитетом Всевышнего.

Известный исследователь мусульманского права Л. Сюкияйнен указывает на то, что шариат постоянно демонстрирует уважение обычаев и традиций народов, исповедующих ислам, и поэтому их следует учитывать при решении тех или иных правовых проблем, «Обычай, – пишет Л. Сюкияйнен, – имеет значение нормы... то, что применяют люди, является критерием, которому надлежит следовать... установленное обычаем, равносильно предусмотренному нормой права». Шариат, по мнению Л. Сюкияйнена, позволяет давать такую интерпретацию его нормам и принципам, которая учитывает реальные условия жизни мусульман, их обычаи и интересы и позволяет находить решения, идущие в ногу со временем. Как считает Л. Сюкияйнен, является заблуждением мнение, что в странах, где исповедуется ислам, всегда применялись ранее и продолжают действовать только те нормы, которые взяты непосредственно из Корана и сунны, а все остальные отвергались и отвергается. На практике мусульманское право, основывающееся на шариате, никогда не было единственным законом [375]. С другой стороны, мусульманское право, безусловно, представляет собой более высокую ступень в развитии права, чем обычное.

Мы отмечали ранее, что кыргызское обычное право не делало четких различий между гражданскими правонарушениями и уголовными преступлениями. С. Кожоналиев, отмечая данную особенность кыргызского обычного права, указывает на то, что главным, как он считает, отличием суда казиев от суда биев заключается в том, что суд казиев, т.е. суд, осуществляемый по шариату, подразделял правонарушения и, соответственно, дела на гражданские и на уголовные, в то время как суд биев не осуществлял такого деления и, разумеется, все дела независимо от характера правонарушения рассматривал в одном и том же порядке [117, с. 40]. Существует, однако, и иные мнения. Так, А.В. Смирнов полагает, что шариат не делает различий между гражданским и уголовным судопроизводством [246, с. 172]. Такое различие во мнениях отчасти можно объяснить тем, что шариат, как справедливо отмечает Ф.Х. Сайфуллаев, не является ни кодексом и ни сводом законов, во всяком случае в современном понимании смысла слова, «шариат» в переводе с арабского означает «закон» и «законоположение», в широком же смысле шариат представляет собой совокупность постановлений и положений, которые регулируют наряду с прочими правоотношениями как личные, так и имущественные правоотношения мусульман [261, с. 5]. Шариат, представляющий собой свод норм, регулирующих права и обязанности индивидов в их повседневной жизни, и предполагающий из этих норм обязательные и возможные действия перед Всевышним и обществом, включает в себя три сборника правил:

- 1) правового характера;
- 2) религиозного характера и, наконец,
- 3) правил, которые определяют нормы морали, поведения и воспитания [210, с. 148].

Тесная связь между указанными тремя компонентами, в основе которых лежит вера, приводит к тому, что нарушение, неисполнение любой из правовых норм шариата одновременно считается грехом. Многие вопросы как уголовного, так и гражданского права в шариате освещены совместно, для

ряда преступлений предусмотрены наказания, выносимые приговором казийя, а ряд правонарушений, хотя и отнесены к греху, не наказываются, так как ответ за них, в соответствии с религиозными представлениями, придется держать перед Аллахом. Одной из важнейших особенностей мусульманского законодательства является то, что регулирование всех правовых отношений в нем происходит не путем предоставления прав, а, напротив, запретом противоправных действий. Что же касается гражданского судопроизводства, осуществляемого по шариату, то оно не делает различий между гражданским и уголовным судопроизводством. Если оценивать его с точки зрения идеальной типологии, то оно находится в промежуточном положении между ответчиком и частно-исковым видами. Частно-исковыми признаками процесса предусматриваются равное положение истца с ответчиком, самостоятельно ведущими свое дело. Они оба наделены правом представления доказательств, присутствия при всех процедурах и высказывания своих доводов и контрдоводов. Ответчик имеет право на защиту и считается невиновным до тех пор, пока не доказано противное. Судопроизводство осуществляется в устной форме, гласно и публично. В качестве доказательств могут быть использованы показания свидетелей, а также личный и домашний обыск, клятва и признание, при этом оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению судьи за исключением случаев, предусмотренных особыми предписаниями фикха, которые относятся к формальным требованиям к доказыванию. К примеру, «пророк не установил особых правил (для доказывания), кроме того, что правосудие должно руководствоваться обстоятельствами дела» [164, с. 123].

В мусульманском суде не существует стадий гражданского процесса, не оговариваются сроки процесса, порядок подготовки дел к судебному разбирательству и т.д. В отличие от процессуального права, присущего европейским государствам, гражданско-правовые нормы шариата начинаются с описания ответственности за те или иные противоправные деяния, а не поступков, признаваемых правонарушениями.

В силу того, что ислам, а вместе с ним, естественно, исламское право, проявляя особую гибкость, адаптировались под местные условия, то степень его внедрения и влияния на местные системы права была различной. К примеру, в Дагестане, как указывает М. Ковалевский, практически все гражданские дела рассматривались по шариату, уголовные же – по адату [116, с. 127]. Туркмены же обращались к казийю лишь в делах, имеющих касательство к браку и разделу наследства, все же остальные дела решал суд аксакалов, рассматривавший их по обычаю [91, с. 2].

Даже в пределах одной этнической группы в одно и то же историческое время степень внедрения в обычное право и адаптации шариатского права могла быть различной. Так, у кыргызов, проживавших в рассматриваемый нами период в северном регионе, дела рассматривались преимущественно в бийских судах в соответствии с нормами адата, в то время как на юге использовались преимущественно нормы мусульманского права, что было следствием более широкого распространения ислама, а также значительного влияния, исходившего от местных оседлых народов. Суды обращались к тем или иным нормам в зависимости от возникших обстоятельств, участников процесса, самой спецификой норм и т.д. Так, отношения, связанные с правами собственника, в среде, в которой исповедовался ислам, часто рассматривались не с опорой на шариатские нормы, а на местные традиции и обычаи. При этом мусульманское право защищало право собственности более последовательно и жестко, чем адат. Так, брачный выкуп, согласно шариату, является безусловной собственностью жены, по адату же калым, т.е. брачный выкуп, – собственностью ее семьи.

Следует сказать, что относительная изолированность и самостоятельность кыргызских родов и племен приводили к различию в юридических нормах, т.е. различию самих адатов отдельных родов и племен, что приводило часто к путанице в судебных решениях и способствовало разночтениям, возникновению двусмысленностей в сфере процессуального права. Е.А. Беляев не без оснований указывает на то, что степень влияния норм

шариата находилась в соответствии с уровнем общественного развития населения, исповедовавшего ислам, и чем ниже был указанный уровень, тем в большей мере было влияние местного обычного права, при этом там, где степень феодализации находилась на уровне начальной стадии, характерной для примитивно-феодального общества, сохранившиеся обычаи могли иметь большее влияние, чем нормы шариата, что чаще наблюдалось у кочевого и горского населения, в то время как в городах и государствах, в которых мусульманское население проживало в условиях развитых феодальных отношений, шариатские нормы господствовали безраздельно [116, с. 6].

Несмотря на постоянно усиливавшееся влияние ислама в традиционной кыргызской среде, основная часть кыргызского населения жила и осуществляла правосудие согласно нормам адата, качество которого в силу культурной специфики и объективного уровня кыргызов оставляло желать лучшего. Однако и суды, осуществлявшиеся по шариатским нормам и предписаниям, по той же причине также в целом не отличались высоким уровнем и качеством. Так, в одной из статей газеты «Зеравшанские заметки» от 8 мая 1879 года, посвященной местным судам, указывалось, что недостатки организации так называемого народного суда у кыргызов объясняются «полнейшей неподготовленностью большинства биев к судебной практике, отсутствием руководительного сборника обычаев и правил судопроизводства, отсталостью и противоречивостью обычаев», то суд казиев, пополняемый через систему выборов исключительно духовенством, знакомым «с юридической казуистикой шариата», остается несвободным «от фатализма, невежества (фатализма собственно нет, а невежества много)» [101, с. 5].

Нормы мусульманского права продолжали применяться не только в первые годы Советской власти, но и после того, как было осуществлено национально-государственное размежевание населения Средней Азии, вплоть до 1928 года. Однако они не успели укорениться в народном сознании и практике настолько глубоко, чтобы их невозможно было изжить.

Установление же советской тоталитарной системы сделало практически невозможным их возврат.

Все вышесказанное дает основание для следующих выводов.

1. Процесс становления гражданского судопроизводства Кыргызстана – это история преобразования традиционной правовой системы кыргызов, происходившая преимущественно под внешним воздействием, переросшим в два последних столетия в постоянное, настойчивое воздействие, а не в силу действительной внутренней потребности в такого рода преобразованиях. Традиционная кыргызская община отличалась чрезвычайной консервативностью, имевшей тотальный характер. Постоянная относительная немногочисленность каждого из родов, целиком замкнутых на самих себе, не позволяла осуществить им переход к иному качественному состоянию по причине количественной устойчивости. С другой стороны, качественные преобразования не происходили вследствие устойчивой приверженности кыргызов к кочевому образу жизни.

2. Одной из важнейших особенностей правовой культуры кыргызов, как и их правового сознания, является то, что она формировалась и существовала вплоть до середины XIX века в форме обычного права, т.е. основывающегося на обычаях. Кыргызский адат, как обычное право и у других народов на соответствующих этапах их развития, представлял собой совокупность юридических норм (обычаев), регулировавшая общественные отношения, возникавших в связи с имущественными и прочими спорами, и обеспечивала несение ответственности и исполнение наказаний за правонарушения.

3. Традиционная кыргызская община, была подвержена уже с древних времен естественному процессу социально-имущественной дифференциации, что не могло определенным образом не отразиться на ее правовой системе, которая в течение длительного времени адаптировалась под интересы и требования наиболее сильных и влиятельных социальных групп. Реальное неравенство юридических прав членов общины отражало их реальное социально-имущественное неравенство, и поскольку последнее имело

устойчивый характер, то и правовые нормы в конце концов обрели постоянную форму.

4. Модифицирование судопроизводства кыргызов, как и всей системы права, происходила не только вследствие внутренних социальных процессов, а главным образом под внешним воздействием, исходившим от соседних народов. В период Кокандского ханства таким народом были в первую очередь узбеки, соседство которых сказывалось таким образом, что достаточно большое число положений норм адата были заимствованы кыргызами из шариата.

5. Универсальный характер ислама, позволяющий ей проникать в различные сферы общественной и личной жизни, приводил к тому, что многие положения шариата, проникая поначалу в быт народа, в его повседневную жизнь, со временем становились нормами обычного права кыргызов. Ислам, возникший на базе традиционной культуры, в силу данного обстоятельства легко находил и находит отклик у народов, у которых традиционализм играет значительную роль в жизни общества. В течение нескольких веков шариат, проникая в традиционную кыргызскую среду, стал одним из важных источников действовавшего права и оказал заметное влияние на обычное право кыргызов – адат. Однако, несмотря на постоянно усиливавшееся влияние ислама в традиционной кыргызской среде, основная часть кыргызов жила и осуществляла правосудие согласно нормам адата.

6. Весьма вероятно, что нормы мусульманского права, в конце концов, окончательно утвердились бы в традиционной кыргызской среде, играя в ней доминирующую роль по отношению к адату. Однако включение Кыргызстана в состав Российской империи не дало воплотиться данной возможности в реальность. Шариатские нормы продолжали применяться вплоть до 1928 года. Однако они не успели укорениться в народном сознании и практике настолько глубоко, чтобы их невозможно было изжить. Установление же советской тоталитарной системы сделало практически невозможным их возврат.

1.2 Гражданское судопроизводство в Кыргызстане на основе норм общероссийского законодательства

Мы утверждали в первой главе нашего исследования, что трансформации в обычном праве кыргызов, как, разумеется, и системе судопроизводства, происходили главным образом в результате внешних воздействий, исходящих от других народов, а не в силу внутренней потребности в изменениях. Традиционное кыргызское общество, консервативное само по себе, как и любое другое традиционное общество, сохраняло все свои исходные цивилизационные характеристики почти в неизменном виде или, другими словами, не подвергалось заметной модернизации до тех пор, пока не испытывало внешних воздействий. Специфика скотоводческой формы хозяйствования при наличии свободных пространств приводила к тому, что относительно малочисленные кыргызские роды и племена были вполне самодостаточны. Они, по сути, не нуждались друг в друге. Постоянные же их перемещения в пространстве сводили воздействие иных культур на кыргызскую к приемлемому минимуму, т.е. не приводящему к сколько-нибудь значительным трансформациям, не говоря уже о смене этнической и культурной идентичности. Однако это могло продолжаться до тех пор, пока было достаточно относительно свободных пространств, которые к XIX веку стали резко сокращаться, во всяком в традиционных ареалах проживания кыргызов. В результате значительная часть кыргызских родов и племен была включена в Кокандское ханство. Как мы считаем, последующее развитие кыргызского обычного права и всех институтов, связанных с ним, в пределах Кокандского ханства должно было, привести к переходу кыргызов в систему шариатского права, что, на наш взгляд, не противоречило эволюционной форме развития кыргызского права, поскольку к этому времени кыргызы в основной своей массе исповедовали ислам, который не только не противоречил исконным традиционным кыргызским представлениям и ценностям, но и определенным образом укреплял их, что позволяло шариатскому праву относительно легко проникать

в обычное право кыргызов. Однако включение Кыргызстана в состав Российской империи круто изменило судьбу кыргызского народа.

Как писал в своей монографии бывший Первый секретарь Компартии Киргизской ССР Т.У. Усубалиев: «Вхождение Киргизии в состав России привело к ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни... Именно с этого момента начался решительный переход от патриархально-феодалного строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства» [185, с. 100]. Несмотря на то, что данная цитата выдержана вполне в духе советской пропаганды, в ней, тем не менее, содержится несколько истин, а именно о ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни, о преодолении обособленности племен, о национальном объединении и, наконец, о переходе от патриархально-феодалного строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства. Если пытаться выразить данные истины, то решающим обстоятельством здесь стал тот факт, что Россия стояла на гораздо более высокой общественно-экономической ступени развития и этим способствовала ускоренному развитию кыргызского народа. Очевидно, что оценка трансформационных процессов в цивилизационной плоскости дает более емкое, ясное и точное представление о том, с каких рода проблемами с точки зрения их сути столкнулись кыргызы и о степени сложности этих проблем.

С присоединением Кыргызстана к России эволюционное развитие кыргызского этноса было прервано. Народ, который веками жил в одном социальном времени и которому в принципе была чужда инновационная составляющая культуры, поскольку она разрушала традиционализм, был вовлечен в жизнь с совершенно иным ритмом и культурой, в которой инновационная компонента получила преобладание над остальными компонентами. Несмотря на то, что крепостное право в России было отменено только в 1861 году, т.е. практически на момент присоединения кыргызских территорий к империи, в России быстро росло промышленное производство.

Она еще не стала индустриальной державой, однако все элементы индустриальной цивилизации были у нее уже налицо, что проявлялось, в частности, в форсированном развитии имперского права, которое целенаправленно приспособлялось законодателем и государством.

Таким образом, взаимоотношения между Россией и Кыргызстаном во всех сферах общественного бытия, в том числе, конечно, в системе права, в целом представляли собой взаимоотношения между индустриальной и традиционной цивилизациями, в которых первая с необходимостью должна была поглотить последнюю, осуществив это поглощение ассимилятивными методами. И главная проблема здесь заключалась не в конечной цели, которая состояла в наиболее полной культурной ассимиляции присоединенных народов, а в конкретных средствах и методах, а также во времени ее осуществления.

Царская Россия, развивавшаяся эволюционным путем и не потерявшая на тот момент историческую связь между множеством поколений, естественно, тяготела к методам воздействия, близким по форме и сути к эволюционным, осуществляемых гораздо менее болезненно и более предсказуемо, чем революционными методами. На практике, имею в виду предмет нашего исследования, это означало параллельное сосуществование нескольких систем права и постепенное, но настойчивое внедрение в местные правовые системы собственных имперских правовых элементов при безусловном доминировании норм общероссийского права, которое обеспечивалось самой природой имперского государства. Присоединение новых территорий к империи означало не только включение их в единое тело государства, но и полное подчинение их метрополии.

Политика по расширению Российской империи осуществлялась с помощью ставших уже традиционными административных и правовых мер. С установлением колониальной власти было введено новое административно-территориальное деление – на области, края, волости и уезды, границы

которых проводились без учета этнической принадлежности и многообразия населения, проживавшего на той или иной территории.

Для более эффективного освоения новоприобретенных территорий, а затем уже безвозвратного их присоединения метрополия должна была обеспечить активное массовое заселение края пришлым населением – носителями русской культуры. С этой целью с весны 1857 года началась активная колонизация Семиречья и Заилийского края, осуществляемая за счет массового переселения семейных казаков [161, с. 57], а также крестьян из числа ссыльных с припиской их в казаки [60, с. 6].

После того, как территории, принадлежавшие северным кыргызским родам и племенам, в марте 1865 года добровольно вошли в состав России, эти территории были включены в Туркестанскую область [318, с. 168], распростертую от Аральского моря до озера Иссык-Куль. Что же касается южной части Кыргызстана, то она продолжала находиться под властью Кокандского ханства до 1876 года [217, с. 332–362]. В дальнейшем Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, которое в соответствии с проектом Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями от 11 июля 1867 года включало в себя Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую области. Новообразованные Иссык-Кульский и Токмакский уезды были включены в Семиреченскую область, Таласская же долина и Чаткал – в Олуя-Атинский уезд были включены в Сыр-Дарьинскую область [332, с. 282, 316]. Новое административное деление края, введенное метрополией, определялось в первую очередь политическими целями и задачами унификации системы управления, которое должно было быть одинаковым на всей территории обширной империи, а не экономическими и прочими интересами, а также традициями и привычками местного населения, у которого все еще преобладали патриархально-феодальные отношения [159, с. 36–50]. Таким образом, новое административно-политическое устройство наносило удар по прежней патриархально-феодальной системе управления, характеризуемой

низкой эффективностью и раздробленностью, серьезно препятствовавшими проведению целенаправленной политики и реформ.

Было разработано и принято Временное положение об управлении Туркестанской областью [286, с. 550], в котором помимо всего прочего предусматривались изменения судоустройства и судопроизводства кыргызов.

В соответствии с п.п. 4 и 5 Временного положения на территории Кыргызстана была введена следующая система судебных органов:

- военный суд;
- суд, действующий на основе общих законов империи (мировые суды);
- народный суд, который в свою очередь подразделялся на суд кыргызов, суд сартов и других народов, населявших территории, на которых распространялась юрисдикция новой колониальной администрации.

Наличие нескольких параллельно действующих судов отражало, с одной стороны, наличие существенных различий между судебными системами пришлого и коренного населения, а с другой – дифференцированный подход царского правительства при проведении им ассимиляторской политики, которая с необходимостью должна была учитывать всю совокупность существующих различий между местным и пришлым населением, а кроме того, отсутствие в необходимом количестве средств и людей для проведения процесса ассимиляции в форсированном темпе. Необходимо было время. Бессмысленно и нелепо было проводить суды по правилам, непонятным для коренного населения. Однако по мере возможности общероссийское законодательство, выступая в роли доминирующего, внедрялось в местные системы права, вернее, оказывало на них то или иное воздействие, которое со временем, естественно, должно было только возрастать.

Влияние имперского законодательства на местное судоустройство и судопроизводство было связано в первую очередь с тем, что между уголовным и гражданским правом было введено четкое разграничение, а также между соответствующими отраслями процессуального права, что в свою очередь прямо отразилось на решении вопросов, связанных с подведомственностью и

подсудностью гражданских дел соответствующим судебным учреждениям, процессуальном положении сторон и проблемы соотношения источников процессуального права, которыми судьи должны были руководствоваться в своей деятельности. С появлением данной грани и всех сопутствующих элементов, обеспечивавших раздельное функционирование гражданского и уголовного права, в традиционной кыргызской среде возникли собственно гражданское и собственно уголовное право. И хотя массовое правовое сознание кыргызов, очевидно, не сразу восприняло внезапно возникший водораздел между ними, тем не менее, было положено начало раздельного их существования, и правовому сознанию ничего не оставалось, как приспособливаться под измененную правовую реальность. Другими словами, кыргызы стали учиться различать гражданские и уголовные правонарушения. С высоты сегодняшнего дня различия между ними представляются чем-то очевидным и не поэтому не требующим сколько-нибудь значительных внутренних усилий для их разграничения. Однако для этого необходим опыт объединения, который восходит именно к тому времени, когда в традиционном кыргызском обществе начались тектонические, т.е. затрагивающие основы его цивилизационного бытия, изменения.

Временное положение предусматривало и предписывало следующую систему народных судов у кыргызов:

- единоличные суды бийев;
- волостной съезд бийев;
- чрезвычайный съезд судей нескольких волостей (уездов).

Временным же положением предусматривалось, что судопроизводство во всех судах должно осуществляться по нормам обычного права.

Бии располагали правом единолично разрешать гражданские дела в том случае, если размер иска не превышал 100 рублей, натуральным эквивалентом и выражением которых выступали 5 лошадей или 50 баранов. Решения, принятые бием, являлись окончательными и не подлежали обжалованию. Иск должен был предъявляться по месту жительства ответчика, и дело поступало

на рассмотрение, бия, проживающего в той же волости, что и ответчик.

Если размер иска превышал 100 рублей, то решение гражданских споров возлагалось на съезды бийев, на которых должны были присутствовать все волостные бийи. Съезды были правомочны решать гражданские споры с иском на сумму любого размера, однако решения их могли считаться окончательными только для дел с исками до 1000 рублей (50 лошадей или 500 баранов). Если иск превышал 1000 рублей, решение волостных съездов могло быть опротестовано уездному начальнику в течение семи дней с момента объявления решения. Такой порядок обеспечивал контроль суда со стороны колониальной администрации.

Статьей 31 Временного положения об управлении Туркестанской областью устанавливалось управление местным (туземным) населением военным губернатором, который был наделен правом утверждать на должность и смещать с должности управляющих местным населением, которыми были бийи, казийи и сартовские аксакалы [93, с. 303–314].

Военный губернатор согласно ст. 37 Временного положения был вправе изменить решения суда бийев и казийев в тех случаях, когда он находил, что они несовместимы с понятием о человеколюбии.

В случаях, когда в то или иное гражданское дело были втянуты жители разных волостей одного уезда или жители разных уездов, по распоряжению уездного начальника или сведома соответствующих властей, по мере необходимости созывались чрезвычайные съезды судей, постановления которых считались окончательными и не подлежали обжалованию.

В компетенции суда бийев находились также семейно-брачные и наследственные дела, решение которых осуществлялось также по народным обычаям [173, с. 35]. Однако если одна из сторон, участвующая в тяжбе, была недовольна решением народного суда, она обладала правом обратиться с жалобой к уездному начальнику, правомочному пересмотреть дело по существу.

Если гражданско-правовые споры возникали между кыргызами и русскими либо представителями других оседлых этносов, то эти споры входили в компетенцию мировых судов, которые руководствовались в таких случаях общеимперскими законами. Временным положением не запрещалось рассмотрение гражданских дел, в которых обе стороны были представлены только кыргызами, уездным мировым судом при условии наличия согласия сторон, участвующих в тяжбе. Суд, рассматривая такие дела, должен был учитывать культурную специфику лиц, вовлеченных в тяжбу, руководствуясь при этом как местными обычаями, так и общими гражданскими законами государства (Судебным Уставом 1864 года и др.), которые адаптировались под местные условия. Так, в соответствии с Уставом гражданского судопроизводства 1864 года исковое заявление мировому судье могло подаваться как в письменной, так и в устной форме, причем устные исковые заявления должны были приниматься и от лиц, владеющих грамотой. При этом устная просьба должна была заноситься в протокол, зачитываться истцу и заверяться его подписью. Лица, вовлеченные в разбирательство, были вправе заявлять и другие ходатайства, однако за двумя исключениями, требовавшими обязательного соблюдения письменной формы, – апелляционной жалобы и заявления об отмене решения [304, с. 28].

Мировые судья, которых было несколько в каждом уезде и городе, решали дела единолично в порядке упрощенного судопроизводства. Их назначение и смещение осуществлялось Министерством юстиции, но только после того, как оно было согласовано со степным генерал-губернатором. Законом предусматривалось, что приговор и решение мирового судьи могли быть обжалованы в порядке апелляции в уездном съезде мировых судей либо в кассационном порядке в Сенате [215, с. 118].

Законодательством было упорядочено судопроизводство мировых судей на всех стадиях разбирательства дела, и оно, если сравнивать его с народными судами Туркестанского генерал-губернаторства, было куда более продвинутым и прогрессивным по форме и стилю судопроизводства. Однако

относительно часто в практике мировых судов, как это подтверждают архивные материалы [307, с. 506], возникали серьезные трудности в связи с обращением коренного населения за судебным разбирательством. Объяснялось это многими причинами – и неосведомленностью большинства коренного населения с правилами имперского судопроизводства, и незнанием русского языка, и элементарной безграмотностью, и понятным, естественным недоверием местного населения к различным новациям и новым порядкам, и отсутствием достаточного опыта взаимодействия, и приверженностью к собственным понятным и привычным правилам и правовым нормам и т.д. – словом, всего того, что совокупности составляет правовую культуру народа, которая существенно разнилась с медленно, но настойчиво внедряемой новой правовой культурой. Именно существенные различия между правовыми культурами, как и культурами в целом, были основной причиной небольшого количества обращений коренного населения за судебной защитой к мировым судьям. Если перефразировать ранее цитированную нами мысль Ф. Ницше о произвольном праве и переложить ее к той кыргызской правовой реальности, то она будет выглядеть следующим образом: российское продуманное право представлялось кыргызам непонятным и не выражало их правового сознания, и хотя народные права были нелогичны и отчасти нелепы, однако они находились в соответствии с совершенно определенными местными обычаями и чувствами.

С целью упорядочения общественной жизни и установления максимально возможного контроля над своими ново подданными Царская администрация старалась там, где это, возможно, ввести формальные моменты. Так, все участвовавшие в разборе дела бии обязаны были прикладывать выданные им печати к своим решениям, которые должны были в краткой форме записываться в книгу регистрации судебных решений, приведение в исполнение которых возлагалось на волостных управителей.

Ранее мы уже указывали, что Временным положением предусматривалась возможность обращения кыргызов, при взаимном

согласии тяжущихся сторон, которое, к слову сказать, должно было быть выражено письменно, в русский суд. Однако дело этим не ограничивалось. Русские купцы и торговцы по делам, в которых другую сторону представляли кыргызы, при наличии согласия обеих сторон, были вправе обратиться в суд биев, что, как предполагалось, должно было способствовать росту доверия коренного населения к пришлому, а также к учреждениям, создаваемым им. Тяжущиеся стороны по обоюдному согласию могли обратиться для разбора их дела к одному либо к нескольким из утвержденных биев. Их согласие по поводу выбора бия или биев для решения их дела должно было быть внесено в книгу, специально предназначенную для записи решений. При таких обращениях решения суда биев, имевшего характер третейского суда, считались окончательными независимо от размера иска.

В соответствии с Временным положением народные судьи должны были избираться местным населением сроком на три года. Определение количества народных судей и границ их участков находилось в компетенции областных правлений, при этом в пределах волости у оседлого коренного населения должно было быть не более одного судьи, у кочевой же части населения – не менее четырех, но не больше количества айльных (сельских) обществ, расположенных в одной волости, что объяснялось значительным рассредоточением и автономным существованием айльных обществ. В каждой волости выбиралось от четырех до восьми бийев, которые должны были заниматься решением различного рода тяжб и исков [285].

Нормы обычного права совершенно не предусматривали для суда бийев инстанций и апелляций. Порядок, при котором судьи избирались обеими сторонами, вовлеченных в тяжбу, лишал инстанции их реального смысла. Сами по себе инстанции и строго регламентированные сроки в суде бийев входили в противоречие с теми началами, на которых был основан данный суд, и кроме затягивания в принятии и исполнении решений суда, как и письменная фиксация всех судебных стадий, ни к чему не приводили. Не говоря уже о том, что подавляющая часть кыргызов была просто безграмотна. Поэтому суд

осуществлялся словесно и публично, что обеспечивало общественную его поддержку и гарантировало исполнение решений. В многочисленных архивных материалах констатируется, что суд проходил открыто, без каких-либо формальностей. Решения, принимаемые бийями, вплоть до второй половины XIX века практически нигде не получали письменного оформления, будучи отраженными преимущественно в фольклорных источниках [306]. Однако со второй половины XIX века, после того, как Кыргызстан был присоединен к России, приговоры суда стали записываться в краткой форме на фарси в специальную книгу, а в редких случаях оформлялись в виде письменного документа.

В соответствии с новым порядком единоличные суды бийев стали квалифицироваться как суды первой инстанции по всем категориям гражданских дел, которые были подведомственны им, а таковыми, разумеется, были дела, возникавшие между кыргызами, при условии, если они, эти дела, не возникали из актов, совершенных или засвидетельствованных при участии российских властей.

Ранее мы упоминали о том, что в особых случаях распоряжением губернатора либо уездного начальника с целью решения гражданского дела созывались чрезвычайные съезды народных судей, деятельность которых регулировалась правилами, установленными для такого рода съездов. Исполнение решений народных судей возлагалось на волостных управителей и сельских старшин, контроль же за исполнением – на уездного начальника. Копии исполнительных решений с отметкой об их исполнении хранились в архивах волостных управителей, при этом народным судьям представлялись книги для записей принятых решений [285]. Постановления, принятые чрезвычайными съездами, как указывалось ранее, считались окончательными и не подлежали обжалованию.

Чрезвычайный съезд бийев созывались по мере необходимости, однако в среднем – один раз в год. При этом съезд мог заседать месяцами, разбирая достаточно большое количество уголовных и гражданских дел. Так, к

примеру, чрезвычайным съездом бийев Иссык-Кульского уезда, заседавшим с 2 ноября по 9 декабря 1887 года, в общей сложности было рассмотрено 386 дел [352].

Постоянно усложнявшаяся деятельность чрезвычайных съездов требовала системного подхода, что в свою очередь предполагало наличие формальной основы данной деятельности, в качестве которой выступал так называемый «эреже», характеризуемый специалистами как письменный источник обычного права кыргызов, представлявший собой сборник положений и руководящих постановлений чрезвычайных съездов биев и содержащий в себе комплекс норм процессуального, материального, гражданского и уголовного права.

Процедура составления эреже была достаточно подробным образом описана К. Паленым в его отчете [295, с. 49–50]. Так, эреже, которое было выработано на чрезвычайном съезде, состоявшемся в Токмакском уезде в 1893 году, состояло из 113 параграфов, в которых излагались вопросы, связанные с судопроизводством и подсудностью, а также сроками гражданской и уголовной давности, видами и размерами наказаний и др. [333] Объем и характер данного эреже позволяет называть его своего рода «малым сводом» обычного права.

Во многих эреже достаточно подробным образом излагались наряду с другими вопросами и нормы гражданского судопроизводства, как, к примеру, в эреже, составленным на вышеупомянутом Токмакском чрезвычайном съезде биев. Характерно, что эреже по вопросам, относившимся к съезду и конкретным делам, рассматривавшийся на нем, были в конечном счете результатом согласия, соглашения между бийями, которые принимали участие в их составлении, и в силу этого все эреже, будучи одинаково обязательными для всех биев и лиц, которые участвовали в работе съезда, имели в дальнейшем силу закона для каждого конкретного съезда. Кроме того, эреже имели руководящее значение для судов биев других инстанций, в том числе единоличных судов биев, при рассмотрении аналогичных дел, что дает

основание с учетом степени распространенности эреже и применения их на практике оценивать эреже гораздо шире, чем как просто систему правил и положений, выработанных на каком-либо съезде бийев [333].

Эреже, как пишет К. Нурбеков, «становятся источником права в Кыргызстане не только после вхождения в состав России, но и в более ранний период. “Эреже” носили характер соглашения между бийями на их съезде для разрешения наиболее сложных дел. Однако эти соглашения раньше нигде не записывались, а поэтому для нас остаются недоступными. Только после вхождения в состав России “Эреже” составлялось письменно под непосредственным контролем чиновников царской администрации» [142, с. 64–65]. После того, как были введены «Положение об управлении Туркестанским краем 1886 года» и «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями 1867 года» на чрезвычайных съездах бийев вошло в практику выработка общих правил до начала разбора дел. Эти правила получали соответствующее письменное оформление и подписывались всеми бийями, принимавшими участие в разборе дел на текущем съезде.

Несмотря на то, что эреже чрезвычайных съездов биев носили подзаконный характер и после вхождения в состав России, подвергаясь обязательной фиксации, стали письменным источником обычного права, они, как отмечается в литературе [55, с. 12; 53, с. 28], были в не в состоянии полностью покончить с партикуляризмом, во всяком случае, в кратчайшие исторические сроки. Они действовали не на всей территории Кыргызстана, а кроме того, коренное население в силу различных причин было слабо проинформировано с содержанием эреже. Отсутствие значительных наработок, связанное с необязательностью письменной фиксации правил и решений съездов и личных судов бийев в дороссийский период истории, приводило к тому, что за пределами эреже остались множество правовых вопросов, которые, как и прежние времена, решались на основе местных обычаев.

Очевидно, что в основе всех проблем, связанных с адаптацией всей традиционной правовой системы кыргызов, осуществляемой в форме модернизации, лежала их цивилизационная специфика. Родоплеменное деление кыргызов не было устранено царской администрацией, несмотря на ее определенные усилия в этом направлении. Такое деление, когда каждый род или племя было замкнуто на собственной жизни, само по себе предполагало локальный характер всей правовой культуры кыргызов, который усиливался вследствие безграмотности подавляющего большинства кыргызов, не позволявшей осуществлять передачу опыта поколений, в том числе правового, в письменной форме. Устная же форма передачи опыта придавала правовой культуре кыргызов, как и культуре в целом, относительно статичный и циклический характер, когда каждое очередное поколение, совершив своеобразный круг, возвращалось к исходной точке. И разорвать данный круг было невозможно, не устранив родоплеменного деления, которое в свою очередь нельзя было ликвидировать, не перейдя к оседлой форме жизни.

Указанные выше обстоятельства составляли основу цивилизационной специфики правовой культуры кыргызов, серьезно препятствовавшей любым ее трансформациям. Однако «черт», как известно, прячется в деталях, частностях. Многие позитивные изменения, произошедшие или намечившиеся в системе кыргызского судопроизводства в царский период, были значительно обесценены либо вообще сведены на нет тем, как они воплощались в жизнь. Так, выборное начало народных судей, которое было введено проектом Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями 1867 года, заметно обесценивалось тем, что выборы судей часто носили формальный характер, поскольку их окончательное утверждение было прерогативой военного губернатора, который, не мотивируя своих действий, мог отклонить ту или иную кандидатуру, выдвинутую волостным съездом. Независимость судей значительно сужалась. Однако наделение закона губернатора правом утверждать тех или иных лиц на должность народного судьи было вполне оправдано с точки зрения установления реального

контроля метрополией над своей периферией, которой она обеспечивала общую стабильность, военную безопасность и поступательное развитие в необходимом направлении. Но совсем иное дело, что народные судьи находились в непосредственной зависимости, в том числе духовной, от манапов и бийев, а также от волостных управителей, по отношению к которым они находились в состоянии фактического подчинения. Таким образом, к прежней зависимости судей от наиболее влиятельных лиц рода присовокуплялась зависимость от новой бюрократии.

Можно и не говорить о любых иных кыргызских обычаях, в соответствии с которыми взыскание за проступок могло быть осуществлено и с ближайших родственников лица, совершившего проступок. Такое положение вещей предоставлял волостным управителям широкие возможности для произвола. На практике были нередки случаи, когда волостные управители держали у себя бийские печати и собственноручно прикладывали их к приговорам [228, с. 347].

Таким образом, к недостаткам собственной судебной системы, обусловленным главным образом культурной спецификой, которая в новых условиях была не чем иным, как анахронизмом, добавлялись изъяны российской бюрократической системы, которых при каждом удобном случае старались избежать не только коренное, но и пришлое население. Мы указывали ранее, что согласно §169 Временного положения при достижении согласия тяжущиеся стороны имели право обратиться к русскому суду. Тем не менее, как отмечалось, в частности, в заключении специальной комиссии, изучавшей положение дел на местах, русского суда по возможности избегали не только кыргызы, но и сами русские неоднократно обращались к суду бийев и подчинялись, таким образом, решению и влиянию кыргызских властей [351]. В таких условиях осуществление правосудия в более или менее полном и точном и смысле этого слова народными судами было весьма проблематично.

Стороны, вовлеченные в разбирательство, при наличии согласия обеих сторон для того, чтобы решить спор по существу, были вправе обратиться

непосредственно к съезду народных судей, минуя, таким образом, единоличных судей. Однако и эти съезды вследствие их, как правило, весьма низкой организации не отличались особой «правосудностью», что также можно в принципе считать их цивилизационной спецификой, т.е. обусловленной предпосылками общекультурного порядка. Военный губернатор Акмолинской области указывал в данной связи на то, что «съезды совершенно не удовлетворяют своему назначению, и дела по несколько лет остаются нерешенными... Очевидно, кыргызский народный суд и особенно чрезвычайные съезды в своем настоящем виде не удовлетворяют туземное население, и оно утратило веру в них» [353].

Основное предназначение съезда народных судей в качестве суда второй инстанции заключалось в пересмотре решений, единолично принятых судьями. Жалобы на их решения должны были предоставляться в течение двух недель с того момента, как было объявлено решение. Оседлое население должно было предъявлять жалобы уездному начальнику, кочевое – волостному управителю, в дальнейшем в обоих случаях жалобы должны были передаваться съездам, чтобы последние могли пересмотреть решения. Однако часто собравшиеся съезды на деле по тем или иным причинам откладывались. При этом сведения о том, состоялся или, напротив, не состоялся съезд, и о том, что делали бийи на съездах, не доводились до общественности, при этом правила и порядок проверки законности, обоснованности и справедливости жалоб на медлительность и прочие отступления от правил, предписаний при разбирательстве отсутствовали; на трудность их установления указывала, в частности, комиссия, производившая ревизию уездных управлений Степного генерал-губернаторства в 1882 году [350]. Таким образом, на данной стадии судопроизводства, как, впрочем, и на остальных, отсутствовали гарантии реальной защиты нарушенных прав и интересов населения.

Одной из негативных черт, достаточно красноречиво характеризовавших как судебную систему того времени, так и правовую культуру в целом, была практика взяточничества, причем практически во всех

инстанциях судебной системы, о чем, к примеру, писал в своем докладе Б. Сыртыков, занимавший должность младшего чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Семиреченской области. Он указывал на то, что среди народных судей как при принятии ими единоличных решений, так и при принятии решений по делам на чрезвычайных съездах – волостных и уездных – распространено взяточничество [348], что приводило к тому указанные инстанции часто не могли не только обеспечить законность и справедливость судебных решений, но и воспрепятствовать произволу судей, которые часто подкупались имущей стороной. Собственно говоря, через институт взяточничества прошли практически все современные народы. И, следовательно, проблема здесь не в наличии практики дачи взяток, а в ее мотивации и масштабах. Мы указывали в предшествующем параграфе на то, что система штрафов, характерная для традиционной системы судопроизводства кыргызов, когда за любое правонарушение устанавливалась своего рода, сама по себе благоприятствовала практике. Так же как и благоприятствовала этому установленная уже в царское время форма оплаты деятельности народных судей, которые, согласно положению, не получали определенного жалования, однако были вправе по каждому конкретному делу устанавливать для себя вознаграждение – так называемый «бийлик», который на деле был доходной статьей судов биев, что не мог не признать в свое время царский министр внутренних дел, писавший: «Для уничтожения заинтересованности их (народных судей. — Ш.М.) в материальных выгодах процесса, бийлик надлежит упразднить, а вознаграждение судей сделать вполне определенным и отнести за счет сумм земского сбора» [349].

Принятые царским правительством правовые акты, касавшиеся местного судопроизводства, содержали немногие и главным образом общие положения, которые не затрагивали деталей судопроизводства, поэтому нормы обычного права, имевшие к нему отношения, по-прежнему сохраняли некоторую неопределенность, приводившую к тому, что народные суды,

продолжавшие повсеместно применять нормы обычного права, свободно и произвольно толковали эти нормы.

Статьей 251 Положения приведение в исполнение решений народного суда возлагалось, как говорилось ранее, на волостных управителей и сельских старшин, при этом оно должно было осуществляться под контролем уездного начальника. Статьей предусматривалось, что исполнение судебных постановлений по искам, предъявленным к представителям коренного населения, должно производиться на основе обычаев, а потому решение зависело главным образом от того, кто являлся истцом и ответчиком, и в меньшей мере – от исполнителей принятых решений.

Царское законодательство не внесло существенных изменений в традиционный порядок судопроизводства, оно и не преследовало такой цели, ограничившись лишь тем, что официально закрепило прежние обычаи. Различия в этнических правовых культурах были настолько значительными, что, по всей видимости, было разумней и целесообразней, по крайней мере некоторое время, сохранять порядок, при котором споры, которые возникали среди представителей кочевого населения, должны были регулироваться нормами адата, среди оседлого мусльманского населения – шариатскими нормами, и, наконец, среди пришлого населения – общеимперскими законами. Однако такой порядок, сам по себе, исключал либо значительно затруднял равноправие сторон, заключающегося в равенстве перед законом и судом, независимости судей и подчинении их исключительно закону, выявление истины.

Как известно, часть кыргызских родов и племен, проживавших на юге Кыргызстана, испытывая достаточно сильное культурное влияние оседлого населения, прибегала и к суду казийев. Согласно Временному положению для сартов [93, с. 303–314], а также других местных оседлых народов Ферганской и Сыр-Дарьинской областей была предусмотрена своя форма народного суда – суд казийев. Должность казийя была выборной. За каждым из казийев был закреплен определенный участок обслуживания, за пределами которого не

имел право осуществлять свою деятельность судьи, хотя во всем остальном все казийи находились в равном положении¹.

Иск мог подаваться только казийю, проживавшему на том же участке, что ответчик, при этом решение по гражданскому делу, рассматриваемому казийем, могло быть признано окончательным только в том случае, если сумма иска не превышала 100 рублей. Однако в случае несогласия тяжущихся сторон с решением казийя последние имели право и возможность обратиться в русский суд с соблюдением того условия, что согласие сторон на обращение должно было быть подано в письменном виде.

Временным положением не допускалось обжалования – ни апелляционного, ни кассационного – решений казийев², при этом полномочия русского суда, связанные с рассмотрением жалоб на решения суда казийев, не квалифицировались, если имело место рассмотрение жалоб, как кассационный пересмотр дел, но являлись на деле рассмотрением дела по существу. Что касается семейно-брачных дел, то они находились в компетенции суда казийев, однако в случае их рассмотрения в отличие от обще исковых гражданских дел сторона, несогласная с решением казийев, была вправе обжаловать решение казийя уездному начальнику.

На практике суды казийев часто отступали от шариатских норм. Так, бедные, не имевшие возможности исполнить всех правил «уз религии», будучи обвиненными в оскорблении религии, по решению казийев подвергались аресту и заключению в тюрьму. У них конфисковались имущество и земля. В случае же оказания сопротивления конфискации их подвергали смертной казни. В.П. Наливкин писал в данной связи: «Несколько

¹Число казийев для каждого города или селения определялось военным губернатором в зависимости от численности населения.

²Установив принцип «эфволе мюсельмин хемель бер сехат» (в действиях мусульман всегда добросовестность), шариат тем самым как бы признал, что казий всегда решают дело добросовестно и безошибочно. Поэтому по шариату не было постоянно действующего института обжалования решений судов казийев, не предусматривало его и Временное положение 1867 года. См.: Ильхамов Н. Возникновение и развитие института советской кассации в гражданском процессуальном праве Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1966. – С. 6–10.

лет тому назад в Бухаре по постановлению казийев был казнен через избивание камнями туземец, уличенный в оскорблении словом мусульманской религии» [139, с. 35].

Следует, однако, отметить, что даже на юге Кыргызстана основная масса кыргызов явно предпочитала собственные народные суды всем остальным.

Несмотря на все вышеуказанные факты и обстоятельства, связанные с изъянами всех параллельно существовавших судебных систем, их несовместимостью, половинчатым характером их реформирования и т.д., влияние общероссийского законодательства на кыргызскую традиционную систему судопроизводства в целом носило позитивный характер, не говоря уже о том, что оно подготовило в определенной мере почву для осуществления перехода всей правовой системы кыргызов в качественно новое состояние, несопоставимо более высокое по сравнению с исходным. В данной связи будет уместным привести мнение И. Чиналиева, в которой вкратце перечислены положительные обретения кыргызов, полученные в результате данного воздействия: «Прежде всего, указанные Положения и другие источники права, по существу, впервые в истории Киргизии официально признали источниками права киргизов шариат и адат. В Положениях были разработаны такие важные институты процессуального права, как подведомственность и подсудность гражданских дел, компетенция народных судов и судов вышестоящих инстанций, порядок обжалования судебных решений, определены порядок их исполнения, установлены некоторые принципы рассмотрения гражданских дел и т.д.» [196, с. 26–27].

С высоты сегодняшнего дня все указанные достижения могут показаться достаточно скромными и несущественными. Однако, как нам представляется, на дальнейшие преобразования просто не хватило времени, но при этом сам процесс перехода кыргызов в совершенно новую систему права, тем не менее, был начат.

Временное положение 1867 года и Положение об управлении Туркестанским краем 1886 года стали правовой основой и без существенных

изменений и дополнений продолжали действовать на территории края и, разумеется, Кыргызстана вплоть до революции 1917 года, которая стала новой точкой отсчета не только в истории Кыргызстана, но и России.

Итак, подведем выводы к параграфу.

1. Включение Кыргызстана в состав Российской империи ввело новую точку отсчета в дальнейшей культурно-исторической судьбе кыргызского народа. В условиях Российского государства, частью которого стал Кыргызстан, архаика правовой культуры с необходимостью должна была быть устранена, что в реальном воплощении означало полное искоренение кыргызского права. Другими словами, кыргызский этнос должен был перейти в качественно новое цивилизационное состояние, имеющее очень мало общего с его исконной культурой. Кыргызы, войдя в состав государства с иной цивилизационной основой были, таким образом, поставлены перед необходимостью отказа от предшествующих правовых институтов и форм, в том числе судебных. Однако такая необходимость возникла не в силу внутренней потребности, сознательном стремлении к трансформации всего общественного и правового строя кыргызов, а под внешним давлением. С включением Кыргызстана в европейское государство кыргызский народ был вовлечен в мировые процессы.

2. Взаимоотношения между Россией и Кыргызстаном во всех сферах общественного бытия, в том числе в системе права, в целом представляли собой взаимоотношения между индустриальной и традиционной цивилизациями, в которых первая с необходимостью должна была поглотить последнюю, осуществив это поглощение ассимилятивными методами. И главная проблема здесь заключалась не в конечной цели, которая состояла в наиболее полной культурной ассимиляции присоединенных народов, а в конкретных средствах и методах, а также во времени ее осуществления.

3. После того, как Кыргызстан вошел состав Российской империи, наибольшему вытеснению были подвержены прежние, традиционные гражданско- и уголовно-правовые нормы кыргызского народа, поскольку они,

во-первых, не соответствовали новым условиям и долгосрочным целям империи, связанным с полной культурной ассимиляцией местных народов и безусловным закреплением новообретенных территорий за государством, и, во-вторых, будучи инструментом регулирования общественных отношений, они не должны были оставаться в руках местной элиты, которая фактически была лишена прежней абсолютной верховной власти. С устранением прежних норм функция принуждения неизбежным образом стала переходить лицам и учреждениям, представлявшим интересы империи.

4. Влияние Российского законодательства на местное судоустройство и судопроизводство было связано в первую очередь с тем, что между гражданским и уголовным правом было введено четкое разграничение, а также между соответствующими отраслями процессуального права. С появлением данной грани и всех сопутствующих элементов, обеспечивавших раздельное функционирование гражданского и уголовного права, в традиционной кыргызской среде возникли собственно гражданское и собственно уголовное право. И хотя массовое правовое сознание кыргызов не сразу восприняло внезапно возникший водораздел между ними, тем не менее, было положено начало раздельного их существования, и правовому сознанию ничего не оставалось, как приспособляться под измененную правовую реальность. Другими словами, кыргызы стали учиться различать гражданские и уголовные правонарушения.

5. Понимание митрополией в лице царского правительства наличия существенных различий в правовых культурах пришлого и коренного населения и невозможности их устранения в кратчайшие сроки были причинами допущения ситуации, когда в пределах одного государства параллельно сосуществовали нескольких систем права, но с тем условием, что со временем более мощное и прогрессивное имперское право станет единственным, вытеснив все остальные. На первоначальном этапе такое вытеснение происходило в виде учреждения на новых территориях собственных правовых и административных институтов, которые с момента

их учреждения стали играть доминирующую роль в системе управления краем, обеспечения свободного доступа коренного населения к имперской судебной системе, а также некоторого преобразования, совершенствования местных судебных систем.

6. Царское законодательство не внесло существенных изменений в традиционный порядок судопроизводства, ограничившись лишь тем, что официально закрепило прежние обычаи. Различия в этнических правовых культурах были настолько значительными, что было разумней и целесообразней сохранять до неопределенного времени порядок, при котором споры, которые возникали среди представителей кочевого населения, решались с применением норм адата, а среди оседлого мусульманского населения – шариатскими нормами, а среди пришлого населения – общеимперскими законами. Однако такой порядок сам по себе исключал либо значительно затруднял равноправие сторон, заключающегося в равенстве перед законом и судом, независимости судей и подчинении их исключительно закону, выявление истины и т.д.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

2.1. Методологические проблемы историко-правового исследования гражданского судопроизводства Кыргызстана

Очевидно, что достижение основной цели данного диссертационного исследования на деле возможно только путем анализа истории гражданского судопроизводства в Кыргызстане, что в свою очередь позволяет выявить основные факторы, оказывавшие в прошлом и оказывающие в настоящее время существенное влияние на его эволюцию, проследить общие закономерности и особенности его развития. Смысл слова «генезис» и «эволюция» сам по себе предполагает обращение к истории формирования гражданского судопроизводства в Кыргызстане. Любой факт, какой бы спецификой он не обладал, целиком является результатом взаимодействия предшествующих событий или, другими словами, порождением, прямым следствием прошлого. Это очевидно, нечто само собой разумеющееся, имеющее аксиоматический характер.

Таким образом, цель, смысл и характер исследования предполагают обращение к истории, а с ней с необходимостью к историческому методу. С другой стороны, история не является самодостаточным, исчерпывающим саму себя феноменом. Не только ее специфика, но и общее направление, темп и характер определяется общекультурными основаниями и предпосылками. Так же, очевидно, как и право в целом, органической частью которого является гражданское право, определяется теми же общекультурными основаниями и предпосылками, что дает нам основание при анализе основных тенденций, особенностей, общих закономерностей и перспектив развития гражданского процессуального права в Кыргызстане обратиться к цивилизационному подходу. Особенностью данного подхода является то, что тип, те или иные черты и особенности права, его подразделений и институтов, характер и

формы их реализации определяются не только материальными, но и идеально-духовными, культурными факторами. Известный английский историк и философ А. Тойнби указывал в свое время на то, что «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации» [82, с. 99].

Как нам представляется, при оценке тех или иных феноменов, в том числе правовых, не следует недооценивать, выражаясь словами А. Тойнби, экономический и политический планы. Однако, несомненно, также, что «культурный элемент» действительно «представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации». Исходя из данного утверждения и имея в виду предмет нашего исследования, вполне правомерно заключить, что «культурный элемент» играет решающую роль также в системе права и правовой культуре в целом, а с ней, разумеется, и в гражданском судопроизводстве, являющегося ее органической частью.

Очевидно, что особенности возникновения и эволюции кыргызского судопроизводства длительное историческое время определялись в первую очередь именно цивилизационными чертами кыргызского народа и его кочевой культуры, и многие особенности и трудности, современных культурно-правовых трансформаций, в том числе в системе гражданского судопроизводства, во многом обусловлены ими же. Эти особенности проявляются в настоящее время в темпе изменений судебной системы Кыргызстана, в успешности проводимых правовых реформ, в характере правосознания и правового поведения граждан, в степени и характере освоения ими новых правовых форм, их законопослушности, в законотворчестве и т.д.

После распада СССР и обретения Кыргызстаном суверенитета радикальные преобразования всей социально-экономической, политической и правовой системы в республике происходили, как известно, ускоренными

темпами. И в этом отношении мы заметно определи все остальные республики Центрально-азиатского региона, что, по нашему мнению, в значительной мере объясняется цивилизационной спецификой кыргызского этноса и особенностями его истории. С другой стороны, проведенные реформы, в том числе в системе права, не принесли во всяком случае ожидаемых результатов, что также, на наш взгляд, обусловлено теми же факторами. В дальнейшем, по ходу изложения материала диссертации мы с необходимой тщательностью обоснуем данную точку зрения.

Способность правовой системы, культуры и, соответственно, всех ее компонентов к развитию независимо от цивилизационной принадлежности какого-либо конкретного этноса является универсальной чертой всех человеческих сообществ, обусловленной спецификой человеческого вида, наличием у него разума. Однако в силу того обстоятельства, что различные народы развивались и развиваются даже в настоящее время с неодинаковой скоростью, правовые системы народов обнаруживали, соответственно, различную способность к эволюции.

Реальные условия, всегда отличающиеся друг от друга, в которых находились различные этнические сообщества, породили такое явление, как цивилизованный плюрализм, по поводу которого индийский ученый-юрист Сурия Пракаш Синха высказал следующую мысль: «Понимание... факта цивилизованного плюрализма имеет важное значение также и для юриста. Оно оказывает непосредственное влияние на решение нашей задачи определить и понять природу права. Вполне возможно выделить наиболее фундаментальный принцип каждой цивилизации и, следовательно, самый центральный принцип ее организации. Можно сказать, что для западной цивилизации таким принципом является право, но это нельзя сказать о других цивилизациях»[170, с. 11].

Мы не разделяем взгляда, что наиболее фундаментальным принципом и, соответственно, самым центральным принципом западной цивилизации является право. Таким принципом, к примеру, может быть принцип и,

соответственно, философия индивидуализма, по отношению к которому право как таковое выступает как инструмент, обеспечивающий защиту интересов, прав и свобод индивидуума. Однако, несмотря на данное обстоятельство, очевидно, что значение и роль права в повседневной жизни представителей Западной цивилизации была выше, чем во всех остальных цивилизациях. Так, в странах, традиционно относимых к Восточной цивилизации, в отличие от государств Запада, где право, как известно, с определенного исторического момента стало играть главную роль в контроле и управлении экономикой, обществом, человеком, по сути, более важная роль по сравнению с правом играли другие социальные нормы и регуляторы – традиции, обычаи, моральные и религиозные и прочие нормы. Как справедливо указывает Г.А. Мукамбаева: «Понять сущность права, его характеристики и социальное назначение в странах Востока в его отрыве от... взаимодействия с другими социальными нормами в регулировании общественных отношений применительно к пластам времени, цивилизаций, значит рассмотреть этот феномен... без учета специфики данных цивилизаций. Право как нормативный регулятор общественных отношений обеспечивается здесь не столько силой государства, сколько силой общественного мнения, обычаев, традиций, проявляемых через регулятивную силу других социальных норм. Правовые системы этих стран функционировали не только через правовую материю, но и через правовую идеологию, связанную с философией права не столько как научного направления в нашем современном понимании, а как мировоззрения народа, привыкшего к соблюдению векового принципа восточных народов к подчинению» [136, с. 223].

Следует, однако, отметить, что понятие «Восток» обозначает весьма обширное явление. А между тем Азия населена народами, ощутимо отличающимися друг от друга по своим антропологическим, ментальным, лингвистическим, культурным и прочим параметрам, что с необходимостью породило множество различных правовых систем и, соответственно, правовых культур.

Что же касается конкретно кыргызского народа, а вернее, истоков его исконной правовой системы, то Г.А. Мукамбаева, характеризуя в общих чертах систему права енисейских кыргызов и механизм ее формирования и передачи из поколения в поколение, пишет следующее: «В нормативную систему енисейских кыргызов входили такие социальные нормы, как: обычаи... моральные... религиозные... эстетические... правовые нормы... Эти социальные нормы имели свою специфику... силой, поддерживающей и контролирующей их действие, были род, племя, они обеспечивались авторитетным мнением сородичей, старейшин рода, убеждением и принуждением всего рода, жили и сохранялись в сознании людей, выражали волю рода, племени и были в силу незафиксированной

в письменном виде более консервативными. Обычаи, нормы обычного права складывались исторически длительный период... и потому такие правила поведения передавались из поколения в поколение и в силу их неоднократного применения входили в привычки людей... Закрепляющие порядок правила поведения – обычаи, в какой-то части унаследованные от далеких предков при зарождении родов и племен, постепенно формируются в систему норм, регулирующих семейные, родственные, имущественные отношения и т.д. Возникают обычаи, которые передаются из поколения в поколение и соблюдаются в подавляющем большинстве добровольно, но имея как контролирующую силу – власть общественного мнения и т.д. Власть общинного мнения у кочевых народов азиатской расы имела силу закона, такой она оставалась долгое время, вплоть до наших дней... У древних кыргызов соблюдение обычаев поддерживалось силой мнений старейшин, и к нарушителям применялись меры принуждения вплоть до применения в виде наказания смерти или принудительного изгнания из рода, что в те времена часто равнялось смерти, так как в чужой среде без пищи и поддержки трудно было выжить» [136, с. 225–226].

Очевидно, что в приведенной нами объемной цитате в самом общем виде описан механизм формирования и поколенной передачи опыта, а вместе с ним

и правовой культуры, характерный для первобытных, родоплеменных сообществ. Значительная приверженность кыргызов в течение длительного исторического времени к кочевому образу жизни с характерными для данного образа жизни простыми формами хозяйствования обусловили чрезвычайно небольшой эволюционный потенциал кыргызского традиционного общества, способствовавший глубокой консервации изначальных правовых форм и правовой культуры кыргызского народа.

Трансформация судебной системы, тем более имеющая радикальный и глобальный характер, предполагает способность населения, на которое распространяются действия модифицируемой системы, не только определенным образом воспринимать ее преобразования, но и адаптироваться к новым условиям. Как показывает история, каждая конкретная историческая общность обладает собственными адаптивными способностями. Для того чтобы данная мысль была понятна и приобрела наглядный характер, сошлемся на опыт Японии и Южной Кореи, относительно быстро освоившим не только административно-организационный, экономический, научно-технический, образовательный, но и правовой опыт Западных государств, который был эффективно приспособлен под «местные» условия. В то время как, к примеру, африканские государства и народы, несмотря на относительную географическую близость с Европой, сделали это с гораздо меньшим успехом.

Отметим, что именно на этой основе образуются устойчивые социально-экономические способы и типы жизнедеятельности, к примеру, оседлый или кочевой образы жизни, которые предполагают соответствующие организационные и правовые формы. Так, общеизвестно, что кочевые народы были менее, чем оседлые общности, предрасположены к государственному строительству и государственным формам жизни, которые сами по себе предполагают более развитые по сравнению с кочевыми сообществами правовые системы и формы.

Если иметь в виду исторические прецеденты, то первая по времени такая изменение правовой системы кыргызов произошла в период вхождения

кыргызских территорий в состав Кокандского ханства. Кыргызские роды и племена, а вернее, часть из них, проживавшая на юге Кыргызстана, имела возможность эволюционным путем перейти в систему мусульманского права, адаптировав под него собственное обычное право и осуществив, таким образом, переход в новую для себя правовую систему и состояние. Утверждение, что это могло произойти эволюционным путем основывается на том факте, обстоятельстве, что к тому времени кыргызы в основном своей массе исповедовали ислам, который не только не входил в противоречие с традиционными формами жизни кыргызов, но и, по сути, закреплял их на религиозной почве. Правосознание кыргызов, их правовая идеология и поведение, таким образом, со временем вполне могли бы, по нашему мнению, быть адаптированы к системе мусульманского права. Однако вхождение Кыргызстана в состав Российской империи придало истории и судьбе кыргызского народа совершенно новое направление. Как справедливо указывает Г.Т. Ботоканова: «Включение Кыргызстана в состав Российской империи в одночасье ввергло кыргызский народ в пучину событий мирового масштаба и ввело практически новую точку отсчета в его дальнейшей культурно-исторической судьбе»[78, с. 75–76].

Новая точка отсчета была введена и в системе права кыргызского народа. Между предлагаемым или, вернее, навязываемым Кокандским ханством шариатским правом и обычным правом кыргызов, несмотря на подчас значительные их формальные различия, не существовало, тем не менее, пропасти в силу того, что обе разновидности права базировались на традиционных формах жизни. Однако такая пропасть, несомненно, существовала между Российским имперским правом, представлявшим собой одну из разновидностей европейского права, и кыргызским традиционным. Причем различия были настолько значительны, что не могло быть и речи об адаптации последнего или хотя бы внедрении некоторых его элементов в часть российского права. Они могли лишь параллельно сосуществовать некоторое время, что, собственно, и имело место. Однако в относительно близкой

исторической перспективе вся система кыргызского права должна была быть полностью вытеснена общероссийским. Это было лишь вопросом времени и конкретных методов и средств, но не принципа.

Выше мы указывали на то, что правосознание кыргызов, их правовая идеология и поведение в целом не расходились и не противоречили исламской системе права, поскольку последнее базировалось на традиционализме и поэтому могло легко адаптироваться и адаптировать под себя кыргызское обычное право, какой бы значительной спецификой оно не обладало. Однако в условиях Российского государства, частью которого стал Кыргызстан, правосознания кыргызов, их правовой идеологии и поведения, как и правовой культуры, в целом, с необходимостью должна была быть устранена, что в реальном воплощении означало, по сути, полное искоренение кыргызского права и, разумеется, всего того, что сопутствовало ему и было неотъемлемой его частью. Другими словами, если попытаться охарактеризовать ситуацию в самом общем виде, глобально, кыргызский этнос, в котором многовековой его практикой были укоренены традиционные формы жизни (а с ними, разумеется, традиционные правовые формы), должен был перейти в качественно новое цивилизационное состояние, имеющее очень мало общего с его исконной культурой. С момента включения Кыргызстана в состав Российской империи.

Очевидно, что из вышеуказанных черт гражданского общества не только не совпадают, но и противоречат основам и ценностям традиционного общества. Кыргызы, существовавшие в условиях традиционного общества, войдя в состав государства с иной цивилизационной основой, были, таким образом, поставлены перед необходимостью отказа от предшествующих правовых институтов и форм, в том числе, конечно, судебных. Несомненно, что такая необходимость возникла не в силу внутренней потребности, сознательном стремлении к изменению всего общественного и правового строя кыргызов, а под внешним давлением. С включением Кыргызстана в Российское государство кыргызский народ был вовлечен в мировые процессы

со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правовые трансформации в кыргызской традиционной среде, обусловленные давлением, исходящим извне, происходили и в кокандский период истории кыргызов. Однако российский период истории характеризуется не только внедрением в традиционную культурную почву принципиальной иной правовой материи, что само по себе создавало значительные трудности для ее освоения кыргызами, но и значительным усилением внешнего давления и интенсификацией трансформационного процесса. Причем различия между исконной и привносимой правовой системами и, соответственно, субъектами – носителями определенной правовой культуры – были настолько значительными, что, естественно, возникла проблема, связанная с принципиальной возможностью освоения кыргызами нового для них права и всех сопутствующих ему институтов. В данной связи будет уместным привести суждение Ф. Ницше, высказанное им по поводу ранних и поздних форм европейской правовой культуры: «Произвольное право необходимо, – утверждал он. – Юристы спорят о том, должно ли в народе победить полное всего продуманное право или же право легче всего понятное. Первое, высшим образцом которого является римское право, представляется профану непонятным и потому не выражающим его правового сознания. Народные права, например германские, были грубы, суеверны, нелогичны, отчасти нелепы, но они соответствовали совершенно определенным древним местным обычаям и чувствам.

Но где, как у нас, право уже есть традиция, там оно может быть лишь *приказано* и вынуждено; у всех уже нет традиционного правового чувства, поэтому мы должны примириться с *произвольными правами*, которые суть выражения *необходимости существования* права вообще. А тогда наиболее логичным оказывается, во всяком случае, наиболее приемлемое, ибо оно *наиболее беспартийно* – допуская даже, что в каждом случае мельчайшая единица меры в отношении между проступком и наказанием определяется произвольно» [141, с. 439].

Данное суждение представляет интерес для нашего исследования во многих отношениях и поэтому требует более подробного анализа. С точки зрения исторического времени, еще относительно недавно, т.е. в конце XIX века, в Европе юристы спорили о том, «должно ли в народе победить полное всего продуманное право или же право легче всего понятное». В настоящее время такой спор был бы невозможен, поскольку «продуманное», т.е. профессиональное, право одержало, во всяком случае, в высокоразвитых государствах, безоговорочную победу над правом, «легче всего понятным», т.е. обычным.

Таким образом, с развитым гражданским обществом в принципе не может быть иного права, кроме «продуманного», профессионального уже потому, что его наличие является одним из важнейших условий нормального экономического развития.

Указание в цитате на то, что римское право, являвшееся высшим образцом «продуманного» права, представлялось «непонятным и потому не выражающим его правового сознания», на деле не является аргументом против профессионального права. Оно лишь отражает то обстоятельство, принцип, что та или иная общность должна выйти на определенный уровень своего развития, чтобы профессиональное право, возникнув, вытеснило в конце концов традиционное.

Можно предположить, что если Кыргызстан, как и весь Центрально-азиатский регион, не был включен в состав Российской империи, то развитие права и правовых институтов в нашей стране пошло по иному пути.

Однако, во-первых, история, как известно, не знает сослагательных наклонений, и, во-вторых, то обстоятельство, Кыргызстан был присоединен к государству, стоявшему на значительно более высокой ступени общественно-экономического развития, чем Кокандское ханство, определило в целом характер и направление дальнейшего развития кыргызского народа, которые вполне справедливо можно определить, несмотря на все издержки, как прогрессивный и соответствующий современным общемировым тенденциям.

Мы полагаем, что у Кыргызстана нет реальной альтернативы тому пути, на который в силу внешних обстоятельств он вступил однажды, будучи включенным в состав России, задавшей в течение многих десятилетий дальнейшее направление его развития. Никто, собственно, не оспаривает данную точку зрения. Однако, как мы уже подчеркивали ранее, существенные цивилизационные различия между исконной и привносимой правовой культурой, включающей в себя все правовые элементы и институты, были, и остается главной проблемой и основой для всех остальных проблем, и в системе гражданского судопроизводства в том числе.

Н.А. Бердяев писал еще в начале XX века: «Всемирная история окончательно переносится с Востока на Запад, и народы Востока, которые дали первые страницы истории человечества, создали первые великие культуры и были колыбелью всех культур и религий, как бы выпадают из всемирной истории. Восток делается все более и более статичен. Динамическая сила истории целиком переносится на Запад. Христианство вносит исторический динамизм в жизнь западных народов. Восток уходит внутрь и сходит с арены всемирной истории» [72, с. 96]. Ранее мы уже высказывали свою точку зрения относительно определенных изъянов термина «Восток», объемлющего и включающего в себя часто весьма отличных друг от друга явления. Не говоря уже о том, что центр современного культурного и экономического развития стабильно смещается в последние десятилетия в государства Юго-Восточной Азии, что означает, в частности, что идея прогресса и все то, что сопутствует данной идее, полностью воспринята народами, составляющими население этих государств. Она воспринята и кыргызским народом. Дальнейшее же развитие правовой системы в Кыргызстане продиктовано, по нашему мнению, в первую очередь с необходимостью обеспечения правовой составляющей прогресса.

С включением Кыргызстана в Российскую империю начался процесс модернизации право кыргызского народа. В строгом смысле история формирования и трансформации современного гражданского

судопроизводства в Кыргызстане – это история относительно быстрой смены прежней системы судопроизводства на модернизированную, соответствующую текущим реалиям. С формальной стороны данного процесса все обстояло достаточно просто и понятно: она была сопряжена с законотворчеством, постоянным принятием новых законов, в той или иной соответствующих общественным потребностям и политической и общественно-экономической реальности. Что же касается глубинных явлений данного процесса, то здесь все обстояло значительно сложнее и было сопряжено с множеством противоречий, обусловленных главным образом с существенными цивилизационными различиями между внедряемой правовой системой и субъектами права, чья правовая культура и сознание явно отставала от формальных трансформаций.

Распад СССР привел к ликвидации влияния и давления на правовую систему Кыргызстана, исходящих от России и длившихся около полутора столетий. Однако процесс модернизации Кыргызстана зашел так далеко, что практически исключил возврат к прошлому. В настоящее время немногочисленность кыргызского народа, уже вовлеченного в процесс глобализации, с необходимостью ведет к тому, что, продолжает реформы, все более отдаляется от своих исторических цивилизационных корней. Во всяком случае, в системе права и, соответственно, системе судопроизводства. Однако это не противоречит ни общественно-экономическим, ни национальным интересам, ни, наконец, естественному порядку вещей. А кроме того, это неизбежно, учитывая общемировые тенденции. При любом раскладе, рано или поздно Кыргызстану придется вписаться в более крупные системы, к примеру, в формируемый в настоящее время Евразийский союз, а через него – в общемировую систему. А это невозможно сделать, не преобразуя и не совершенствуя постоянно собственную правовую систему и все ее важные компоненты.

Однако все перечисленные в данном параграфе явления и факты являются в своей совокупности образуют тот ряд противоречий и трудностей, который

предстоит преодолеть в процессе создания обновленной системы гражданского судопроизводства в Кыргызстане.

Итак, подведем выводы к параграфу.

1. Способность правовой системы, культуры и, соответственно, всех ее компонентов к развитию независимо от цивилизационной принадлежности какого-либо конкретного этноса является универсальной чертой всех человеческих сообществ, обусловленной спецификой человеческого вида, наличием у него разума. Однако в силу того обстоятельства, что различные народы развивались и развиваются даже в настоящее время с неодинаковой скоростью, правовые системы народов обнаруживали, соответственно, различную способность к эволюции.

2. В силу того, что особенности возникновения и эволюции кыргызского судопроизводства длительное историческое время определялись в первую очередь цивилизационными чертами кыргызского этноса и его кочевой культуры, многие особенности и трудности, современных культурно-правовых трансформаций, в том числе в системе гражданского судопроизводства, во многом обусловлены ими же. Эти особенности проявляются в настоящее время в темпе трансформаций судебной системы Кыргызстана, в успешности проводимых правовых реформ, в характере правосознания и правового поведения граждан, в степени и характере освоения ими новых правовых форм, их законопослушности, в законотворчестве и т.д.

3. Приверженность кыргызов к кочевому образу жизни с характерными для данного образа жизни сами по себе не предрасположены к изменениям, но и всячески противятся им, во всяком случае, внутренне психологически. И если изменения, вопреки желаниям, расположением в обществе, все же происходят, то главным образом под давлением внешних сил и обстоятельств.

2.2. Проблема периодизации истории развития гражданского судопроизводства Кыргызской Республики

Установленные в предыдущем параграфе методологические основы исследования, которые в целом можно определить как логико-историко-цивилизационные, в принципе задают как временные рамки исследования истории развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане, так и характер периодизации его становления.

Периодизация любого процесса, разворачивающегося в историческом времени, имеет мало общего с простым механическим его разделом. Очевидно, что в качестве основного критерия при таком разделении должны выступать не какие-либо количественные, а качественные характеристики процесса, которые, следует отметить и которые могут изменяться во времени, т.е. по ходу самого процесса. Подвижность критериев, обусловленная постоянным изменением самой реальности, характеризуемой чрезвычайным разнообразием и противоречивостью, неопределенность критериев, неизбежная субъективность при их подборе, естественно, порождают определенные трудности в периодизации истории развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане. Однако все эти обстоятельства не освобождают от необходимости введения периодизации, которая, несмотря на отсутствие бесспорных и однозначных критериев, конечно, должна быть обоснована. В свою очередь логически обоснованная периодизация истории развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане дает возможность наиболее полным образом отразить как общие закономерности, так и особенности данного развития, проследить взаимосвязи процессуального права и судопроизводства, показать их социальную ценность и активную роль в деле строительства государства и гражданского общества.

Очевидно, что выявление и предложение тех или иных принципов и критериев в периодизации истории исследуемого нами феномена в первую

очередь определяется охватываемым нами периодом, который в свою очередь зависит от основных подходов и принципов, примененных в исследовании. Мы используем, как это было уже сказано не раз, цивилизационный подход, который, с одной стороны, позволяет, а с другой – обязывает рассматривать историю становления гражданского судопроизводства в Кыргызстане как историю его возникновения и постоянной трансформации, обусловленной, как мы выяснили в предыдущем параграфе, преимущественно под давлением и воздействием, исходящим извне. Все эти обстоятельства в совокупности дают нам основание считать, что становление гражданского судопроизводства в Кыргызстане осуществлялось в форме модернизации, т.е. придания ему формы, соответствующей внешним условиям, возникшим вследствие включения кыргызов и их территорий в состав тех или иных государств, а если быть более точным, то первоначально – в Кокандское ханство, а затем – в состав Российской империи.

То обстоятельство, что процесс становления гражданского судопроизводства непосредственно связан и, по сути, обусловлен процессом модернизации кыргызского традиционного общества, дает нам основание вводить периодизацию в соответствии с этапами модернизации кыргызского этноса, взяв при все же в качестве отправной точки до модернизационный период его существования, поскольку именно традиционная правовая культура, будучи исходным материалом для преобразований, в значительной мере определила характер и темп этих преобразований. Если использовать метафору, можно сказать, что качество возводимого здания зависит в первую очередь от строительного материала, из которого оно возводится, и лишь затем от всего остального. Однако следует иметь в виду, что и сам материал со временем, в результате длительного воздействия подвергается определенным изменениям.

Историю модернизации кыргызского общества можно условно разделить на четыре больших периода.

В течение первого периода досоветский период на территории

Кыргызстана, заселенные кыргызами, входили в круг восточных культур и государств – по нормам шариата и адата в составе Кокандского ханства; и изменении традиционного судопроизводства в Кыргызстане на основе норм общероссийского Имперского законодательства. Несмотря на то, что этот период заметным образом отразился на дальнейшей судьбе кыргызского народа, приведя к определенной изменении его экономической и политической организации, тем не менее, все преобразования происходили в русле традиционного общественного развития и адаптации его к новым условиям жизни.

В течение второго – советский период с 1917–1936, с 1936 по 1965 гг., с 1965 по 1991 гг.;, включающего в себя советскую эпоху, произошли наиболее глубокие и масштабные преобразования всего экономического и политического строя, а с ним и правовой системы кыргызского народа.

И третий период – постсоветский период с 1991 по 1999 гг., связанный с обретением Кыргызстаном суверенитета и строительством общественно-политической и правовой системы. Излишни в данном случае уточнять то обстоятельство, что одновременно с изменением правовой системы в целом неизбежно происходило преобразование и системы судопроизводства.

Четвертый период современный этап с 1999 по 2017г.г и по настоящее время.

– в выявлении особенностей формирования как предшествующей, так и современной системы гражданского судопроизводства и гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики;

– в выявлении влияния предшествующего исторического опыта и культурно-цивилизационных особенностей кыргызского народа на формирование и совершенствование системы гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике; поскольку, как справедливо отмечал С.С. Алексеев, характеризуя роль судопроизводства в реализации законодательства, их тесную взаимосвязь: «Нет права без правосудия» [51, с. 337].

Сообразно указанным этапам и периодам глобальной модернизации,

глубоко затронувшей все сферы общественно-экономической, политической и правовой сфер жизни Кыргызстана, происходило реформирование системы гражданского судопроизводства, которое должно было подстраиваться, приводиться в соответствии с постоянно меняющейся социальной реальностью.

Так, если в XIX века на территории Кыргызстана для судоустройства и судопроизводства преобладающую роль играли суды биев и казиев с характерной для них процедурой рассмотрения гражданских дел, то после вхождения кыргызов в состав Российского государства на порядок рассмотрения дел в суде стало оказывать все более возрастающее влияние российское процессуальное законодательство, которое, обретя в советское время новое содержание и форму, стало, по сути, монопольным. Несмотря на то, что вплоть до конца 20-х годов XX века наряду интенсивно внедряемым советским судом и советским процессуальным правом в Кыргызстане параллельно продолжали действовать суды биев и казиев и соответствующие им процессуальные нормы, а также на то, что возникла Киргизская АССР, преобразованная в 30-е годы в Киргизскую ССР, кыргызское процессуальное законодательство, в силу абсолютно формального характера суверенитета нашей республике, на деле представляло собой разновидность российского с небольшими отличиями от него.

В различные периоды социально-экономическая и правовая реальность в Кыргызстане менялась с неодинаковой интенсивностью, что составило не только количественную, но и, по сути, качественную особенность вышеозначенных периодов при наличии устойчивой тенденции к ускорению всех процессов, обусловленной общемировой тенденцией ускоренного развития. Именно значительный разрыв в интенсивности процессов, связанных с изменением гражданского судопроизводства в нашей республике, привел к тому, что данные периоды неравноценны с точки зрения масштаба, глубины и последствий судебных реформ, что дает основание для дополнительной градации уже внутри самих обозначенных периодов. Вполне

закономерно, что чем интенсивней происходил данный процесс, тем более дифференцированный характер он носил. Объясняется это достаточно просто. Большая интенсивность любого процесса означает на деле, в ее наглядном виде насыщенность теми или иными событиями определенных временных отрезков. Интенсификация жизни с необходимостью ведет не только к заметным качественным изменениям, но и ускорению процесса смены одного качественного состояния другим. Приняв данное суждение в качестве базового, можно сделать логически оправданный вывод, что чем более поздний период будет подвергаться анализу и дифференциации, тем большее количество стадий в нем будет обнаруживаться. Однако, какое бы количество стадий не обнаруживалось внутри каждого конкретного периода и как бы сильно периоды и стадии не различались между собой, общим для всех периодов является цивилизационный фундамент, на котором осуществлялась и будет осуществляться в дальнейшем модернизация системы судопроизводства. Мы уже указывали в первом параграфе нашего исследования, что основным, по сути, фундаментальным противоречием, неизбежно возникшим при становлении гражданского судопроизводства в Кыргызстане было и остается несовпадение и взаимное отрицание исконной правовой культуры кыргызов и той, которую кыргызскому народу поначалу навязывали и которую, как только базовые ее элементы были восприняты в советское время, мы пытаемся освоить, усовершенствовать и адаптировать к своим условиям в настоящее время. Данное противоречие, по нашему убеждению, не только вполне преодолимо, но и непременно будет преодолено. Это вопрос лишь времени и конкретных издержек. Однако в настоящий момент данное противоречие еще достаточно далеко от разрешения, а это означает для нашего исследования, что существует необходимость анализа периода истории, связанного с деятельностью судов биев и казиев. Хотя некоторые отечественные ученые-юристы еще в советское время при изучении проблем, касающихся функционирования судов казиев и биев, а также источников права, которыми они руководствовались в своей деятельности, не относили их к конкретному

периоду развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане, поскольку эти суды функционировали далеко не на всей территории Кыргызстана [168, с. 4]. С формальной точки зрения такой аргумент выглядит вполне убедительным. Однако с позиций цивилизационного подхода, рассматривающего систему обычного права кыргызов и соответствующие ей институты, в том числе судебные, как основу для всех последующих трансформаций, данный аргумент теряет свою силу. Характер и уровень правосознания субъектов правоотношений, характер и тип правовой культуры, находящейся в прямой зависимости от характера и типа культуры в целом, и множество других моментов, несомненно, определяют темп и характер изменений в системе судопроизводства даже в тех случаях, когда на традиционную правовую культуру и ее носителей оказывается значительное внешнее давление, как это, собственно, и было с кыргызским этносом.

В следующей главе нашего исследования мы рассмотрим более подробным образом влияние норм адата, выступавших в качестве регулятора судопроизводства, характерного для традиционного кыргызского общества. В этом же разделе мы укажем на несколько особенностей обычного права кыргызов.

Адат окончательно оформился у кыргызов в своеобразную систему права в раннефеодальный период их истории. В дальнейшем он, испытав незначительные изменения, был приспособлен к нуждам феодализирующегося кыргызского общества, в котором административные функции полностью взяла на себя высшее сословие в лице манапов и биев. Длительное соседство с мусульманским населением во времена Кокандского ханства привело заимствованию у него некоторых элементов шариатского права, а также практике судов казиев, решавшим дела по шариату. Трансформация системы традиционного кыргызского судопроизводства под воздействием Кокандского ханства по известным причинам не получила своего завершения. Однако даже те незначительные изменения в системе судопроизводства кыргызов, которые все же успели произойти, не затронули

никоим образом основ традиционного общества. Более того, все эти изменения, как уже говорилось в предшествующем параграфе, происходили в русле традиционного общества, а религия, игравшая решающую роль в системе мусульманского судопроизводства, только укрепляла традиционные устои. Последнее обстоятельство дает нам серьезные основания объединить в одном разделе анализ влияния адата и шариата на традиционное судопроизводство кыргызов. Конечно, влиянию шариата можно было бы посвятить отдельный раздел. Но у нас больше причин не делать этого, чем делать. Во-первых, рамки исследования ограничены; во-вторых, влияние шариата было в целом незначительным; в-третьих, как уже было сказано, это влияние происходило в русле традиционализма и поэтому в принципе не могло внести кардинальных изменений как в устои кыргызского традиционного общества, так и его систему судопроизводства, и, наконец, в-четвертых, действительно кардинальные изменения произошли в результате российского воздействия, причем практически во всех сферах культуры и социального бытия. Современный этап модернизации гражданского судопроизводства и процессуального права, по нашему мнению, своими истоками уходит ко времени присоединения Кыргызстана к Российской империи, которая готова была мириться с наличием в ее пределах нескольких систем права лишь некоторое время, до тех пор, пока не будут созданы все необходимые предпосылки для перехода к общероссийскому праву.

Для более полного и достаточно наглядного представления о том, с какого рода проблемами сталкивался российское законодательство и кыргызские власти столкнулись, внедряясь российской империи на кыргызскую культурно-правовую почву. Таким образом, можно сослаться юридический документ, составленный российским этнографом К.К. Паленым, а именно «Сборник киргизского обычного права» [297], включающим в себя в общей сложности всего 264 статьи. Отметим, что в «Сборнике» представлены следующие разделы:

Ч. I: Брак, Развод, О правах и обязанностях супругов, О правах и

обязанностях родителей и детей, Усыновление, Взятие в дом зятя, Опека над несовершеннолетними;

Ч. II: О духовных завещаниях, О наследовании по обычаю;

Ч. III включает в себя три раздела, первый из которых без названия и посвящен вопросам общего порядка; второй же раздел: Об обязанностях по договорам, Личный наем, Заем, Заклад, Хранение и поклада, Поручительство, Подряд и поставка, Мена, Имущественный наем, Аренда, Доверенность, Купля-продажа, Дарение, Обязательное дарение, Право гостеприимства, Находка.

Мы намерено привели весь состав «Сборника киргизского обычного права» для того, чтобы наглядно показать состояние права киргизов на момент их вхождения в состав Российской империи. Очень скромный с современной точки зрения по своему объему общий свод законов обычного права объясняется в первую очередь незначительным количеством лиц, на которых распространялось обычное право, или, другими словами, немногочисленностью киргизского этноса, который к тому же был представлен независимыми друг от друга родами и племенами. Простая организация общества, члены которого были связаны между собой преимущественно системой кровного родства, а не экономической основой их существования со слаборазвитыми производственными отношениями и низкой производительностью труда, также не располагала к усложнению и развитию правовой системы, как и незначительный по объему, интенсивности и разнообразию имущественный оборот. Наконец, развитию системы обычного права в традиционной киргизской среде препятствовало то обстоятельство, что межличностные и межсословные отношения внутри рода или племени поддерживались главным образом не через систему обычного права, а другими регулятивными средствами и формами. Как указывает один из исследователей патриархального киргизского общества К.Б. Аманалиев: «Во все времена психологическая адаптация личности выступает как единство аккомодации (усвоения правил среды, “уподобления ей”) и ассимиляции

(“уподобления себе”). Процесс адаптации личности в форме ассимиляции в условиях кыргызского общества осуществляется во многом через функции аксакализма» [57, с. 54].

Любая правовая система находится в прямой связи с организацией общества, в котором данная система функционирует. Общественные отношения внутри кыргызских родов и племен вследствие их весьма низкой внутренней социальной дифференциации носили сословно-патриархальный характер, при этом основной формой организации кыргызов второй половины XIX века была пастбищно-кочевая община. Организационной ячейкой общины являлся аил, в состав которого помимо семей, находившихся друг с другом в той или иной степени действительного родства, входили и семьи, связанные с первыми другими, т.е. неродственными, отношениями. Тем не менее, члены данной общины независимо от степени их взаимного родства воспринимали ее как родовую. Другими словами, традиционная кыргызская община находилась на тот момент на стадии распада и перехода в состояние классового общества. Однако она все еще продолжала зиждиться на системе кровнородственных связей, сохраняя большинство традиционных институтов прошлого, основывавшихся на патриархальных формах жизни, которые характеризовались концентрацией значительной власти в руках глав родов и племен, которые фактически располагали правом вторгаться в самые различные сферы общественных отношений, включая семейные. Г.С. Загряжский на основе личных наблюдений пришел к заключению, что «разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся»[97, с. 12].

Родоправители, будучи заинтересованными в сохранении своих исключительных прав, стремились к сохранению автономии родов. Устойчивости родоплеменной структуры кыргызов, часть которых перешла уже к полукочевому образу жизни, способствовала также хозяйственная необходимость, обусловленная экстенсивным характером скотоводства. Все это вместе приводило к тому, территориальная форма связи между кыргызами была чрезвычайно неустойчива и достаточно условна, в то время как

родоплеменная принадлежность, проверенная многовековой практикой, отличалась особой стабильностью [46, с. 38–39], которая стала своеобразной гарантией сохранения традиционных форм жизни и всего того, что сопутствовало им, в том числе систему судопроизводства. Одной из важных особенностей данной системы было то, что судопроизводство распространялось на многие стороны социальной жизни и сообразно этому включала в себя не только процессуальные, но и административные функции. По этой причине в судопроизводство были вовлечены не только бийи, являвшиеся в определенном смысле слова профессионалами в сфере традиционного права и судопроизводства, но и манапы, наделенные реальной, полноценной властью. Родоправители, будучи крупными собственниками, сосредоточив в своих руках административную, политическую и судебную власти, становились, как сказано в одном из архивных документов той поры, «в полном смысле властелинами» [372].

Уточнение всех этих обстоятельств необходимо было для выяснения тех особенностей и трудностей, с которыми пришлось столкнуться новым колониальным властям, которые, как уже говорилось выше, готовы были мириться с наличием на территории империи нескольких систем права только до некоторых пор, настойчиво внедряя в местные сообщества и адаптируя их под общероссийские законы. При этом формы и методы, которые использовались царской администрацией, будут настолько серьезно отличаться от тех форм и методов, которые использовались в период советской власти, что у нас есть все основания выделить в отдельный период становление гражданского судопроизводства в Кыргызстане на основании норм общероссийского имперского законодательства. Данный период, этап, как известно, был прерван Октябрьской революцией 1917 года.

Советский период и этап становления судопроизводства в Кыргызстане, длившийся более 70 лет, во многих отношениях отличается от всех предшествующих и последующих этапов, причем некоторые из этих отличий носит принципиальный характер. Укажем на них, поскольку они влияют на те

критерии, которые мы используем для дальнейшей периодизации в истории становления отечественного судопроизводства.

С установлением Советской власти начнется процесс возрождения кыргызской государственности, причем на принципиально новой основе, в новом качестве, т.е. не кочевого, а оседлого государства, по сравнению со всеми предшествующими формами государственности кыргызов, что, естественно, не могло не повлиять кардинальным образом на всей системе права.

Кыргызстан как отдельная автономная территориальная единица появилась де-юре в 1924 году [218, с. 323], до этого он составлял часть Туркестанской Автономной Республики, которая в свою очередь находилась в составе послереволюционной России. В 1924 году Туркестан был подвергнут дроблению, и в результате на территории современной Кыргызской Республики была создана Кара-Киргизская автономная область, которая в 1926 году была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (Киргизскую АССР) с собственным правительством и самостоятельной коммунистической организацией. После принятия в 1936 году третьей Конституции Киргизская АССР была изменена в Киргизскую Советскую Социалистическую Республику (Киргизскую ССР), имевшую статус, формально равный статусу Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, при этом была образована Коммунистическая партия Киргизской ССР в качестве местного отделения КПСС [218, с. 350].

Прежде чем продолжить периодизацию процесса становления гражданского судопроизводства в Кыргызстане в советское время, обратим внимание на некоторые важные особенности советского государственно-правового режима, который принято в настоящее время характеризовать как тоталитарный, просуществовавший в первые десятилетия советской власти. В более позднее время данный режим, как известно, трансформировался в авторитарный. Безусловно, указанные режимы, а вернее, государство,

устанавливавшие их, оказывало решающее воздействие на характер и темп трансформаций всей правовой системы советского государства. Поэтому периодизация процесса становления судопроизводства в Кыргызстане может быть поставлена в зависимость от процесса трансформации всей политической и общественно-экономической системы Советского Союза.

Итак, укажем на некоторые характерные особенности тоталитаризма и авторитаризма. Для тоталитарного государственно-правового режима свойственны:

- абсолютное доминирование в государстве одной официальной идеологии, формируемой правящей партией, возглавляемой вождем, наделенным диктаторскими полномочиями;

- бюрократизация правящей партии через ее слияние с государственным аппаратом;

- полная концентрация власти в руках партийной бюрократии за счет соединения в едином органе законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти;

- мощный, тотальный контроль со стороны государства над всеми сферами общественной и частной жизни граждан и др. [249, с. 94]

Для авторитарного режима свойственны:

- концентрация всех властных функций и полномочий в руках властной элиты;

- отсутствие ограничений по времени исполнения властных полномочий и передача власти по усмотрению самой власти;

- отсутствие юридической ответственности властных структур за принимаемые ими решения;

- введение в регулятивно -управленческий механизм двух форм и систем воздействия – корпоративной и нормативно-правовой – когда с помощью первой регулируются взаимоотношения между представителями властной элиты, а вторая используется для регулирования общественных отношений среди тех, на кого распространяется власть;

- установление государственного диктата в идеологической и политической сферах;
- недопущение существования в государстве политической оппозиции и активное применение в данной связи противоправных, т.е. нарушающих субъективные права и свободы граждан, методов воздействия, включающих административный и судебный произвол, а также политический террор;
- допущение относительной свободы в экономической сфере путем разрешения в урезанном виде частной собственности, частного предпринимательства, иностранных концессий, конкуренции государственного и частного экономических секторов и т.д.;
- определение и юридическое закрепление экономического статуса и государственных гарантий по отношению к гражданскому обществу [155, с. 11].

Авторитаризм, таким образом, часто является тем, во что при определенных условиях трансформируется тоталитаризм, когда в пределах последнего так или иначе возникают, а затем по мере роста материального благосостояния развиваются элементы гражданского общества.

Следует указать на одну из важнейших особенностей авторитарных (и тем более тоталитарных) режимов, которая заключается в том, что система права и правовые институты, в силу неразвитости гражданского общества, находятся в значительной зависимости от политических и социально-экономических целей государства и политических институтов.

Одним из парадоксов изменения кыргызского традиционного общества в современное состояние заключается в том, что советский тоталитаризм, а затем авторитаризм существенно ускорили данный процесс. Решающую роль при этом сыграло то обстоятельство, что Россия стояла на несопоставимо более высокой ступени общественно-экономического развития, чем Кыргызстан.

Как показывает опыт многих стран, авторитарные режимы при определенных обстоятельствах могут быть весьма эффективными с точки

зрения продвижения к намеченным целям. Они могут обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок, а кроме того, обнаруживают способность мобилизовать общественные и прочие ресурсы на решение долгосрочных экономических задач, преодолевать сопротивление политических противников. В случае с Кыргызстаном России относительно быстро удалось устранить сепаратистские и центробежные тенденции, обусловленные родоплеменной организацией кыргызов.

Нередко авторитарные режимы являются эффективным инструментом проведения радикальных общественно-экономических и правовых реформ [61]. Во всяком случае данное утверждение вполне справедливо по отношению к Кыргызстану и республикам Центральной Азии. Так, один из оппонентов советской политической и хозяйственной системы – Ч. Уилбер – указывал в свое время на то, что «советская Средняя Азия – это своеобразная витрина методов социалистического развития», которая «была преобразована... в современное динамическое, стремящееся к прогрессу общество, которое убедительно доказывает, что советская система планирования представляет собой действенный метод для достижения внушительного экономического развития в слаборазвитых районах» [107, с. 9–10]. В этом же ключе рассуждают английские советологи А. Ноув и Дж. Ньют. Подразумевая стремительное индустриальное развитие советских Центрально-азиатских республик, они подчеркивали, что столь быстрое развитие в отсталом крае было бы весьма проблематично в условиях свободного предпринимательства, когда капитал ищет наиболее прибыльные области приложения, и своим ростом промышленность этих республик обязана в первую очередь «индустриальной идеологии Советского правительства», его повышенному вниманию к развитию ранее отсталых народов [107, с. 104].

Тоталитарный, а затем и авторитарный режимы были пережиты кыргызским народом относительно безболезненно в основном по двум причинам.

Во-первых, небольшая социально-имущественная дифференциация кыргызского традиционного общества позволила сравнительно легко пережить процесс социальных чисток, проведенный Советской властью. Во-вторых, традиционное общество само по себе предрасположено к авторитаризму, что вытекает из склада восточного общества, характеризующейся значительной ролью в жизни личности общины, в которой человек мыслит себя как часть целого, как член определенного сообщества. Отсутствие или неразвитость гражданского общества и среднего слоя населения в традиционном обществе также усиливают авторитарные тенденции, настроения и предпочтения в обществе и государстве.

Россия, как главная государство образующая страна, была кровно заинтересована в усилении государства, а для этого, помимо политических и социально-экономических мер, необходимо было проводить ускоренную единую правовую политику, выражавшуюся в установлении на территории всей обширной страны однотипного права и правовых институтов, в том числе, конечно, гражданских. Россия в большей мере, чем какая-либо другая республика, входившая в состав СССР, обеспечивала данный процесс необходимыми кадровыми, материальными, финансовыми, политическими и организационными средствами и мерами.

Изначально предполагалось, что установление во всех уголках государства приблизительно одинаковых политических, социально-экономических, правовых, образовательных и прочих жизненных условий с необходимостью приведет к нивелированию культурных и большинства этнических различий. Однако сделать это, как известно, так и не удалось. Тем не менее, удалось сделать достаточно много.

Беспрецедентный количественный рост кыргызского этноса, как и остальных коренных этносов Центральной Азии в советский период их истории, явно говорит в пользу того, что именно в это время, по причине форсированного индустриального развития страны, были созданы относительно благоприятные экономические и социальные условия.

Значительное разнообразие культур и народов, образовавших Советское государство, различие их, порой значительное, в уровне социально-экономического развития с необходимостью приводило к тому, что каждая из республик союза проходила свои этапы в становлении гражданско-процессуального права и гражданского судопроизводства. С другой стороны, направление проводимых реформ и общий их ритм, и темп в целом определялся центром в лице Москвы, стремившейся, несмотря на все возникающие трудности и противоречия, форсировать данный процесс. Отметим в данной связи, что именно высокая скорость преобразований всей судебной системы и гражданско-процессуального права, во всяком случае, по отношению к кыргызскому традиционному обществу, создает определенные сложности для периодизации исследуемого нами процесса.

В советское время отечественными учеными предпринимались попытки периодизации, при этом, как указывается в одном из монографических исследований, «общей методологической основой периодизации истории развития гражданского судопроизводства... республики является учение основоположников марксизма-ленинизма о процессе становлении и развития коммунистической общественно-экономической формации, заключающей в себе три стадии: две фазы собственно коммунизма и предшествующий им переходный период – период строительства основ социализма. Период строительства основ социализма занял первые два десятилетия истории советского общества» [159, с. 18].

Периодизация истории становления гражданского судопроизводства в Кыргызстане в советское время мотивировалась политическими доводами и соображениями. Именно по этой причине она выглядела следующим образом, исключая ее промежуточные периоды (этапы):

«1) гражданское судопроизводство союзной республики в период строительства основ социализма (1917–1936 гг.);

2) гражданское процессуальное право Киргизской ССР в период строительства развитого социализма (1937–1960 гг.);

3) гражданское процессуальное право Киргизской ССР в начальный период построения развитого социализма в СССР (1961–1965 гг.)» [159, с. 22].

Привязка периодизации процесса изменения гражданского судопроизводства и процессуального права, как и системы права в целом, к тем или иным политическим и социально-экономическим изменениям была оправдана в первую очередь с идеологической и пропагандистской точки зрения. Это вполне зримо проступает из следующей цитаты, взятой нами из монографии С.М. Сатыбекова, написанной им в 1987 году: «В качестве одного из аргументов, – пишет он, – характеризующих вступление реального социализма в СССР в стадию зрелости в области государственно-правового строительства, мы бы назвали построение у нас в стране общенародного государства, а в узко правовом отношении – принятие Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1961 г.), явившихся правовой базой для разработки и принятия ГПК союзных республик» [159, с. 22].

Однако из этого не следует, что периодизация, основывающаяся на политическом заказе, была полностью лишена внутренней логики, не отражала и не основывалась на реальных изменениях, происходивших в республике. Действительно, идеолого-пропагандистский и поэтому, по сути, антинаучный, искусственный характер носили критерии в определении фаз развития социализма, к которым привязывались все остальные более или менее значимые процессы и явления в общественной жизни страны. С другой стороны, изменения в Кыргызстане происходили, и они носили радикальный характер, поэтому выше предложенная периодизация определенным образом отражала действительные перемены, происходившие в системе гражданского судопроизводства и гражданского процессуального права Кыргызстана.

Имея в виду все вышеизложенное и напоминая о том, что любая периодизация, как бы она не была мотивирована, имеет относительно условный характер, мы предлагаем следующую периодизацию процесса становления гражданского судопроизводства и гражданского

процессуального права Кыргызстана.

1. Развитие гражданского судопроизводства в Кыргызстане с 1917 по 1936 год.

2. Гражданское судопроизводство в период с 1936 по 1965 год, вплоть до принятия гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР.

3. Гражданское судопроизводство после принятия гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР до завершения советской эпохи, в период с 1965 по 1991 год.

4. Гражданское судопроизводство в суверенном Кыргызстане с 1991 по 1999 года.

5. Развитие гражданского судопроизводства в современном этапе с 1999 по 2017 года, с 2017 и по настоящее время.

Начало первого из указанных периодов, приходящееся на 1917 год, связано с установлением Советской власти в России, повлекшее за собой коренные преобразования во всех сферах жизни общества и государства. Завершение же периода, приходящееся на 1936 год, мотивируется нами принятием в 1936 году третьей Конституции Киргизская АССР, после которого последняя была трансформирована в Киргизскую ССР, получившую новый статус, формально равный статусу РСФСР.

Завершение второго периода формально можно обосновать принятием в 1965 году гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР. С другой стороны, общие изменения, произошедшие к этому времени в экономике, в политической, социальной и правовой сферах страны, были действительно настолько значительны, что принятие гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР на самом деле отражало эти изменения в правовой сфере. В стране происходила заметная либерализация всех сфер жизни, и государство осуществило переход от тоталитаризма к авторитаризму.

Завершение третьего периода, само собой, разумеется, приходится на прекращение существования СССР как юридической и геополитической реальности и образования пятнадцати новых государств.

Последующая периодизация истории становления гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане не представляет особой сложности в силу краткости данной истории. Условно ее можно поделить на два этапа, первый из которых связан с созданием основ современного гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике с 1991 по 1999 года, а второй – с их развитием и совершенствованием с 1999 по 2017 года и по настоящее время.

Итак, подведем итоги к параграфу.

1. Периодизация любого процесса, разворачивающегося в историческом времени, имеет мало общего с простым механическим его разделением. В качестве основного критерия при таком разделении должны выступать в первую очередь качественные характеристики процесса, которые могут изменяться во времени, т.е. по ходу самого процесса. Подвижность критериев, обусловленная постоянным изменением самой реальности, характеризуемой чрезвычайным разнообразием и противоречивостью, неопределенность критериев, неизбежная субъективность при их подборе, естественно, порождают определенные трудности в периодизации истории развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане.

2. Особенности кыргызской истории и культуры, целиком пронизанной традиционализмом, дают основания для того, чтобы связывать процесс становления гражданского судопроизводства с процессом модернизации кыргызского традиционного общества, что в свою очередь предоставляет основание вводить периодизацию в соответствии с этапами модернизации кыргызского этноса, взяв при все же в качестве отправной точки до модернизационный период его существования, поскольку именно традиционная правовая культура, будучи исходным материалом для преобразований, в значительной мере определила характер и темп этих преобразований.

3. Историю модернизации кыргызского общества можно условно разделить на три больших периода. В течение первого периода территории, заселенные кыргызами, входили в круг восточных культур и государств. К этому периоду относятся доисламский и исламский отрезки времени и, в частности, связанный с пребыванием кыргызского народа в составе Кокандского ханства. Несмотря на то, что этот период заметным образом отразился на дальнейшей судьбе кыргызского народа, все преобразования происходили в русле традиционного общества. В течение второго – российского – периода, включающего в себя и советскую эпоху, произошли наиболее глубокие и масштабные преобразования всего экономического и политического строя, а с ним и правовой системы кыргызского народа и придавшие процессу модернизации необратимый характер, третий период – постсоветский этап, связанный с обретением Кыргызстаном суверенитета и строительством общественно-политической и правовой системы. И, наконец четвертый период современный этап развития гражданского процессуального законодательства соответственно с требованием развивающегося демократического общества.

В различные периоды социально-экономическая и правовая реальность в Кыргызстане менялась с неодинаковой интенсивностью при наличии устойчивой тенденции к ускорению всех процессов, обусловленного общемировой тенденцией ускоренного развития. Именно значительный разрыв в интенсивности процессов, связанных с изменением гражданского судопроизводства в нашей республике, привел к тому, что данные периоды неравноценны с точки зрения масштаба, глубины и последствий судебных реформ, что дает основание для дополнительной градации уже внутри самих обозначенных периодов.

5. Советский период и этап становления судопроизводства в Кыргызстане, длившийся более 70 лет, во многих отношениях отличается от всех предшествующих и последующих этапов. С установлением Советской власти начнется процесс возрождения кыргызской государственности, причем

на принципиально новой основе, в новом качестве, т.е. не кочевого, а оседлого государства, по сравнению со всеми предшествующими формами государственности кыргызов: 1) развитие гражданского судопроизводства в Кыргызстане с 1917 по 1936 год; 2) гражданское судопроизводство в период с 1936 по 1965 год, вплоть до принятия гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР; 3) гражданское судопроизводство после принятия гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР до завершения советской эпохи, в период с 1965 по 1991 год.

6. Последующая периодизация становления гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане не представляет особой сложности в силу краткости данной истории. Условно ее можно поделить на два этапа, первый из которых связан с созданием основ современного гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике с 1991 по 1999 года, а второй – с их развитием и совершенствованием с 1999 по 2017 и 2017г по настоящее время.

ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В КЫРГЫЗСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Возникновение и развитие современного гражданского судопроизводства в Кыргызстане с 1917 по 1936 гг.

Формирование основ современной судебной системы в Кыргызстане фактически началось в советское время, которое, несмотря на все свои противоречия, подчас значительные издержки и негативные моменты, для кыргызского народа имело множество позитивных изменений, в совокупности имевшие без преувеличения колоссальные последствия, связанные со значительными цивилизационными преобразованиями в культуре кыргызов.

Процесс изменения кыргызской судебной системы происходил не только на фоне осуществляемых в стране кардинальных социально-экономических, политических и общекультурных реформ практически во всех сферах государственной и общественной жизни, но в целом, по существу он определялся этими преобразованиями. И в силу данного обстоятельства для того, чтобы понять и вынести объективную оценку сути, характеру и глубине трансформаций гражданского судопроизводства в Кыргызстане, необходимо понять в первую очередь, какие наиболее значительные сдвиги произошли в культуре кыргызского народа.

Мы утверждали в предшествующих разделах нашего исследования, что традиционная правовая система кыргызов, наиболее вероятно, со временем под воздействием экспансионистской и ассимиляторской политики и культуры соседних оседлых народов преобразовалась бы в одну из разновидностей мусульманской правовой системы, что в целом не противоречило бы ее эволюционному развитию, поскольку, во-первых, кыргызы исповедовали к тому времени ислам, и, во-вторых, шариат, базируясь на традиционных элементах культуры, относительно легко, быстро и эффективно вовлекал в свою сферу именно народы с традиционной культурой.

Таким образом, испытывая влияние главным образом мусульманской правовой культуры, кыргызы одновременно оставались бы в пределах собственной традиционной культуры, и характер, а также направление всех последующих трансформаций кыргызской правовой системы в целом определялись бы этим обстоятельством. Однако активное вторжение в трансформационный процесс России на правах метрополии поначалу остановили его, а затем придали ему совершенно иное направление. Об этом мы уже говорили достаточно подробно. Однако советский период в этом отношении обладает рядом существенных отличий от царского. Мы коснемся их всех по мере изложения материала.

За время советской власти в Кыргызстане была осуществлена радикальная модернизация, затронувшая цивилизационные основы бытия этноса, что, собственно говоря, обеспечило данной модернизации необратимый характер или, другими словами, устранило возможность возврата к исходной точке.

Кыргызский народ, продолжавший в царское время существовать в системе родоплеменных отношений, в течение жизни всего трех поколений перешел в принципиально новое для него качественное состояние. Была возрождена кыргызская государственность. Она носила урезанный характер, но, важно заметить, объяснялось не только стремлением метрополии в лице Москвы контролировать периферию, но и объективной необходимостью постоянной помощи и опеки этноса, который не располагал на тот момент ни средствами, ни возможностями, ни материальным и интеллектуальным ресурсом, ни организационным опытом, ни необходимой правовой и кадровой базой, и наконец, привычкой к государственной жизни для создания и нормального функционирования государства в его современных, а не устаревших формах. Благодаря комплексу последовательных, целенаправленных политических, социально-экономических и правовых мер в исторически краткий период советской власти удалось ликвидировать кочевые формы жизни и хозяйствования, не только неприспособленные для

государственного строительства и государственной жизни, но и, по сути, отрицающие их. Что же касается правовых мер и правовых институтов, то в Кыргызстане была создана и внедрена в повседневную жизнь, государственную практику и в общественное сознание советская правовая система, которая вопреки всем своим недостаткам и несовершенствам была несопоставимо более развитой эффективной, чем система обычного права, которая, как и кочевые формы жизни, мешала нормальной и полноценной государственной жизни. В Кыргызстане за счет значительных финансовых вливаний, экономической и кадровой помощи центра в течение нескольких десятилетий была создана относительно развитая инфраструктура и система подготовки кадров, призванных обеспечивать ее функционирование. Была создана экономическая, а с ней и социальная база, способная к самовоспроизведению, возникла кыргызская интеллигенция, без которой невозможно было закрепление и дальнейшее развитие современных правовых институтов, в том числе, конечно, судебных. Были, наконец, созданы все основные политические, административные и общественные институты, которые наряду с системой образования и другими важными элементами социальной и государственной жизни являются определениями современного государства.

Таким образом, кыргызский этнос, состоявший даже в первые десятилетия советской власти из разрозненных родов и племен, стал стремительно трансформироваться в состояние нации, что позже позволило установить общую для всех систему права, которая к тому же приобрела все необходимые формальные признаки полноценного, профессионального права. И хотя «родимые пятна» кыргызской традиционной культуры, формировавшейся в течение тысячелетий и прочно закрепившейся во всей системе общественных отношений, в привычках, предпочтениях, поведенческих стереотипах, в правовом сознании, идеологии и т.д., проявляются и в настоящее время, в частности в форме трайбализма, регионализма и клановости, тем не менее, в результате именно советских

реформ кыргызским этносом был осуществлен, как было сказано выше, переход в качественно новое состояние, характеризуемое новой цивилизационной определенностью, спецификой, а кроме того, необратимостью. С другой стороны, советская модернизация не была завершена, т.е. вышеозначенный переход не был осуществлен в полной мере. И основной комплекс трудностей и противоречий, присущих современной правовой реальности в Кыргызстане, в том числе в систем гражданского судопроизводства, обусловлен этим промежуточным состоянием, которое до сих пор не преодолено.

Столь подробное своего рода предисловие к данному параграфу должно было разъяснить в общих чертах не только суть советских реформ, имеющих отношение и к гражданскому судопроизводству в Кыргызстане, но и суть и характер трудностей, с которыми пришлось столкнуться при этом советскому государству, а также реальные последствия этих реформ, которые характеризуются чрезвычайной, по нашему мнению, эффективностью.

Именная эффективность, обеспечившая существенное обновление всей культурной основы кыргызского народа, заслуживает особого внимания и требует своего разъяснения. Для того чтобы оценить должным образом данную эффективность, сошлемся на то обстоятельство, что если кыргызы продолжали бы свое развитие обычным, эволюционным путем, в русле привычной им традиционной культуры, т.е. без вмешательства извне, то для осуществления перехода в новое цивилизационное состояние, к которому так или иначе пришлось бы перейти, потребовалось бы значительно, несопоставимо больше времени, чем это имело место быть в действительности, при существенном внешнем влиянии, которое далеко не ограничивалось существенной по своим размерам помощью, а реализовывалось еще и в форме прямого руководства и регулирования реформационного процесса.

Возникает правомерный вопрос, : каким образом была достигнута данная эффективность, если сама советская хозяйственная система, основывавшаяся

на государственной форме собственности, и все институты, сопутствовавшие ей, в том числе правовые, зарекомендовали себя как малоэффективные по сравнению с буржуазными? Попытаемся дать развернутый ответ на данный вопрос, поскольку суть и характер правовых реформ, которые проводились в Кыргызстане в советское время, трудно или даже невозможно понять вне политических и социально-экономических процессов, проходивших в СССР, а кроме того, особенности правовой советской системы, в том числе судебной, в значительной мере определялись особенностями советского строя.

В Советском Союзе в силу специфики его экономического устройства, характеризуемого высокой степенью внеэкономических форм принуждения к труду, система государственного управления, как и вся общественная жизнь, была изрядно политизирована. КПСС и ее местные отделения в советских республиках, занимая безусловно доминирующее положение в обществе, осуществляли руководство системой государственного управления и поставляли кадры для нее. Руководящая роль КПСС и ее отделений в республиках в жизни общества и государства была законодательно закреплена в Конституции СССР. Реальная практика Компартии абсолютно соответствовала данной статье Конституции. Все основные области жизни советского общества, и не в последнюю очередь правовая, были включены в сферу интересов КПСС и были предметом ее жесткой опеки.

В результате безразлично к тому, кем и в каких конкретно государствах пытались воплотить коммунистические идеи в реальность, для всех них было свойственно:

- полная замена традиционной правящей элиты элитой, сформированной на качественно новых основаниях;
- устранение, ликвидация любых форм института собственности в обществе, за исключением тотальных, всепоглощающих – так называемая «общественная собственность» или «общенародная» в социалистическом варианте;

– установление тоталитарного или авторитарного государственно-политического режима, либо трансформация первого во второе в течение определенного срока;

– поражение в правах целых сословий и даже классов, отстранение их от политической жизни, часто сопровождающееся их физическим устранением;

– автаркическая, т.е. направленная на создание замкнутого национального хозяйства, обособленного от экономики других стран экономическая политика;

– частичная или полная замена традиционных моделей распределения общественного богатства системой волевых распределительных решений;

– радикальное преобразование исходной правовой системы, которая, будучи преобразованной, постоянно и активно приспосабливается государственной властью не только под новые формы и отношения собственности, но и под собственные нужды и интересы.

На последние два обстоятельства, учитывая предмет данного исследования, следует обратить особое внимание. В условиях тоталитарного государственно-правового режима государство становится абсолютным, поскольку у его подданных в условиях отсутствия частных форм собственности, обеспечивающих их экономическую свободу и независимость, отсутствуют соответствующий объем прав и сама возможность отстаивать их. Вся правовая система подчинена государственным интересам. Из этого не следует, что правовая деятельность государства и деятельность вообще направлена на то, чтобы постоянно сужать в правах население страны с параллельным расширением собственных прав. Это упрощенный, однобокий взгляд, игнорирующий постоянную эволюцию, развитие, как общества, так и государства, общемировое влияние и тенденции, а также то, что определенным позициям интересы общества и государства могут вполне совпадать или находиться в такой тесной взаимосвязи и взаимозависимости, что не могут быть проигнорированы ни одной из взаимодействующих сторон без ущерба для себя. Решающую роль при этом играют уровень развития

общества, обеспеченность природными ресурсами, культурные особенности и традиции населения страны, его этническое разнообразие, просто конкретное стечение обстоятельств и др. Тем не менее, принимать государственных интересов над общественными, гражданскими является атрибутивной чертой тоталитаризма в любом государстве. Отличия лишь в частностях, а также характере и степени давления государства на общество.

Характерно, что приспособление властью правовой системы под собственные интересы и нужды выдавались и выдаются тоталитарных государствах за политику, направленную защиту интересов трудящихся, класса-гегемона и т.п. Приведем достаточно красноречивый пример из советской реальности, подтверждающий данное утверждение. Так, в Основах судостроительства СССР и союзных республик, которые были приняты на 2-й сессии ЦИК СССР 29 октября 1924 года [316], были закреплены организационные начала построения судов СССР и союзных республик, под которыми законодателем провозглашались доступность судов для населения, широкое участие трудящихся в отправлении правосудия, демократические принципы судопроизводства. В Основах, а именно в ст. 1 были определены задачи судебных органов, которые состояли: в ограждении завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленным; в защите прав и интересов трудящихся и их объединений; в укреплении общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся; в осуществлении революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан.

Как видно из вышеприведенного текста, из характерной революционной лексики, судостроительство в советском государстве, как и вся правовая система в целом, не только находилось в прямой связи с политическими задачами и целями государства, но и было целиком подчинено им.

Справедливости ради следует сказать, что правовая система СССР на деле часто отражала и защищала интересы наиболее крупных социальных образований в государстве, поскольку последнее, постоянно нуждавшееся в

общественной поддержке, не могла проигнорировать их целиком. Но, несомненно, в первую очередь отражала и защищала интересы бюрократии, а также задачи строительства и укрепления государства, как необходимого условия существования самого общества.

Процесс становления гражданского судопроизводства в Кыргызстане в советский период истории содержал в себе множество противоречий. Часть из них – наиболее общего порядка – мы уже указали выше, другую – укажем по мере изложения текста.

Деятельность Советского государства, руководители которого свято верили в эту идею, получившую свое оформление в образе «светлого будущего», была направлена на форсированное развитие промышленного производства, которое было возможно при условии, вновь выражаясь словами К. Маркса, возможно быстрого увеличения суммы производительных сил.

Устранение Советской властью всех своих оппонентов самыми жесткими методами, концентрация в руках государства огромной власти открыли перед ним возможности, которыми в свое время не располагал царизм. Это в полной мере относилось к правовым институтам. Новое, быстро формирующееся советское право в условиях тоталитаризма и мощной государственной поддержки стало активно внедряться на всей территории огромного государства.

До 1936 года Кыргызстан находился в составе РСФСР, и на его территории, соответственно, действовало законодательство Российской Федерации. Однако в силу культурной специфики, которую невозможно было устранить в кратчайшие сроки, в Кыргызстане в первые десятилетия советской власти в ограниченной сфере продолжали действовать законы адата и шариата¹.

К весне 1918 года советская власть утвердилась в России, и возникла необходимость выработки и принятия основополагающего юридического

¹Они также действовали в Туркестане, Осетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Крыму, Башкирии, Татарии, Казахстане.

документа, который законодательно закрепил бы новые общественные отношения и сформировавшиеся органы власти. Таким документом стала Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 года на V Всероссийском съезде Советов [120, с. 14]. В ней была законодательно закреплена сложившаяся система государственной власти, основой которой стали Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. В Конституции также провозглашались и законодательно закреплялись основы национальной политики и федеративные принципы. Советский Союз, будучи полиэтническим государством, состоявшим из формально суверенных республик, не мог осуществлять свою политику, основываясь на моноэтнической идеологии и ценностях. Кроме того, марксистская идеология, которая была официальной идеологией советского государства и основывалась на социальных, а не этнических началах, не допускала во взаимоотношениях с народами иного принципа, кроме интернационального, что, отметим, сыграло чрезвычайно позитивную роль в истории нового Кыргызстана. Следует также отметить, что идеология в советском государстве в силу специфики его автаркической хозяйственной системы, характеризующейся высокой степенью внеэкономических форм принуждения к труду, идеология играла особую роль. Во многом благодаря данному обстоятельству Конституция РСФСР имела отчетливо выраженный классовый характер, что выражалось, в частности, фактическим отстранением от политической жизни страны целых классов и сословий, порядком предоставления избирательного права, предоставлением определенных льгот рабочему классу при выборах в органы власти и системой основополагающих прав граждан.

Конституция, будучи основным юридическим документом, в целом определила характер советской судебной системы и судопроизводства. Вернее, она юридически закрепила уже произошедшие радикальные изменения, поскольку реформы судебной системы Советского государства начались еще до принятия первой Конституции. Так, в Декрете СНК

Российской Советской Республики о суде №1, который был опубликован в «Правде» 7 декабря 1917 года [287], была, по сути, заложена основа советского судопроизводства. Декретом, состоявшим из всего десяти положений, упразднялась прежняя судебная система, взамен была предусмотрена новая организация местных судов, которые отныне должны были осуществлять свою деятельность коллегиально в следующем составе: постоянный народный судья и два народных заседателя. В Декрете провозглашался принцип выборности судей и народных заседателей, было предусмотрено право в кассационном порядке обжаловать решение местных судов в уездных съездах на формально демократической основе. В ст. 2 Декрета определялась подсудность по гражданским делам местному суду дел с размером иска на сумму до 3000 рублей. Статьей 3 допускалось судебное представительство в лице поверенных по гражданским делам.

В июне 1919 года ЦИКом Советов Туркестанской АССР был принят декрет, в котором четко предписывалось, что «все акты (декреты, постановления, положения, инструкции, приказы и распоряжения) социального законодательства Центрального Всероссийского Правительства РСФСР... воспримут силу закона на всей территории Туркестанской республики... по опубликованию их по распоряжению ЦИКа... На комиссариат юстиции возлагается обязанность общей кодификации и систематизации всех местных декретов, постановлений, положений и распоряжений краевой власти и ЦИКа, согласование их с декретами Всероссийского, ввиду чего ни один законодательный акт краевой власти отныне не может поступить на [рассмотрение] Туркестанского ЦИКа без заключения комиссариата юстиции»[361].

Очевидно, что данный декрет был направлен на решение двух главных общих целей: установление законодательного и политического контроля со стороны центра, в качестве которого выступало Центральное Всероссийское Правительство РСФСР, и унификация законодательной и политической системы на всей советской территории. Для достижения этих целей при

Народном Комиссариате юстиции (далее – НКЮ) были образованы отделы, непосредственными задачами которых были:

а) разработка законодательных предположений по всем отраслям законодательств республик с учетом местных особенностей края;

б) кодификация советского законодательства – как центрального, так и местного краевого;

в) публикация республиканских законов[362].

При НКЮ был также образован отдел местного права, на который были возложены разработка и проведение в жизнь норм, которые тем или иным образом должны были учитывать правовую жизнь коренного населения Туркестанской АССР. Однако законодательные акты, разработанные органами центральной власти, как правило, принимались и внедрялись соответствующими республиканскими органами без серьезных изменений, поэтому деятельность отдела законодательных предложений НКЮ сводилась в республике главным образом к проведению актов центральной власти с учетом местной специфики. Другими словами, законоположения центра не пересматривались на местах, а реализовывались с максимальным учетом особенностей республики, а вернее, отдельных ее зон. Так, в постановлении коллегии НКЮ от 30 июня 1922 года вполне определенно указывалось, что «самостоятельная деятельность наркоматов в области разработки новых законопроектов по предметам своего ведомства должна быть направлена преимущественно к разрешению вопросов, вытекающих из своеобразного уклада жизни Туркестанской республики, и не вносить разноречий по вопросам общим, разрешенным уже центральным законодательством» [360].

Такой круг компетенций, характер зависимости от центральной власти, принципы взаимодействия с ней и ориентация в законодательной деятельности органов власти и управления, а также юридических служб республики были характерны для всех отраслей права. Причем практически на весь период советской власти, а не только в первые десятилетия ее существования. Что же касается именно этих десятилетий, то в это время

молодое советское государство еще не располагало систематизированными процессуальными законами. Однако этим проблемы далеко не исчерпывались. Так, избираемые по новым принципам судьи и народные заседатели из числа благонадежных или лояльных к новой власти не имели, как правило, ни соответствующего образования, ни знаний, ни опыта судебной работы. Исходя из реальных условий, уже упоминавшийся ранее Декрет о суде №1 допускал применение судами прежних законов, однако с тем условием, если их еще не отменила новая власть и они не противоречили ее декретам, а также, как формулировалось в соответствующем документе, революционной совести и правосознанию [159, с. 51].

Декретом было отменено апелляционное обжалование. Декретом определялось, что решения местных народных судов носят окончательный характер, если сумма иска была не более 100 рублей. Решения же местных судей указанных судов по искам, которые превышали размеры их подсудности, можно было обжаловать в порядке кассации в уездных и столичных съездах (советах). В отличие от апелляционного суда кассационный был не вправе выносить по делу новое решение, на него была возложена проверка законности и правосудности обжалованного иска, при этом он был наделен полномочием оставлять его без изменения либо отменять и направлять дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение [328, с. 585].

Декрет №1, составленный в ускоренном порядке, не охватывал всю совокупность процессуальных норм, предусматривая только принципиальные начала, положения гражданского судопроизводства, поэтому, как подчеркивалось в Декрете, отдельные нормы процессуального характера были временной мерой, «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства» [328, с. 589].

15 февраля 1918 года в качестве развития и дополнения положений Декрета о суде №1 вышел Декрет о суде №2 [287], содержащий уже 39 статей, сгруппированных в 12 частей. В Декрете №1 не был решен вопрос, связанный с судебной инстанцией, на которую было возложено рассмотрение

гражданских исков, выходявших за пределы компетенции местных народных судов, т.е. свыше 3000 рублей. В Декрете №2, в котором было предусмотрено создание окружных народных судов с гражданским и уголовным отделениями, данный вопрос нашел свое решение [325, с. 347]. Кроме того, в новом Декрете нашли отражение такие важные фундаментальные принципы, как сменяемость судей, обусловленная решением избирателей, гласность и состязательность процесса, возможность обжалования и пересмотра решений, связанных не только с незаконностью, но и явной их несправедливостью, и др.

В Декрете №2 предусматривалась возможность ведение суда на всех местных языках, для чего на суды и соответствующие местные Советы возлагалась обязанность определения, на каком языке должно вестись судопроизводство. Данное положение было практической реализацией в деятельности органов правосудия одного из основополагающих принципов политики государства в сфере национальной политики.

В принятом 20 июля 1918 года Декрете о суде №3 была существенно расширена компетенция местных народных судов, определена подсудность им гражданских дел по искам до 10000 рублей. В соответствии с новым Декретом решения народных судов по искам до 500 рублей стали считаться окончательными и не подлежащими обжалованию[287].

Необходимо сказать, что уже в Декрете о суде №3 совершенно отсутствовало указание или упоминание о возможности и необходимости применения судами законов Российской империи, что, по сути, означало упразднение старой системы судопроизводства и переход к системе единого народного суда [159, с. 52], что в свою очередь означало установление новой политической и социально-экономической системы, несмотря на то, что гражданская война была ещё далека от своего завершения.

Принятые в оперативном порядке Декреты, упразднившие предшествующую систему судопроизводства, заложили начало развития современного гражданского процессуального права во всех республиках Средней Азии, которое в первые десятилетия Советской власти

осуществлялось в форме постоянным, настойчивым и форсированном вытеснении из системы судопроизводства адата и шариата.

Реформа суда и судопроизводства в Кыргызстане не могла быть осуществлена сразу же, в течение нескольких лет. По ряду причин, среди которых одной из главных причин было отсутствие специалистов, в Кыргызстане, как и в других районах Туркестана, существовала необходимость сохранения не только мировых и окружных судов, но и местных судов казийев и бийев. Очевидно, что все отступления от общей тенденции развития социалистического судостроительства и судопроизводства были временным явлением, своего рода компромиссом с реальным положением вещей. И для того, чтобы исключить эти компромиссы в дальнейшем, необходимо было по мере возможностей менять саму реальность, что, собственно, и происходило. Так, если Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 ноября 1917 года гражданам предоставлялось право обращаться к третейскому суду по всем гражданским делам [371, с. 33]. В Декрете «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», который был издан 18 декабря 1917 года [327, ст. 152], были предусмотрены, помимо материальных, нормы, относящиеся к бракоразводному процессу, в соответствии с которыми дела о разводе могли рассматриваться по настоянию одного или обоих супругов народным судом. 11 марта 1918 года Наркомюстом РСФСР был издан приказ, который предписывал всему судейскому корпусу Туркестанского края незамедлительно начать исполнение Декрета «О расторжении брака», в котором указывалось, в частности, что с момента принятия Декрета «будут признаваться только разводы, совершенные согласно декрету... никакие другие разводы считаться действительными не будут» [371, с. 34].

27 августа 1920 года в «Известиях» было опубликовано Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в котором провозглашалось создание Туркестанской Республики [300], которая, однако, стала автономной частью РСФСР. Таким образом, с принятием Постановления

было положено начало создания современной национальной государственности народов, населяющих Среднюю Азию.

В Кыргызстане, как и в регионе в целом, действовали одновременно нормы гражданского процессуального права, которые принимались соответствующими органами РСФСР и Туркестанской АССР, а также подзаконные акты, принятые местными органами власти.

Активные меры советского государства по форсированному внедрению нового социалистического права в Кыргызстане неизбежно наталкивались на существующую реальность, которая, будучи представленной конкретными субъектами – носителями определенной правовой культуры и традиций, естественным образом оказывала сопротивление либо, в лучшем случае, игнорировала правовые нововведения советской власти. Особенности быта, религиозные воззрения, экономическое состояние коренного населения, веками придерживавшегося примитивных форм хозяйствования [54, с. 48], ментальные его особенности и множество других моментов в совокупности образовывали чрезвычайно сложный и трудно разрешимый комплекс проблем. С.С. Сатыбеков в своей монографии, написанной им в советское время, указывает на то, что «лишь в процессе укрепления советского строя, роста общей культуры и социалистического правосознания трудящихся могло быть создано законодательство, наиболее соответствующее новым общественным отношениям, которое постепенно заменяло собой старые нормы права» [159, с. 55]. Несмотря на характерную для советского времени лексику и общий тон, С.С. Сатыбеков совершенно прав, указывая на такие важные моменты, как укрепление советского строя, рост общей культуры и массового правосознания и новые общественные отношения, которые должны были со временем в результате «большой, кропотливой воспитательной, в том числе правовой работы» переломить ситуацию.

Следует отметить, что советская власть далеко не ограничивалась воспитательной и правовой работой. Располагая мощным репрессивным аппаратом и приспособлявая правовую базу под свои текущие политические

задачи, она активно преобразовывала социальную базу. Мы имеем в виду в данном случае широкую практику советской власти по устранению родовых авторитетов, вплоть до их физической ликвидации, и незначительной богатой прослойки, представленной баями. Отметим, что такая практика не имела катастрофических последствий для кыргызского этноса, поскольку традиционное кыргызское общество с характерной для него низкой производительностью труда отличалось низкой степенью социально-имущественной дифференциации и было представлено главным образом малоимущим сословием, что, к слову сказать, способствовало положительному восприятию основной массы кыргызов коммунистических начал и идей.

Советская власть далеко не ограничивалась репрессивными мерами. Она настойчиво, целенаправленно и весьма эффективно устраняла экономические и социокультурные основы традиционного кыргызского патриархально-феодалного общества, а для этого она в первую очередь стала переводить кыргызов к оседлости. Очевидно, что без осуществления этой важной меры приобщение к новой правовой системе кыргызов существенно затруднялось, если вообще было возможно. Переход к оседлости позволял внедрять новые виды производственной деятельности, а кроме того, начать преобразование родоплеменного сознания, к которому так или иначе привязывалась вся прежняя правовая культура.

Идея о возможности быстрого построения общества всеобщего благоденствия или, другими словами, «светлого будущего» побуждало руководство советского государства форсировать все процессы, в том числе, конечно, правовые, особенно же связанные с вытеснением прежних конкурирующих правовых систем. Так, уже 17 июня 1919 года Совнаркомом Туркестанской Республики было принято Постановление об упразднении казийских судов [368].

Отметим, что вытеснение судов, основывающих свою деятельность на религиозных началах, имело для советского государства и Коммунистической

партии принципиальное значение, поскольку коммунистическая идеология основывалась на атеизме. Хорошо известно крайне негативное отношение К. Маркса к религии, который писал: «Религиозное убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [131, с. 415].

Другими словами, религия должна была быть вытеснена буквально из всех сфер общественной жизни, и в первую очередь в системе права, поскольку сделать это можно было относительно легко и быстро. Уточнение этих обстоятельств важно для нас в связи с тем, что советское государство, во многом благодаря своим жестким, целенаправленным и последовательным мерам, исключило для кыргызского этноса всякую возможность перехода в шариатскую систему права, привив взамен ее современную и прервав, таким образом, эволюционный путь развития традиционного кыргызского права. Уточним, что эволюционный путь развития является не обязательно оптимальным, особенно же в тех случаях, когда этнос в силу тех или иных причин существенно отстает в своем развитии. Очевидно, что уже в XX веке обычное право, которого придерживались кыргызы, было безнадежным архаизмом, не поддающимся модернизации, во всяком случае в современное его состояние.

Попытки Советской власти отменить шариатские и бийские суды уже в 1919 году оказались несколько преждевременными. Акт об упразднении бийских и казийских судов был воспринят мусульманским духовенством, глубоко приверженному к старым порядкам и отношениям, вполне адекватно – как посягательство на религию и прежние порядки. Поэтому часть судов бийев и казийев в Туркестане стала в открытую оппозицию к новой власти, вплоть до восстаний. Само собой разумеется, за этими судами стояло население, не принимавшее новый порядок и новые суды. Учитывая данное обстоятельство и желая избежать нагнетания ситуации, ВЦИК РСФСР

вынужден был внести изменения в Положение 1919 года о едином народном суде. Согласно этим изменениям народные суды стали подразделяться на суды, предназначенные для мусульманской и для русской части населения. Сообразно новому положению кассационная инстанция областного Совета народных судов стала располагать мусульманским и русским отделами [326, ст. 389].

15 августа 1919 года облсовет народных судей ТАССР, в состав которого входило 10 человек, приступил к деятельности, при этом четверо из судей представляли мусульманский отдел, шесть – русский. В общей сложности участковых народных судов согласно штату было: мусульманских – 32, русских – 30 [154, с. 68]. Судопроизводство и судебное делопроизводство в соответствии с Положением о едином народном суде в народных судах, предназначенных для мусульманского населения, должно было вестись на местных языках, при этом мусульманские суды имели возможность и право наряду с декретами советской власти использовать нормы адата и шариатского права, которые, однако, не должны были противоречить советскому законодательству. Русские же суды обязаны были в своей деятельности руководствоваться исключительно декретами, законами советской власти, в случае же их отсутствия – социалистическим правосознанием, как утверждалось в Положении, т.е. упрощенными классовыми принципами и подходами. При этом Положением запрещались в приговорах и решениях ссылки на досоветские законы.

Уступки Советской власти в судебной системе носили вынужденный характер, однако деятельность судов казиев и бийев вплоть до их исчезновения находилась под бдительным контролем советских юридических органов, которые активно проводили политику государства по их искоренению, о чем красноречиво свидетельствует, в частности, резолюция, принятая на первом учредительном съезде Советов Киргизской автономной области, состоявшемся 27–30 марта 1925 года, в которой четко говорилось:

«Усилить надзор за деятельностью казийских судов, ведя линию на полную их ликвидацию» [302, с. 20].

13 октября 1920 года в свет вышел циркуляр за №47, устанавливавший порядок разрешения вопроса о подсудности гражданских и уголовных дел между русскими и мусульманскими судами и ограничивавший действие норм шариатского и обычного права [102]. Циркуляром позволялось при рассмотрении гражданских дел применять нормы шариатского и обычного права только в тех случаях, когда суд располагал согласием обеих тяжущихся сторон, что, несомненно, ослабляло влияние традиционных судов среди коренного населения, поскольку предоставляло возможность стороне, недовольной решением суда, искать удовлетворительного для себя решения через советские суды, которые были куда более благосклонны к бедным слоям населения, чем к любым другим. Социальный подход при решении дел, превалировавший над принципом чистой справедливости, способствовал значительной популяризации советских судов среди бедноты, которая значительно преобладала среди местного населения.

Народный судья 1-го участка Ошского уезда 23 августа 1919 года писал в своей докладной записке следующее: «Из сравнительно короткой практики суда все же ясно усматривается, что популярность народного суда среди мусульманского населения очень большая... в последние три месяца суд решил больше десятка бракоразводных мусульманских дел» [358].

Тенденция усиления популярности народных судов была характерна для всей Ферганской области, о чем свидетельствует, в частности, докладная записка от 18 декабря 1919 года о деятельности судебных учреждений Ферганской области, в которой указывается, что «несмотря на ряд трудностей, уже теперь массы видят в суде гарантию и защиту своих прав» [363]. К началу 1920 года мусульманские суды, использовавшие в своей деятельности нормы обычного и мусульманского права, составляли около половины всех судебных органов в районах, населенных кыргызами [359]. При этом на судах должны были присутствовать народные заседатели, а делопроизводство должно было

вестись по советскому образцу, что, однако, не изменяло содержательную сторону шариатских судов, деятельность которых опиралась на мусульманских традициях и ценностях и осуществлялась народными судьями, избранных, как правило, из числа бывших же казийев и бийев.

Сохранению судов казийев и бийев способствовали, как и в царское время, острая нехватка квалифицированных, обладавших достаточным опытом и знанием местных кадров, способных осуществлять на должном уровне свою деятельность в новых судебных органах, а также необходимых материальных и финансовых ресурсов для нормальной работы судов и других органов юстиции, а кроме того, обычный бюрократизм, который в советское время только усилился. В таких условиях кыргызы, нуждавшиеся в судебной защите, зачастую вынуждены были, как и прежде, обращаться в частном порядке к наиболее авторитетным лицам родов, каковыми могли быть айльные аксакалы, бывшие либо действующие бийи или, наконец, так называемым аткаминеры¹, которые, получив заявление или жалобу от потерпевшей стороны, в соответствии с обычаями приглашали сведущих лиц, происходивших, как правило, из незначительных незаинтересованных родов, и затем осуществляли проверку заявления, расспрашивая заинтересованные стороны. После проведения всех необходимых действий они выносили на их основе решение, которое, однако, могло быть исполнено только при условии наличия согласия обеих сторон с предложенным решением. При отсутствии же согласия решение не имело никакой силы, и истец оставался фактически ни с чем.

Необходимость считаться с текущей, а не желательной реальностью, привела, в конце концов, к тому, что 6 мая 1922 года Правительством Туркестанской АССР был издан декрет, который легализовал бийские и казийские суды во всем региона. В Ферганской долине для оседлого мусульманского населения были учреждены суды казийев и суды бийев, соответственно, для кочевого, которым были подсудны гражданские,

¹Аткаминеры – знатные старейшины.

бракоразводные и наследственные дела с суммой, не превышающей ла 500 рублей, а также земельные споры, в которых объект спора не превышал 15 танапов (15 квадратных метров) [221, с. 129].

Казийи были правомочны рассматривать подсудные им дела лишь при наличии заявления сторон, составленном в письменном виде и содержащего их согласие судиться по нормам шариата. При отсутствии же согласия одной из сторон вопрос о подсудности решался особой комиссией, состоящей из трех человек, – по одному представителю от съезда казийев, местного исполкома и областного исполкома. На практике такие дела стали передаваться в народный суд, что впоследствии было узаконено [367].

Одну из самых сложных и одновременно деликатных групп проблем образовывали вопросы, затрагивающие брачно-семейные отношения, поскольку именно в этой сфере с особой силой сказывалось различие культур – исконной и прививаемой, внедряемой, и это различие, естественно, не могло быть преодолено быстро и безболезненно.

Декрет Совнаркома РСФСР «О расторжении брака» от 12 декабря 1917 года не принимался к сведенью, как судьями, так и заседателями из коренного населения, поскольку воспринимался ими как чуждый их исконному укладу жизни и ценностям. Для более успешной и быстрой реализации Декрета НКЮ Туркестанской республики издал приказ, в котором в категорической форме утверждалось, что впредь должны признаваться только те разводы, которые совершены в соответствии с Декретом, а все остальные «считаться действительными не будут» [140]. Однако шариатский суд, понятно, продолжал разводить по шариатским правилам, а не в соответствии с требованиями Декрета. Дело в том, что даже если бы судьи подчинились бы требованиям Декрета, то разведенная женщина вследствие сильных религиозных настроений и чувств в традиционном обществе хотя бы и получила развод, но не могла бы выйти замуж во второй раз, поскольку брак мог состояться только с благословения имама или муллы, которые отказывали в совершении обряда бракосочетания, если не предоставлялось свидетельство

о разводе, совершенного по шариатским правилам. Не говоря уже о том, что традиционное общество, характеризуемое высокой степенью взаимозависимости его членов, весьма негативно относилось к разводам как таковым. Законы же советской власти о семье и браке, принятые после Октябрьской революции, были направлены на эмансипацию женщин, создание семьи на новых социалистических началах, предполагавших юридическое и экономическое равенство женщин с мужчинами. Таким образом, свобода вступить в брак, как и свобода расторгнуть его, стали основополагающими принципами семейного и гражданского процессуального права СССР [329, ст. 818].

Шариат, четко отражавший правила и ценности традиционного общества, не только не поощрял разводы, но и всячески препятствовал им, и в результате супруга в соответствии с нормами шариата была вправе обратиться в суд с иском о расторжении брака только в строго оговоренных шариатом случаях, а именно при наличии у мужа физических недостатков, невыполнении им своих супружеских обязанностей, жестоком обращении с супругой или непредставлении им средств на ее содержание и ее детей [172, с. 21].

Однако на практике все чаще стали наблюдаться случаи, когда народные суды расторгали брак, используя для этого нормы Кодекса законов об актах гражданского состояния и отвергая при этом попытки и просьбы хотя бы одной из сторон применить в процессе нормы шариата. Примером этому может служить, в частности, решение, которое было вынесено народным судом Токмакского судебного района 18 марта 1920 года, о расторжении брака гражданина Х. Шмарова, осуществленного по заявлению его супруги. В кассационном заявлении, подано Х. Шмаровым в Семиреченский областной совет народных судей, настаивал на том, чтобы было отменено решение народного суда и разбор его дела был возобновлен, но уже по нормам шариата. В ответ совет народных судей оставил в силе прежнее решение народного суда, мотивируя свое решение тем, что ссылка жалобщика на то, что по шариатским правилам для расторжения брака недостаточно желания одного

из супругов, другие же доводы не заслуживают внимания, поскольку в данном конкретном случае положения шариата входили в противоречие с декретами рабоче-крестьянского правительства [364]. А такие случаи не носили единичный характер. Такое положение вещей было, на наш взгляд, естественным и даже неизбежным в условиях переходного периода, когда новая правовая система только утверждалась и сама находилась на стадии активного формирования.

Сказывались к тому же все трудности реорганизационного периода. Право назначения судебных работников было передано облисполкомам, которые использовали его, как правило, с недостаточным пониманием той важной роли, которую играли в жизни общества и народные судьи, и они сами. Некомпетентность облисполкомов приводила к тому, что должности судей часто назначали лиц, не только совершенно неподготовленных для исполнения обязанностей судьи, но и просто неграмотных.

Значительный дефицит работников на местах, способных профессионально выполнять свои обязанности, в том числе судей, объяснялся помимо прочего еще и слабым материальным их обеспечением. Ставка, установленная для народных судей, позволяла им, как это следует из архивных материалов, приобрести два пуда пшеницы, да и то при условии своевременной выдачи им жалованья, но так как судьи получали деньги, как правило, с задержкой в три-шесть месяцев и без учета инфляции, то зачастую на свое месячное жалованье он был не в состоянии купить даже одного пуда пшеницы [369]. Отсутствие средств к существованию заставляла судей заниматься делами, которые не входили в сферу их компетенции, а именно земледелием, спекулятивными операциями и т.д. Среди судей была достаточно распространена практика извлечения доходов из самой должности, чему в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что предшественники народных судей – казийи и бийи, не получая содержания от государства, брали в качестве вознаграждения за оказываемые ими услуги, а также за печать – моор (или мухрана) и бийлик – установленный процент. В

результате простой люд, который в течение веков так привык к такому рода поборам, нес их народным судьям, в которых он видел своеобразную замену казийев и бийев. Другими словами, в результате длительной судебной практики в народном сознании до такой степени укоренилась форма оплаты судебных услуг, что она сохранялась в новых условиях и воспринималась в народной среде не как мздоимство, а именно как форма оплаты или в лучшем случае как благодарность за оказанную услугу. Отметим, что данное обстоятельство можно расценивать и как своеобразный культурный феномен, который в новых условиях сразу же перешел в разряд архаизмов.

В условиях длительного тяжелого материального положения взяточничество среди народных судей приняло, в систематический характер, о чем свидетельствует, в частности, докладная записка НКЮ по вопросу «О деятельности Народного Комиссариата Юстиции Туркестанской республики и его подведомственных органов за время Октябрьской революции», в которой констатировалось следующее: «Один председатель исполкома заявлял, что, когда поступает много жалоб на взяточничество судьи, тогда исполком заменяет его другим, чтобы и с тем повторилась та же история; люди честные, не имевшие подсобного ремесла, не могли долго оставаться на должности народной судьи. Наблюдались случаи кормления от суда не только судей, но с ведома их и судей-заседателей» [369].

Снижению эффективности работы и без того малоэффективных народных судов способствовало также отсутствие института судебных исполнителей. В докладе председателя Совета народных судей, сделанным им 18 декабря 1919 года и посвященном состоянию и деятельности судебных учреждений, работавших в Ферганской области, отмечалось, в частности, что незначительное число гражданских дел, которые поступали в народные суды, было обусловлено отсутствием судебных исполнителей. На момент, когда писался доклад, судебные исполнители в Ферганской области практически отсутствовали и осуществление судебных решений было возложено на органы милиции [357].

Очевидно, что было не только целесообразно, но и совершенно необходимо восстановить институт судебных исполнителей. Однако только в 1922 году было разработано Временное положение о судебных исполнителях [365], в соответствии с которым судебные исполнители должны были в своей деятельности руководствоваться данным Положением, а также инструкцией к нему, декретами и распоряжениями рабоче-крестьянского правительства и разъяснениями Наркомюста и совета народных судей.

В ст. 10 Положения было предусмотрено право заинтересованных лиц обжаловать в течение недели неправильные, по их мнению, действия судебных исполнителей в суде, выдавшему исполнительный лист. Жалобы на их действия в порядке надзора могли быть предоставлены в президиум совета народных судей [356], что должно было стать своего рода гарантией в своевременности и правильности защиты прав граждан и организаций, а также в укреплении законности в системе исполнительного производства.

Следующим шагом в развитии и упорядочения гражданско-процессуального законодательства стало принятие постановлением ВЦИК в 1923 году Гражданско-процессуального кодекса РСФСР (принят 7 июля 1923 года второй сессией ВЦИК десятого созыва) [355], введенного в действие на территории Туркестана 1 сентября 1923 года специальным постановлением Туркестанского ЦИКа от 23 августа 1923 года [354]. Данный кодекс, обобщавший весь предшествующий законотворческий опыт, для Кыргызстана и других советских республик стал основой для дальнейшего развития их гражданско-процессуальных законодательств, в которых были:

- в значительной степени систематизированы разрозненные ранее процессуальные нормы, созданы соответствующие кодифицированные акты;
- законодательно закреплены такие важные принципы, как гласность судопроизводства, непрерывность судебного разбирательства, участие в суде обвинителей и защитников, свободная оценка доказательств судьями по их внутреннему убеждению и др.;

– созданы законодательные условия для учета местных особенностей в процессе судопроизводства и закрепления их в законе; в первую очередь это относится к положению о том, что «производство ведется на языке населения данной местности» [376].

ГПК РСФСР, вобрав в себя все наиболее рациональные моменты из предшествующего процессуального законодательства, предусматривал достаточно много новых положений, сыграл значительную роль в реализации правосудия по гражданским делам, а также в деле развития и совершенствования гражданского процессуального права Кыргызстана.

В период гражданской войны в молодом советском государстве вследствие резкого сокращения хозяйственного оборота, обусловленного гражданской войной и политикой «военного коммунизма», значительно сократилось количество гражданско-правовых споров, среди которых были и те, что возникали в области земельных правоотношений. Но возникли и новые гражданские дела, обусловленные характером новых гражданских правоотношений, которые были порождены главным образом за счет активного внедрения нового быта и культуры.

В октябре 1924 года в Центральной Азии было проведено национально-государственное размежевание, в результате которого были образованы Узбекская и Туркменская союзные республики, а также Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Калпакская и Кара-Киргизская автономные области в составе РСФСР [290, с. 238–239].

Образование Кара-Киргизской автономной области было для кыргызского народа событием воистину исторического значения. Впервые в пределах одной территории, получившей статус автономной области, были объединены в единое целое территории, населенные кыргызами, и таким образом рассредоточенный по отдельным областям и территориям Туркестанской АССР кыргызский этнос, все еще не преодолевший родоплеменной разобщенности, по сути, впервые за всю свою долгую историю получил реальную возможность консолидироваться в единое целое.

Были заложены основы для государственности кыргызского народа, основывавшейся на принципиально иных началах, чем это было ранее. В исторически кратчайшее время в Кыргызстане была создана система органов государственной власти, которая основывала свою деятельность на новой правовой базе.

Государственный патернализм, характерный для советской политической и социально-экономической системы, выражался не только в стремлении государства установить тотальный контроль за всеми сферами общественной и частной жизни, но и в постоянной опеке и покровительстве достаточно большой части общества, обозначенной в официальной идеологии термином «трудящиеся». Не следует забывать о том, что советское государство было государством социального типа, что приводило, в частности, к тому, что советское законодательство, определяя цели судопроизводства, делало упор на то, что принуждение и воспитание были, по мнению законодателей и идеологов системы, тесно взаимосвязанными сторонами деятельности суда. Как писал один из видных политических и государственных деятелей рассматриваемого нами периода Н.В. Крыленко, «нет и не может быть, такого положения, чтобы суд, как определенный общественный институт, представлял собой одновременно два отдельно действующих различных института: один – карательный, а другой – воспитательный» [118, с. 21].

Таким образом, достаточно специфические методы принуждения граждан, применяемые органами правосудия, одновременно должны были, по мнению создателей советской политической и правовой системы, выполнять воспитательную функцию и играть значительную роль в формировании новой правовой культуры, росте правосознания населения страны. И хотя эти задачи не были выполнены в достаточной мере, ошибочно утверждать, что деятельность государства в этом направлении была безрезультатной. На наш взгляд, результаты, несмотря ни на что, были значительными, хотя и не привели к ожидаемому.

Практически на всем протяжении советского периода истории Кыргызстана существовала проблема профессиональной подготовки судебных работников и укомплектованности судебных органов высококвалифицированными, компетентными лицами. Однако недостаток квалифицированных судебных работников по понятным причинам ощущался особенно остро именно в самом начале формирования современной судебной системы (по данным архивных материалов, из 65 ответственных судебных работников области всего четверо имели высшее юридическое образование) [347], многие судьи не имели элементарной юридической подготовки [296, с. 129–139], что стало одной из главных причин того, что в судах скопилось большое количество нерассмотренных гражданских дел и часто нарушались важнейшие требования процессуального законодательства.

Выражением дальнейшего развития советского суда стало расширение подсудности дел, подлежащих рассмотрению народными судами. С другой стороны, оно стало причиной значительного увеличения количества дел, которые поступали в народные суды, что наряду с уже указанными обстоятельствами существенно затруднило и усложнило их деятельность. Многие дела рассматривались неоправданно долго, а то и часто откладывались вследствие неудовлетворительной их подготовки к слушанию. Так, в ряде районов Кыргызстана количество отложенных дел в процентном отношении достигало 40–50% [340], при этом были случаи, когда отдельные дела были отложены до 10 раз [344]. В тех же случаях, когда осуществлялись те или иные подготовительные меры, они, как правило, совершались, после того, как дело назначалось к слушанию и перед рассмотрением его по существу. Такой порядок установлен был решением Пленума Главного суда Киргизской АССР (1 февраля 1926 г. Кара-Киргизская АО была преобразована в Киргизскую АССР), состоявшегося 27–29 декабря 1927 года, в котором указывалось, в частности, что дела «должны быть назначены к слушанию немедленно после их поступления... Все подготовительные работы к судебному заседанию производить накануне» [343]. Одной из главных причин принятия такого

решения было то, что в Гражданско-процессуальном кодексе РСФСР к этому времени существовала норма, которая предписывала проведение подготовительных мер перед тем гражданское дело поступало к судебному разбирательству.

С целью улучшения качества работы судов и соблюдения сроков разрешения гражданских дел в 1929 году ст. 80 ГПК РСФСР была заменена ст.ст. 80, 80а, 80б, 80в о подготовке дела к слушанию [330, ст. 851]. Данная мера была весьма своевременна, но, как это часто бывает в жизни, улучшение законодательства само по себе не привело к тому, что гражданско-правовые споры стали решаться своевременно и правильно. Реализация предписаний норм, содержащихся в ГПК РСФСР, в достаточно специфичных условиях Кыргызстана постоянно наталкивалась на трудности, обусловленные низкой, недостаточной квалификацией юридических кадров. Однако трудности этим далеко не ограничивались. Одной из главных причин того, что разбирательство гражданских дел часто и многократно откладывалось, было, как об этом свидетельствуют архивные материалы, несвоевременное вручение заинтересованным лицам повесток о вызове их в суд, что зачастую объяснялось значительной –100 км и более – отдаленностью от судебного участка места жительства вызываемых наряду с отсутствием необходимых средств связи и транспорта [345]. Проблемы, обусловленные чрезвычайной неразвитостью транспортной инфраструктуры республики, усугублялись организационной и дисциплинарной слабостью судов, что мы также вправе оценивать как проявление определенных культурных особенностей кыргызского народа, свойственных ему на рассматриваемый нами период. Суды, отложив разбирательство дел, при этом не назначали, как правило, нового срока слушания и не ставили в известность об этом лиц, прибывших в суд. На данные недочеты в работе народных судов, связанных с невыполнением требований, содержащихся в ст. 107 ГКП РСФСР, не раз указывали суды более высоких инстанций [345], но, судя по всему, безрезультатно. Многократное откладывание приводило в конце концов к

прекращению откладываемых дел, что практически означало неосуществление судебной защиты лиц, вовлеченных в разбирательство, которые часто после того, как они затратили много времени вследствие неоднократного откладывания судебного заседания, вынуждены были подавать заявление о прекращении их дела [346]. Очевидно, что для преодоления указанных трудностей и недочетов требовался комплекс мер не только правового, но и социально-экономического и культурно-воспитательного характера. Требовалось также много времени и средств, значительную часть которых в дальнейшем предоставил центр.

Будучи социально ориентированным, советское государство уделяло много внимания защите трудовых прав граждан, что нашло свое отражение в ряде новелл, внесенных в ГПК РСФСР. Так, с целью недопущения волокиты, создававшейся по причине неоднократных откладываний слушания дел по трудовым спорам, законом, а именно ст. 53а, устанавливался сокращенный – пятидневный – срок рассмотрения таких дел. Было также внесено дополнение к ст. 172, в соответствии с которым народному суду предоставлялось право рассмотрения исков, связанных с восстановлением на работу работников предприятий, учреждений и организаций, которые были неправильно уволены, а также право привлекать с целью компенсации за вынужденный прогул к оплате должностных лиц, которые произвели неправильное увольнение, и возлагать на них обязанность по возмещению предприятию, организации убытков, которые были причинены выплатой компенсации работнику, который был подвергнут неправильному увольнению. Кроме того, для того чтобы избежать волокиты и устранить излишний формализм, в ГПК было внесено изменение, согласно которому суду кассационной инстанции было предоставлено право вынесения нового решения по трудовым делам. Однако новое решение могло быть принято только в том случае, если та сторона дела, которая была связана с фактами, характеризовалась такой степенью очевидности, что уже не требовалось приводить дополнительных доказательств. Следует сказать, в данной связи, что вышеуказанные новеллы,

связанные с рассмотрением и разрешением споров, которые возникали в сфере трудовых правоотношений и выходили за пределы общих правил судопроизводства¹, тем не менее, имели серьезное значение для того, чтобы сэкономить время и средства, устранить волокиту в работе судов и усилить гарантии по защите и восстановлению нарушенных трудовых интересов и прав граждан.

Следует перечислить процессуальные нарушения, характерные для деятельности народных судов Кыргызстана при рассмотрении ими гражданских дел в анализируемый нами период; они заключались:

1) в прекращении дел вследствие неявки обеих или одной из сторон тяжбы, при непринятии судами надлежащих мер по обеспечению их явки;

2) в частом приостановлении производства дел без достаточных на это оснований;

3) в достаточно широкой практике принятия исковых заявлений и назначения дел к слушанию делопроизводителями или секретарями суда;

4) в частом приостановлении и прекращении производства дел единолично народными судьями;

5) в незнании некоторыми судами и неспособности их различать институт кассационного обжалования от обеспечения иска и приостановления дела производством [339];

6) в привлечении в некоторых случаях в качестве народных заседателей лиц, которые не были избраны в порядке, установленном законом [341];

7) в принятии судами решений, в которых не всегда содержались ссылки на те законы, которыми руководствовались судьи при вынесения решения, и резолютивная часть которых прямо противоречила описательной их части,

¹Эти дополнения и изменения, внесенные в ГПК в ту пору, оказались настолько своевременными, важными и жизненными, что, по существу, в неизменном виде нашли закрепление и в соответствующих нормах ныне действующего ГПК Кыргызской Республики и других союзных республик. Что же касается необходимости проведения подготовительных действий и полномочий суда кассационной инстанции выносить новое решение при проверке законности и обоснованности только по трудовым делам, то по действующему ГПК это положение было распространено на все категории гражданских дел без исключения (см. ст.ст. 142–144, п. 4 ст. 308).

когда наблюдались случаи составления секретарями судов решений, которые в дальнейшем лишь подписывались председательствующими судами;

8) в составлении протоколов судебного заседания не по всем делам; но даже если они и составлялись, то часто в них не отмечалось, в силу каких обстоятельств сторона настаивает на том, чтобы допустили в суд необходимого свидетеля или приобщили вещественные и письменные доказательства, не были приведены мотивы, по которым подавались различные ходатайства, и т.д.

Перечисленные процессуальные нарушения способствовали значительному повышению процента отменяемых судебных постановлений и вследствие этого создавали волокиту в гражданском судопроизводстве. Как следует из архивных материалов, 1928 году в Киргизской АССР было рассмотрено 236 гражданских дел, 185 из были отменены или по ним было изменено решение, и уровень отмены, таким образом, составил 78,4% [366].

Некоторые изменения претерпели и нормы, которые регулировали пересмотр судебных решений в порядке надзора. Судебный надзор в соответствии с ГПК РСФСР 1923 года носил централизованный характер и был и сконцентрирован в Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, которой в письме, направленном ею 27 января 1930 года, было предложено председателю Главного Суда Киргизской АССР впредь направлять гражданские дела в Верховный Суд РСФСР для рассмотрения их в порядке надзора [342], что в дальнейшем имело как положительные, так и отрицательные последствия, последние при этом сводились главным образом к тому, что ограничился доступ и возможность прямого участия заинтересованных лиц в процессе, заметно был затруднен сбор и доставка в суд необходимого фактического и доказательного материала, и, как результат всего этого, было затруднено выяснение с необходимой достоверностью действительных правоотношений сторон. Все эти негативные последствия наряду с огромным расстоянием между центром и периферией, приводившему к заметному удорожанию и затягиванию судопроизводства в целом, вынудили

законодателя внести соответствующие изменения в ГПК, и в результате судебный надзор подвергся децентрализации, а право пересматривать решения, вступившие в законную силу, было предоставлено коллегиям по гражданским делам краевых (главных, областных) и верховных судов республик, в связи с чем постановлениями 52-го Пленума Верховного Суда были введены новые положения. К примеру, пересмотр гражданских дел в порядке надзора впредь должен был происходить публично, в режиме открытого судебного заседания, с вызовом сторон, которые были наделены правом ознакомления с материалами дела и представления своих письменных объяснений.

Стабильно возрастающее количество поступавших в суды гражданских дел и необходимость улучшения качества работы судов требовали коренным образом улучшить исполнительное производство в судах как одной из важнейших стадий гражданского судопроизводства. 10 ноября 1927 года Президиумом ЦИК Киргизской АССР было принято постановление, в котором отмечалось недостаточно быстрое и четкое исполнение судебных решений, в связи с чем Наркомюст Республики было возложено обязанность принятия мер, направленных на улучшение деятельности судебных исполнителей, а кроме того, создание условий, при которых руководители учреждений и предприятий не допускали затяжек по принятию мер по исполнительным листам, особенно по делам, связанным с трудовыми спорами, в случаях, когда на сметы предприятий и учреждений судебно-исполнительными органами налагался арест. Наркомюсту было предложено ввести практику привлечения руководителей предприятий и учреждений за несвоевременное исполнение ими судебных решений к дисциплинарной ответственности [338].

Основываясь на данном постановлении, Народный комиссариат юстиции и Главный Суд Киргизской АССР приняли ряд мер, направленных на улучшение исполнительного производства. Но в Киргизской АССР, как это следует из материалов архивов, в деятельности, направленной на

укомплектование штатов судебных исполнителей, и повышение качества исполнения судебных решений еще достаточно долгое время допускались серьезные нарушения и недостатки. Так, в октябре 1934 года НКЮ совместно с Верховным Судом РСФСР в своем обращении ко всем народным судам и судебным исполнителям Киргизской АССР отметили неудовлетворительную деятельность судебных исполнителей в г. Фрунзе, где из 1126 дел было исполнено всего 762.

28 октября 1935 года вышло Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе» [312, с. 232], в котором содержалось предписание судам по гражданским делам своевременно, точно и строго исполнять все требования Гражданского процессуального кодекса и в первую очередь нормы, обеспечивающие права сторон в процессе рассмотрения дел. Помимо этого, в Постановлении кассационной инстанции вменялось осуществление проверки того, что с необходимой ли полнотой судом первой инстанции были установлены все важные обстоятельства дела, и если фактическая сторона дела обследована недостаточно, дело предписывалось возвратить в суд первой инстанции с целью его доследования и точно указать, что конкретно необходимо доследовать. Кассационной инстанцией Постановлением вменялась также осуществление проверки правильности и логичности вывода, сделанного судом из установленных им фактов, и правильность применения закона. Суд высшей инстанции при рассмотрении им дела в кассационно-реvisionsном порядке, с опорой на факты, точно установленные судом первой инстанции, наделялся правом отмены решения с передачей дела на новое рассмотрение либо прекращения дела производством (согласно п. «б» ст. 246 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК союзных республик) или, наконец, изменения решения без передачи дела на новое рассмотрение. Однако Постановлением предусматривалось, что суд высшей инстанции был лишен права под видом изменения решения вынесения новых решений по

обстоятельствам, которые не подвергались проверке и не были обсуждены судом первой инстанции» [312, с. 189].

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР было введено, наконец, четкое и строгое разграничение функций кассационной инстанции и суда первой инстанции. В соответствии с данным разграничением суд первой инстанции, основываясь на доказательствах, должен был устанавливать факты, делать на их основе логические выводы и применять к ним закон, кассационная же инстанция на основе материалов дела, собранных судом первой инстанции, должна была проверять правильность установления судом первой инстанции фактов и правильность выводов, сделанных им, из установленных фактов и, наконец, правильно ли был применен закон. Свои выводы суд после рассмотрения дела в кассационном порядке должен был делать с опорой на факты, «точно установленные судом первой инстанции». Таким образом, кассационная инстанция не устанавливала фактов, оставаясь всегда исключительно проверяющим, контролирующим органом.

Итак, подведем выводы к данному параграфу.

1. Формирование основ современной судебной системы в Кыргызстане фактически началось в советское время, которое, несмотря на все свои противоречия, подчас значительные издержки и негативные моменты, для кыргызского народа имело множество позитивных изменений, которые в совокупности имели для него без преувеличения колоссальные последствия, связанные со значительными цивилизационными преобразованиями в культуре кыргызов.

2. Устранение Советской властью всех своих оппонентов самыми жесткими методами, концентрация в руках государства огромной власти открыли перед ним возможности, которыми в свое время не располагал царизм. Это в полной мере относилось к правовым институтам. Новое, быстро формирующееся советское право в условиях тоталитаризма и мощной государственной поддержки стало активно внедряться на всей территории огромного государства. При этом Советская власть не ограничивалась

репрессивными мерами. Она настойчиво, целенаправленно и эффективно устраняла экономические и социокультурные основы традиционного кыргызского патриархально-феодалного общества, переводя кыргызов в состояние оседлости. Переход к оседлости позволял внедрять новые виды производственной деятельности, а кроме того, начать преобразование родоплеменного сознания, к которому так или иначе привязывалась вся прежняя правовая культура.

3. Одним из важнейших результатов процесса перехода кыргызов к оседлости стало образование в 1924 году Кара-Киргизской автономной области. В первый раз в истории кыргызского народа в пределах единой автономной области были объединены в единое целое территории, населенные кыргызами, и таким образом кыргызский народ, все еще не преодолевший родоплеменной разобщенности, по сути, впервые за всю свою долгую историю получил реальную возможность консолидироваться в единое целое. Были заложены основы для государственности кыргызского народа, основывавшейся на принципиально иных началах, чем это было ранее. В исторически кратчайшее время в Кыргызстане была создана система органов государственной власти, которая основывала свою деятельность на новой правовой базе.

4. Активные меры советского государства по форсированному внедрению нового социалистического права в Кыргызстане неизбежно наталкивались на существующую реальность, которая, будучи представленной конкретными субъектами – носителями определенной правовой культуры и традиций, естественным образом оказывала сопротивление либо, в лучшем случае, игнорировала правовые нововведения советской власти. Особенности быта, религиозные воззрения, экономическое состояние коренного населения, веками придерживавшегося примитивных форм хозяйствования, ментальные его особенности и множество других моментов в совокупности образовывали чрезвычайно сложный и трудно разрешимый комплекс проблем.

5. Реформа суда и судопроизводства в Кыргызстане не могла быть осуществлена сразу же, в течение нескольких лет. По ряду причин, среди которых одной из главных причин было отсутствие специалистов, в Кыргызстане, как и в других районах Туркестана, существовала необходимость сохранения не только мировых и окружных судов, но и местных судов казийев и бийев. Все отступления от общей тенденции развития социалистического судостроения и судопроизводства были временным явлением, своего рода компромиссом с реальным положением вещей. И для того, чтобы исключить эти компромиссы в дальнейшем, необходимо было по мере возможностей менять саму реальность, что, собственно, и происходило.

6. Практически на всем протяжении советского периода истории Кыргызстана существовала проблема профессиональной подготовки судебных работников и укомплектованности судебных органов высококвалифицированными, компетентными лицами. Недостаток квалифицированных судебных работников по понятным причинам ощущался особенно остро в самом начале формирования современной судебной системы. Важным шагом в развитии и упорядочения гражданско-процессуального законодательства стало принятие постановлением ВЦИК в 1923 году Гражданско-процессуального кодекса РСФСР, введенного в действие с 1 сентября 1923 года на всей территории Туркестана. Данный кодекс, вобрав в себя все наиболее рациональные моменты из предшествующего процессуального законодательства, сыграл в дальнейшем значительную роль в реализации правосудия по гражданским делам, а также в деле развития и оптимизации гражданского процессуального права Кыргызстана, став его основой.

3.2. Гражданское судопроизводство в Кыргызстане в период с 1936 по 1965 гг.

На VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов, состоявшемся 5 декабря 1936 года, была утверждена Конституция СССР [220, с. 211], имевшая поистине историческое значение для кыргызского народа. В числе 11 советских социалистических республик, образовывавших СССР, была и Кыргызская Советская Социалистическая Республика, преобразование которой из Кыргызской АССР в союзную республику было законодательно провозглашено и закреплено в новой Конституции СССР, которая стала правовой основой для разработки и принятия Конституции Кыргызской ССР от 23 марта 1937 года (утверждена V съездом Советов Кыргызской ССР) [309]. Очевидно, что данный факт, имея в виду тоталитарную природу советского государства, носит парадоксальный характер. Данное исследование носит юридический, а не политологический характер и направленность. Однако, как мы утверждали в предшествующих разделах нашей работы, понять правовые процессы в Советском Союзе вне их связи с политическими и общекультурными процессами в стране не представляется возможным уже потому, что политическая компонента не только превалировала над правовой, но и определяла характер и направление развития последней.

1936 году, политическое руководство страны составило новую Конституцию, в которой, с одной стороны, юридически закреплялось образование новых республик, а с другой – расширялись их права и свободы? Учитывая профиль и характер данного исследования, мы не будем пытаться дать исчерпывающий ответ на поставленные нами же вопросы. Однако мы находим нужным дать общее объяснение. Итак, к этому времени политическое руководство СССР практически устранило всех своих оппонентов, что наряду с наличием у государства мощного репрессивного аппарата, одной монолитной партии исключало всякую возможность организованного выступления против советской власти в том виде, в каком она существовала на тот момент. Кроме того, во всех советских республиках были проведены

масштабные социальные чистки, оставшаяся же часть населения попала в разряд благонадежных. Немаловажную роль в принятии новой Конституции сыграло, как нам представляется, то обстоятельство, что у руководства страны, как, очевидно, и у всей коммунистической партии, существовало утопическое убеждение, вера, заблуждение относительно возможности быстрого построения «светлого будущего», создания в кратчайшие исторические сроки многомерного и беспредельного изобилия, общества и государства всеобщего благоденствия, выйти из состава которого было бы не только нецелесообразно, но и практически невозможно, поскольку такой выход противоречил бы человеческому естеству. И, наконец, не следует снимать со счетов то обстоятельство, что большевики во главе с В.И. Лениным пришли к власти под лозунгом и политическим принципом права наций на самоопределение. И справедливости ради надо сказать, что данный принцип партия большевиков, преобразованная в дальнейшем в КПСС, пыталась по мере возможностей и достаточно своеобразно воплотить в реальность. Своеобразие заключалось в том, что руководство Советского Союза, с одной стороны, внутренне противилось как ослаблению государства, так и его распаду, а с другой – по мере усиления процесса демократизации в стране, который неизбежно происходил по мере роста материального благосостояния населения, расширяло права союзных республик, обеспечивая данный процесс не только соответствующей юридической базой, но и создавая для этого необходимую полноценную инфраструктуру и кадровую основу, став таким образом своего рода заложником провозглашенного большевиками на заре советской власти принципа наций на самоопределение. Идеи, как утверждал сам основатель Советского государства В.И. Ленин, становятся материальной силой, когда овладевают массами. Одной из таких идей стала, в конце концов, идея о национальном самоопределении, если и не развалившая Советский Союз, то во всяком случае весьма поспособствовавшая этому. Но это, как известно, произошло не сразу. До этого СССР пройдет ряд эволюций, в том числе, конечно, правовых.

Сделав необходимые предварительные разъяснения, которые, с одной стороны, в целом могут дать представление о характере правовых процессов в Кыргызстане и направлении их эволюции, а с другой – объяснить и тем самым снять формальные противоречия, неизбежно возникавшие в деятельности Советского государства, а также объяснить причины разрывов между его декларируемыми принципами и реальными делами, действительными и мнимыми достижениями.

Итак, Конституция СССР 1936 года, формально закрепив преобразование Киргизской АССР в одну из союзных республик, стала правовой основой для разработки и принятия ею самостоятельной Конституции Киргизской ССР, которая в окончательной редакции будет принята 23 марта 1937 года на V Чрезвычайном съезде Советов Киргизской ССР [302, с. 257]. В Конституции в законодательном порядке были закреплены основные принципы организации и деятельности судебных органов, а также судопроизводства. Еще на стадии проекта Конституции комиссией, занимавшейся ее разработкой, была дана рекомендация сформулировать ст. 77, уточнявшей отношение к органам, осуществляющим суд, следующим образом: «Правосудие в Киргизской ССР осуществляется Верховным Судом Киргизской ССР, народными судами, а также специальными судами Союза ССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР» [159, с. 110]. Сформулированная таким образом, статья должна была подчеркнуть, что правосудие в новообразованной республике должно было осуществляться в первую очередь и главным образом ее судебными органами. Возникает вопрос, в какой мере это соответствовало действительности, или, другими словами, насколько совпадали намерения государства в лице Москвы с реальным положением вещей в республике? Мы полагаем, что с формальной точки зрения противоречия отсутствовали. Россия, сохранившая за собой роль метрополии по отношению своей периферии и после Октябрьской революции 1917 года, начала свою национальную политику с издания «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г., в которой были изложены основы национальной

политики нового государства и провозглашено право наций на самоопределение [240, с. 366]. Затем, в 1918 году на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой излагался план построения социалистического многонационального государства на принципах федерации [240, с. 367]. Образование в 1936 году Киргизской ССР наряду с другими союзными республиками было логическим продолжением политики, провозглашенной Советским правительством в первые месяцы его существования. Поэтому, говоря о том, что правосудие в Киргизской ССР в соответствии с республиканской Конституцией должно было осуществляться в первую очередь и главным образом ее судебными органами, мы утверждаем, что с формальной точки зрения противоречия здесь отсутствовали. Москва действительно предоставляла Киргизской ССР такую возможность и право. Однако до этого ею были проведены предварительные меры. Коснемся их более подробным образом.

Правосудие в Кыргызстане, как и везде в Советском Союзе, осуществлялось с опорой на идеологию, которой, как известно, в тоталитарных государствах отводится роль, далеко выходящая за пределы просто идеологии, в условиях тоталитаризма она, по сути, является эффективным политическим инструментом, который превалирует по своему значению и эффективности над всеми прочими, в том числе правовыми. К 1936 году в Советском Союзе были, как мы уже указывали, устранены все классы, социальные слои и группы, способные реально оппонировать государственной власти и Коммунистической партии, узурпировавшей эту власть. В этой связи следует указать на то, что после преобразования в 1936 году Киргизской АССР в республику со статусом, равным статусу РСФСР, была образована Коммунистическая партия Киргизской ССР как местное отделение КПСС [218, с. 350]. Вместе с противниками советской власти в пределах государства исчезли и конкурирующие идеологии, во всяком случае

как способные консолидировать и организовать тех, кто был недоволен властью.

К этому же времени в результате проведенных властью социальных чисток, искоренения института частной собственности и огосударствления средств производства социальная основа государства приобрела относительное единообразие, проявлявшееся, в частности, в своего рода имущественной несостоятельности подавляющего большинства советских граждан, их одинаково низким уровнем материального благосостояния. Суды должны были осуществляться политически благонадежными лицами, которые выдвигались в судебную систему из этой среды.

Государство не ограничилось указанными мерами. Для того чтобы добиться юридического единообразия, гарантирующего эффективное функционирование политических и правовых институтов во всем государстве, последнее предприняло меры по унификации всей законодательной системы страны, а с ней, естественно, судебной системы. Так, в соответствии с Конституцией СССР 1936 года законодательство о судостроительстве и судопроизводстве и издание кодексов были отнесены к исключительной компетенции СССР в лице его высших органов государственной власти. В силу данного обстоятельства издаваемые ими законы имели статус общесоюзных законов. Разработка гражданского процессуального кодекса СССР осуществлялась с опорой на положение, которое содержалось в п. «х» ст. 14 Конституции СССР, а также ст. 5 Закона о судостроительстве, согласно которой правосудие в СССР должно было осуществляться на основе единого и обязательного для всех судов СССР уголовного, гражданского и процессуального законодательства. Другими словами, закон предписывал вместо действовавших в тот момент республиканских гражданских процессуальных кодексов разработку и введение в действие единого для всего Советского Союза Гражданского процессуального кодекса, который должен был пройти утверждение Верховным Советом СССР.

Целесообразность введения единого для всех советских республик

гражданского процессуального кодекса обосновывалась тем, что соответствующие кодексы союзных республик в целом были выстроены на одних и тех же основных принципах и их общей задачей было укрепление социалистической законности в пределах всей страны.

Кроме того, в 1938 году был принят Закон о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, установивший в соответствии с Конституцией СССР и конституциями союзных республик единую судебную систему, определил функции судебных органов, задачи правосудия в СССР и способы их осуществления. Статьей 2 Закона утверждалось, что правосудие в СССР должно защищать от любых посягательств:

а) общественное и государственное устройство СССР, установленное Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность;

б) политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и других общественных организаций [322].

Кроме того, правосудие в СССР, в соответствии с законом, должно было обеспечить точное и неуклонное исполнение «советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР» [322].

Следует, однако, иметь в виду, что приоритеты общесоюзных законов над республиканскими, в том числе в системе судопроизводства, были, по сути, благом для Киргизской ССР, которая на тот момент не обладала ни сколько-нибудь развитой инфраструктурой, ни необходимыми материальными и финансовыми средствами, ни, наконец, кадровой базой, достаточной как для эффективной реализации существующих республиканских законов во всей громоздкой системе права, так и для законотворчества, способного поспевать

за бурным процессом модернизации. Отметим, что именно в этом направлении Советское государство добилось наиболее значительных результатов.

В дореволюционном Кыргызстане кыргызы в основной своей массе были безграмотными людьми, что, как нам представляется, вполне можно определить как цивилизационную черту кыргызского этноса. В условиях многовековой кочевой жизни, совершенно не приспособленной для просвещенческих форм жизни, будучи поставленным в жесткие условия выживания, кыргызы не только стремились, но в принципе и не нуждались в грамоте, во всяком случае в ее относительно развитых формах. Для того, чтобы освоить новые культурные формы, в том числе связанные с просвещением масс, кыргызам необходимо было в первую очередь перейти к оседлости, что, собственно, и произошло уже в первые два десятилетия советской власти.

В Кыргызстане, была создана система многоуровневого образования, целиком находящаяся на государственном содержании, что обеспечивало всеобщую доступность к ней. Однако к 1936 году этого еще не было полностью доступно, все еще только предстояло создать. К этому времени в Кыргызстане были полностью ликвидированы системы обычного и шариатского права. Однако у новообразованной Киргизская ССР не было даже собственного гражданского процессуального кодекса, и по этой причине ЦИКом Киргизской ССР 21 января 1937 года было принято постановление, в котором в связи с преобразованием Киргизской АССР в союзную республику предписывалось на ее территории до того, как не будут изданы общесоюзные законы о судостроительстве и судопроизводстве, а также уголовный, гражданский и другие кодексы, руководствоваться законами и кодексами Российской Федерации [320].

Очевидно, что на момент образования Киргизской ССР у нее не было ни квалифицированных юристов, во всяком случае, в достаточном количестве, ни тем более необходимого законотворческого опыта, ни, наконец, достаточно

развитой материальной базы, позволяющей, в частности, публиковать выработанные законы и доводить их до сведения специалистов и т.д. Все это вместе приводило к тому, что использование молодой республикой кодексов и законов РСФСР было не только целесообразно и вполне приемлемо, но и неизбежно и необходимо, учитывая конкретное стечение обстоятельств.

Ранее упоминавшийся нами Закон о судеустройстве Союза ССР и союзных республик 1938 года [273] стал основой, на которой стало осуществляться дальнейшее улучшение деятельности судебных органов и совершенствование процессуального законодательства. Законом были установлены основные положения обжалования судебных решений, однако они не подвергались необходимой детализации, и вследствие этого остались спорными моменты, связанные с содержанием таких категорий, как «законность судебного решения» и «обоснованность судебного решения», с объемом и характером новых материалов, которые представляются сторонами суду второй инстанции, а также с оценкой доказательств судом второй инстанции и с полномочиями суда кассационной инстанции.

Раскрытие содержания незаконности и необоснованности судебного решения имело, имеет серьезное как теоретическое, так и практическое значение в связи с тем, что их выявление в соответствии с законом и здравым смыслом с необходимостью должно приводить к отмене решения или его изменению. В ст. 192 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 года было четко прописано, что решение суда должно быть законным и обоснованным. Поскольку суд должен был основывать свои решения исключительно на исследованных в процессе судебных заседаний доказательствах, статьей 308 были предусмотрены случаи, когда судебные решения подлежали отмене, а именно когда:

- 1) дело рассматривалось судом в незаконном составе;
- 2) дело рассматривалось судом в отсутствие какого-либо из лиц, принимающих участие в деле, которое не было не извещено о месте и времени судебного заседания;

3) в процессе рассмотрения дела нарушались предписания, связанные с языком, на котором велось судопроизводство;

4) при вынесении решения были нарушены правила, связанные с тайной совещания судей;

5) в деле отсутствовал протокол судебного заседания (См. напр.: ст.ст. 309, 310 ГПК Киргизской ССР 1964 г.).

Все эти положения в дальнейшем получили свое закрепление в соответствующих статьях гражданских процессуальных кодексов союзных республик.

Основанием для отмены решения суда, согласно Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР, могло быть нарушение норм материального и процессуального права. Но для того, чтобы обеспечить соблюдение процессуальных норм, способных привести к нежелательным правовым последствиям, необходимо было решение вопросов, связанных с расширением перечня тех процессуальных нарушений, которые являлись несомненным основанием для отмены судебного решения. Данная идея, высвечивавшая определенные пробелы в процессуальном законодательстве страны, вызрела по ходу судебной практики. В юридической литературе того периода ученые-правоведы указывали на данное обстоятельство и необходимость устранения указанных пробелов во вновь принимаемых законах [48, с. 679, 680]. В литературе указывалось также на спорность вопроса, связанным с представлением новых доказательств в суд второй инстанции. Следует сказать, что до того, как был принят Закон о судостроительстве, законодателем не было предусмотрено данное право участников процесса, и вследствие этого судебная практика приобрела противоречивый характер. По данному поводу учеными высказывались различные мнения, однако все они сходились в том, что неправильно – вводить ограничения для кассационной инстанции в использовании ею новых доказательств, которые не стали предметом исследования в суде первой инстанции [321, с. 32; 323, с. 27–29]. Для того чтобы решить данный вопрос, а

также реализовать принцип независимости судей и подчинить их исключительно закону, необходимо было расширение полномочий кассационной инстанции, имеющих отношение к праву суда кассационной инстанции указывать суду, пересматривающему дело, какая именно норма материального права может или должна быть применена судом при рассмотрении дела. Само собой, таким же образом кассационная инстанция могла указывать об отмене решения суду первой инстанции.

В ст. 15 Закона о судостроительстве вопрос, касающийся новых доказательств, был решен положительно, т.е. обеим сторонам законом было предоставлено право представлять в кассационную инстанцию новые материалы, которые до этого не были в производстве суда первой инстанции, что, как указывается в литературе, положительным образом повлияло на работу кассационных судов, на которые была возложена проверка законности и обоснованности судебных решений, и способствовало расширению возможностей сторон при обосновании ими кассационных жалоб [159, с. 119].

Развитие гражданского процессуально права в СССР и, соответственно, в союзных республиках не было прервано и в годы Великой Отечественной войны, однако оно было замедленно и сообразно обстоятельствам обрело некоторые специфические моменты. Правда, основная доля деятельности судов по осуществлению правосудия приходилась на уголовные дела, связанные с государственными преступлениями, хищениями социалистической собственности, грабежами и т.д. в то время как количество гражданских исковых дел заметно сократилось. Так, в 1942 году дел, поступивших на рассмотрение во все суды страны, было вдвое меньше, чем в 1941 году, а в 1943 году, соответственно, – еще меньше, чем в 1942 году. И данная тенденция была сохранена до конца войны, что объяснялось, в частности, тем, что в стране резко упал торговый оборот, и сообразно этому сократилось и число гражданских исковых дел.

Война оказала заметное влияние на гражданско-процессуальную сферу и Киргизской ССР, несмотря на значительную отдаленность республики от

театра военных действий, что говорило о том, что Кыргызстан был достаточно сильно интегрирован в политическую и социально-экономическую систему Советского Союза. В соответствии с архивными материалами если в 1941 году во все суды республики по гражданским искам поступило 780 дел, то в 1942 году их было уже вдвое меньше, т.е. около 360 дел, а с 1943 по 1945 годы судопроизводство по гражданским делам сократилось до 85% от количества дел, рассмотренных в 1940 году (по анализу из архивных материалов Верховного Суда Кыргызской Республики и Судебного Департамента Кыргызской Республики). Однако, несмотря на это, деятельность судов, учитывая военные условия жизни, требовала значительного напряжения сил от судей [226, с. 36]. Судебная деятельность в военное время была прямо связана с обеспечением всем необходимым фронта и с организацией работы, связанной с созданием приемлемых условий жизни для эвакуированных. При этом судьи с учетом условий военного времени были наделены соответствующими полномочиями, позволявшими им жестко применять меры имущественного воздействия.

Тяжелая и длительная война вызвала глубокие изменения в жизни страны, что, естественно, не могло не отразиться и на правовых отношениях. Был принят ряд законодательных актов, определенным образом отразивших новые военные реалии. Кроме того, война наложила отпечаток и на судебную практику по гражданским делам. Однако поскольку все основные ресурсы страны были направлены на решение военных проблем, довоенное законодательство не претерпело серьезных изменений, и законотворчество было направлено главным образом на защиту прав и интересов лиц, призванных в действующую армию, и их семей. Так, в постановлении Верховного Суда СССР от 30 августа 1941 года содержались четкие указания судам приостановить производство нерассмотренных гражданских дел, ответчиками по которым выступали лица, которые находились в действующих частях Красной Армии и Военно-Морского Флота, на все время пребывания их на фронте. Этим же постановлением предписывалось в отношении данной

категории лиц приостановить на время военных действий исполнение судебных решений, которые вступили в законную силу. Исключения составляли решения судов, касающиеся взыскания алиментов на детей с начальствующего состава и сверхсрочнослужащих. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1941 года предписывалось прекращение всех нерассмотренных судами дел, касающихся взыскания административных штрафов с лиц, которые были призваны в Красную Армию и Военно-Морской Флот, и с лиц, которые вступили в народное ополчение и истребительные батальоны [301, с. 16].

Война вызвала мощную внутреннюю миграцию, в результате которой на территорию Кыргызстана, как в другие республики региона, с европейской части СССР прибыло большое количество мигрантов – носителей иной культуры, если сравнивать ее традиционной кыргызской. В республике резко возросло количество городских жителей за счет новопривывшего населения, возникли мощные промышленные производства, ранее не существовавшие здесь, начиная от крупного машиностроения и заканчивая промышленным строительством. После завершения войны значительная часть иммигрантов осталась в республике, что определенным образом сказалось на развитии институтов права в Кыргызстане, главным же образом в том, что местное коренное население стало гораздо более активно вовлекаться в новую для них культуру, в том числе правовую. Процесс создания кыргызской интеллигенции, часть из которой, получив юридическое образование, в дальнейшем будет вовлечена в подготовку новых юридических кадров, а также юридическую практику и законотворчество, значительно ускорится в послевоенное время по сравнению с довоенным. Как нам представляется, это будет главным итогом войны, если ее оценивать с точки зрения правовых трансформаций, произошедших в Кыргызской ССР в результате Великой Отечественной войны. Следует также сказать о том, что в Кыргызстан въехало большое количество людей – носителей русского языка, что сыграет если не решающую, то во всяком случае значительную роль в том, что развитие

законодательной системы республики, а также законотворчество в дальнейшем будут происходить на русском языке. Это происходит и в настоящее время. Суть данного явления заключается в том, что по понятным причинам в кыргызском языке длительное время отсутствовали специальные юридические термины, способные адекватно выразить быстро меняющуюся правовую действительность. Отсутствие юридического языка, отвечающего требованиям текущей реальности, с необходимостью приводило к тому, что не возникали опыт и привычка оперативно реагировать и отражать в законах постоянно меняющуюся реальность. Относительная малочисленность кыргызов с их глубоко укоренившейся привычкой жить локальными сообществами в сельской местности не позволяли им, а вернее, существенно затрудняли развитие языка в необходимом направлении. При таких условиях знание русского языка значительно упрощало процесс модернизации кыргызского традиционного общества.

Советское государство, в состав которого входило множество народов, учитывало полиэтнический фактор, что нашло отражение, в частности, в том, что в ст. 110 Конституции СССР 1936 года предписывалось вести судопроизводство «на языке союзной или автономной республики или автономной области», обеспечивая при этом лиц, не владеющих языком, на котором ведется процесс, полным ознакомлением с материалами дела, используя для этого переводчика, и правом и возможностью «выступать на суде на родном языке».

Аналогичные по смыслу статьи содержались в конституциях союзных республик. Так, в ст. 82 Конституции Киргизской ССР 1937 года также предписывалось вести в Киргизской ССР судопроизводство на киргизском языке, в районах же, где преобладало русское или узбекское население, соответственно, – на русском или узбекском языках, обеспечивая при этом через переводчика лиц, не владеющих необходимым языком, т.е. кыргызским, русским или узбекским, полным ознакомлением с материалами дела и правом выступать в суде на родном языке.

Советская власть четко придерживалась принципа национального языка судопроизводства на протяжении всего своего существования, что получило отражение, в частности, в таких общесоюзных законодательных актах, как Основы законодательства о судопроизводстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1958 года [280,ст. 12]. Пристальное внимание государства к данному принципу объясняется тем, что он находился в тесной взаимосвязи с принципами равноправия сторон в гражданском процессе, а также с принципом гласности, доступности процесса, обеспечивая лицам, не владевшим языком, на котором велось судопроизводство, возможность активного участия в процессе на родном языке, и гарантируя таким образом защиту их прав и законных интересов.

С другой стороны, роль русского языка не ограничивалась той реальной помощью, содействием для развития кыргызского национального права, которые были указаны выше. Так, С.С. Сатыбеков писал еще в советское время: «Роль и значение русского языка в реальном осуществлении принципа национального языка судопроизводства при равенстве языков всех национальностей и народностей, населяющих нашу республику, поистине неоценимы. ... В республике проживают представители более 80 национальностей и народностей. Из числа нерусского населения республики 40% владеют русским языком» [159, с. 141].

Вернемся, однако, к исходной точке нашего исследования.

На правотворческую деятельность в военный период определенное влияние оказал то обстоятельство, что по причине внезапного начала войны достаточно большое количество документов было уничтожено либо утрачено. 22 апреля 1942 года Наркомюстом СССР была издана инструкция, в которой был определен порядок выдачи дубликатов исполнительных листов, если их потеря была обусловлена обстоятельствами военного времени. 23 мая 1942 года был издан приказ НКЮ СССР, определивший порядок восстановления утраченного производства в связи с обстоятельствами военного времени [314, с. 123, 246].

Всеобщая мобилизация обусловила появление на свет Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственной пошлине» от 10 апреля 1942 года [374].

В Постановлении СНК СССР от 29 апреля 1942 года содержались размеры новых ставок единой государственной пошлины. Постановлением несколько категорий истцов было полностью освобождено от несения всех видов расходов [324, ст. 71]. Принятие данных правовых актов привело к тому, что в дальнейшем в процессуальное законодательство Киргизской ССР был внесен ряд отдельных изменений. Так, согласно вышеупомянутому Указу «О государственной пошлине» за выдачу свидетельства, подтверждающего право наследования, размер пошлины был снижен до 50%. Помимо этого, все лица, которые участвовали в судебном процессе, по причине военного положения освобождались от судебных расходов и издержек, связанных с рассмотрением гражданских дел.

Военное положение привело к тому, что в гражданском судопроизводстве серьезную роль стали играть указания Пленумов Верховного Суда СССР и Киргизской ССР. Суды стали получать четкие указания, приводившие к приостановлению производства гражданских дел, которые не были еще рассмотрены, и ответчиками, по которым выступали лица, находившиеся в это время в действующих частях Красной Армии. На время военных действий по отношению к этой же категории лиц предписывалось также приостановить исполнение судебных решений, успевших вступить в законную силу, кроме решений, связанных с взысканием с начальствующего состава, а также сверхсрочнослужащих алиментов на детей. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1941 года предписывалось прекратить все нерассмотренные судами дела, касавшиеся взысканий административных штрафов с лиц, которые были призваны в Красную Армию и Военно-Морской Флот, вступили в народное ополчение и истребительные батальоны (с отрывом от производства)[301, с. 16].

Советское государство, как это следует из вышеперечисленных юридических документов, указов и постановлений, проявляло определенную заботу к советским воинам и членам их семей, что нашло свое отражение и в судебной практике. Во время войны были также выработаны нормативные правовые акты, предписывавшие оказание государственной помощи беременным женщинам, одиноким и многодетным матерям, регулировавшие порядок оказания этой помощи и предусматривавшие усиление охраны материнства и детства. В это же время был учрежден ряд почетных званий, орденов и медалей, связанных с материнством, которые стали вручаться многодетным матерям в зависимости от того, какое количество детей было рождено и воспитано ими [275].

Война внесла многие коррективы практически во весь спектр гражданско-процессуальных вопросов, вернее, в способы и формы их разрешения. Однако существовал ряд традиционных гражданско-процессуальных вопросов, в которых влияние войны было минимальным или носило косвенный характер. К таковым, к примеру, относились проблемы, возникавшие в сфере брачно-семейных отношений в связи с опекой и попечительством. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года правовую силу мог иметь только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, развод же мог быть признан законным только при наличии судебного решения о расторжении брака. Лицам же, которые фактически состояли в брачных отношениях, законом была предоставлена возможность оформить свои отношения путем официальной регистрации брака с условием указания срока действительной их совместной жизни. Вопросы процессуального характера, возникавшие в данной связи, нашли свое разрешение в нормативных правовых актах, которые были выработаны позже. К примеру, если реальные брачные отношения, которые существовали до того, как был издан Указ от 8 июля 1944 года, по закону не могли быть зарегистрированы в случае пропажи без вести или смерти одного из лиц, которое состояло в этих отношениях, то после того, как вышел Указ

Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года, другой стороне было предоставлено право обратиться в суд с тем, чтобы он (она) был признан супругом (супругой) умершего или пропавшего без вести лица.

В силу специфики политической и общественной системы советского государства гражданско-процессуальное законодательство Киргизской ССР развивалось параллельно с общесоюзным.

Тяжелые условия жизни, связанные с ведением войны, способствовали усилению контроля государства за всеми сферами общественной и правовой жизни, который привел к сокращению и без того незначительного суверенитета союзных республик, в том числе в сфере законотворчества.

С окончанием войны началось восстановление значительно ослабленной войной страны во всех сферах жизни общества. Гражданское судопроизводство, естественно, получило дальнейшее свое развитие.

Заметную роль в деле укрепления и дальнейшего развития правосудия в СССР сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов автономных областей» [276, ст. 360] от 14 августа 1954 года, в котором указывалось, что целью создания президиумов является усиление роли местных судебных органов в судебном надзоре. Данным Указом органам, представлявшим местные суды, было предоставлено право пересмотра приговоров народных судов, вступивших в законную силу. Для того, чтобы данное право было реализовано, в составе областных, краевых и Верховных судов автономных республик были образованы президиумы, которые в порядке судебного надзора обязаны были пересматривать приговоры. Такое расширение компетенции вышеуказанных судов, по мнению специалистов, было вполне оправдано в то время [71, с. 74–82].

Новое Положение о Верховном Суде СССР, заметно изменив в сфере судебного надзора компетенцию Верховного Суда СССР, обусловило необходимость внесения соответствующих поправок в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года [90, с. 9–18]. Уже 25 апреля

1955 года вышел Указ «О порядке рассмотрения дел президиумами судов», принятый Президиумом Верховного Совета СССР [276]. Данный Указ сыграл важную роль в совершенствовании судебной практики, укреплении законности в сфере судопроизводства и в заметно повлиял на характер последующего развития советского гражданского процессуального права в целом. В данном Указе содержались положения, в дальнейшем выступившие в роли гаранта в обеспечении законности и обоснованности судебных решений, которые рассматривались президиумами в надзорном порядке. Дела, рассматриваемые по протестам в порядке надзора, согласно ст. 4 Указа, впредь должны были рассматриваться президиумом суда при обязательном участии республиканского прокурора либо его заместителя, или при соответствующих обстоятельствах – с участием прокурора автономной республики, автономной области или области, края.

В рассматриваемый нами период также были приняты Основы законодательства, затрагивающие различные отрасли права, а также уголовно-процессуальные, гражданские и гражданские процессуальные кодексы союзных республик, в них сообразно времени и специфике правовой системы были определены сущность и содержание прокурорского надзора в области гражданского и уголовного судопроизводства [147]. В порядке надзора была существенно расширена возможность опротестования судебных решений и определений на всех стадиях судопроизводства. При этом, однако, оставался открытым вопрос о праве упомянутых должностных лиц приостанавливать исполнение решения и определения суда. В ст. 5 Указа предусматривалось, что лица, которые принесли протест в порядке надзора, имеют право снять его до того, как данное дело начнет рассматриваться в президиуме суда, но ни слова не было сказано о праве приостановить исполнение решения и определения суда [159, с. 126].

Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик были утверждены 18 ноября 1961 года и введены в действие 1 мая 1962 года.

В Основах была с достаточной четкостью определена роль прокурора, в ст. 14 Основ были закреплены основные полномочия прокурора [293, ст. 526].

14 марта 1955 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об изъятии из ведения народных судов дел по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до тысячи рублей» [277, ст. 116]. Согласно ст.ст. 1, 2 Указа все дела по спорам, которые были упомянуты в названии документа, были изъятые в дальнейшем из ведения народных судов, как и вообще из ведения судов. Такое решение вызвало различные мнения в научной среде, в том числе отрицательные, так как возникла проблема обеспечения объективности разрешения этих споров при отсутствии исковой судебной и арбитражной защиты.

Однако независимо от оценок специалистов для обеспечения высокой степени унификации судебной системы в СССР Президиумам Верховных Советов союзных республик было предоставлено право внести в свои республиканские законодательства соответствующие изменения, которые вытекали из Указа. Президиум Верховного Совета Киргизской ССР 20 мая 1955 года принял Указ, в соответствии с которым в ст. 21 ГПК РСФСР, действовавшего на тот момент на территории Киргизской ССР, были внесены требуемые изменения.

Для того чтобы все министерства и подведомственные им учреждения, в том числе и органы правосудия, исполняли законы, необходимо было усилить прокурорский надзор, в связи с чем 24 мая 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о прокурорском надзоре в СССР [279, ст. 222], в котором содержались регулирующие нормы, которые регламентировали прокурорский надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов. В соответствии с Положением, а именно п. 4 ст. 23, прокуроры были наделены правом предъявления исков в порядке гражданского судопроизводства и поддержания их в суде в случаях, когда

требовалась охрана государственных или общественных интересов, а также прав и законных интересов граждан. Согласно же п. 2 ст. 23 Положения прокурор мог участвовать в гражданском судопроизводстве и в иной форме, давать заключения по вопросам, которые могли возникнуть по ходу судебного разбирательства в процессе, который был уже начат.

Одним из результатов процесса либерализации стало увеличение самостоятельности союзных республик. В плане развития прав союзных республик в области судебной деятельности показательным является принятый Верховным Советом СССР Закон СССР «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов» от 11 февраля 1957 года. Отметим, что принятие данного Закона оценивалось отдельными авторами как прямое следствие развенчания «культ личности», состоявшегося на XX съезде КПСС, возврата к «ленинским принципам» демократического централизма в государственном и хозяйственном строительстве, что, по их мнению, с необходимостью привело к политике укрепления суверенитета союзных республик [130, с. 24]. Как нам представляется, расширение суверенитета республик отражало в определенной мере тот факт, что общая экономическая и правовая ситуация в республиках, связанная с наличием в них подготовленных юридических кадров, стала выравниваться, приобретать единообразный характер.

Уже через день, т.е. 12 февраля 1957 года Верховным Советом СССР было принято Положение о Верховном Суде СССР [278, ст. 85], ощутило расширившим права судебных органов союзных республик. До принятия Положения Верховному суду было предоставлено право востребовать из любого суда любое дело, даже если последнее еще не было подвергнуто рассмотрению Верховным судом республики, с его же принятием окончательное решение всех дел должно было осуществляться в Верховных судах союзных республик, в то время как Верховный суд СССР был вправе пересмотреть решение суда республики только в том случае, если оно

противоречило общесоюзному законодательству либо интересам другой республики. С принятием Положения подверглись изменению также принципы, которыми руководствовались в своей деятельности низовые суды: система участковых судов, которая существовала ранее, была упразднена и были созданы районные и городские суды. В результате количество судов сократилось, особенно же в городах. С 3 до 5 лет был увеличен срок полномочий народных судей, при этом народные заседатели стали избираться сроком на 2 года. Исполкомы соответствующих Советов были уполномочены для каждого из народных судов устанавливать необходимое число судей и заседателей.

Закон СССР от 11 февраля 1957 года стал основой для последующих законодательных актов об устройстве судов и судопроизводстве всех союзных республик. Данный Закон создал возможность принятия в Киргизской ССР, собственных кодексов, в том числе гражданского процессуального. Все эти факты, взятые в совокупности, дали основание исследователям того периода утверждать, что появление Закона СССР от 11 февраля 1957 года было обусловлено в первую очередь необходимостью учета национальных особенностей в общественной жизни советских республик с опорой на соображения их суверенитета [263, с. 12].

Данным Законом к компетенции СССР было отнесено издание Основ гражданского законодательства, издание же гражданских кодексов вошло в компетенцию союзных республик [103].

Все эти меры привели к тому, что 30 июля 1964 года на четвертой сессии Верховного Совета Киргизской ССР были утверждены собственные республиканские Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы, которые будут подвергнуты анализу в следующем разделе нашего исследования.

Подведем выводы к данному параграфу.

1. 5 декабря 1936 года была утверждена Конституция СССР [220, с. 54], имевшая историческое значение для кыргызского народа. Была образована

Киргизская Советская Социалистическая Республика, что было законодательно закреплено в новой Конституции СССР, которая стала правовой основой для разработки и принятия Конституции Киргизской ССР от 23 марта 1937 года. В Конституции в законодательном порядке были закреплены основные принципы организации и деятельности судебных органов, а также судопроизводства. В соответствии с Конституцией правосудие в Киргизской ССР должно было осуществляться Верховным Судом Киргизской ССР, народными судами, а также специальными судами Союза ССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР.

2. Правосудие в Кыргызстане, как и везде в Советском Союзе, осуществлялось с опорой на идеологию, которой отводилась роль, далеко выходящая за пределы просто идеологии; она была эффективным политическим инструментом, которые превалирует по своему значению и эффективности над правовыми. К 1936 году в Советском Союзе были устранены все классы, социальные слои и группы, способные реально оппонировать государственной власти. К этому же времени в результате проведенных властью социальных чисток, искоренения института частной собственности и огосударствления средств производства социальная основа государства приобрела относительное единообразие. Суды должны были осуществляться политически благонадежными лицами, которые выдвигались в судебную систему из этой среды.

3. Для того чтобы добиться юридического единообразия, гарантирующего эффективное функционирование политических и правовых институтов во всем государстве, последнее предприняло меры по унификации всей законодательной системы страны, а с ней и судебной системы. В соответствии с Конституцией СССР 1936 года законодательство о судопроизводстве и судопроизводстве и издание кодексов были отнесены к исключительной компетенции СССР в лице его высших органов государственной власти. Целесообразность введения единого для всех советских республик гражданского процессуального кодекса обосновывалась

тем, что соответствующие кодексы союзных республик в целом были выстроены на одних и тех же основных принципах и их общей задачей было укрепление социалистической законности в пределах всей страны. В 1938 году был принят Закон о судеустройстве в СССР, а также в союзных и автономных республиках, которым была установлена единая судебная система в стране, определил функции судебных органов, задачи правосудия в СССР и способы их осуществления.

4. К 1936 году в Кыргызстане были полностью ликвидированы системы обычного и шариатского права. Однако у новообразованной Киргизская ССР не было даже собственного гражданского процессуального кодекса, и по этой причине ЦИКом Киргизской ССР было принято постановление, в соответствии с которым в Кыргызстане вплоть до того, как будут изданы общесоюзные законы о судеустройстве и судопроизводстве, а также уголовный, гражданский и прочие кодексы, суды на всей территории республики должны были руководствоваться в своей деятельности соответствующими кодексами и законами РСФСР.

5. Очевидно, что на момент образования Киргизской ССР у нее не было ни квалифицированных юристов, во всяком случае в достаточном количестве, ни тем более необходимого законотворческого опыта, ни, наконец, достаточно развитой материальной базы, позволяющей, в частности, публиковать выработанные законы и доводить их до сведения специалистов и т.д. Все это вместе приводило к тому, что использование молодой республикой кодексов и законов РСФСР было не только целесообразно и вполне приемлемо, но и неизбежно и необходимо, учитывая конкретное стечение обстоятельств.

6. В результате Великой Отечественной войны в Кыргызстан въехало большое количество людей – носителей русского языка, что сыграет в дальнейшем значительную роль в том, что развитие законодательной системы республики, а также законотворчество будут происходить на русском языке. Суть данного явления заключается в том, что по понятным причинам в кыргызском языке длительное время отсутствовали специальные

юридические термины, способные адекватно выразить быстро меняющуюся правовую действительность. Отсутствие юридического языка, отвечающего требованиям текущей реальности, с необходимостью приводило к тому, что не возникали опыт и привычка оперативно реагировать и отражать в законах постоянно меняющуюся реальность. Относительная малочисленность кыргызов с их глубоко укоренившейся привычкой жить локальными сообществами в сельской местности существенно затрудняли развитие языка в необходимом направлении. При таких условиях знание русского языка значительно упрощало процесс модернизации кыргызского традиционного общества.

7. После Великой Отечественной войны по мере роста благосостояния населения страны Советская политическая система, а с ней неизбежно и правовая, стали развиваться в сторону медленной либерализации. В результате 12 февраля 1957 года Верховным Советом СССР было принято Положение о Верховном Суде СССР, ощутимо расширившим права судебных органов союзных республик. Данная тенденция сохранится до самого распада СССР, а к 1964 году она приведет к тому впервые в истории Кыргызстана будут утверждены Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы Киргизской ССР.

3.3. Гражданское судопроизводство в Кыргызстане с 1965 по 1991 гг.

30 июля 1964 года на четвертой сессии Верховного Совета Кыргызской ССР впервые в истории Кыргызстана были утверждены республиканские Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы¹, которые ознаменовали собой завершение целой эпохи в становлении гражданского права и гражданского процессуального права в Кыргызстане. Следует отметить, что в соответствии с официальной советской идеологией появление Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Кыргызской ССР принято было связывать с фазами общественно-экономического развития страны. Идеологами советской системы утверждалось, что к этому времени в Советский Союз вышел на фазу развития, получившей наименование развитого социализма, который, в соответствии с официальной идеологией, предшествовал коммунистической фазе развития. Уточнение данного обстоятельства важно для нашего исследования, поскольку оно в значительной мере объясняет возникновение кодексов не только в Кыргызстане во всех союзных республиках. Либерализация советской политической системы, прямым последствием которой было возникновение кодексов, происходило, по нашему мнению, во многом благодаря убежденности руководства страны в возможность построения коммунизма, что декларировалось во многих программных партийных документах. Даже в докладе председателя Комиссии законодательных предположений Верховного Совета Кыргызской ССР, посвященному проекту ГПК, широко обсуждавшему на четвертой сессии Верховного Совета Кыргызской ССР 29–30 июля 1964 года, отмечалось, что гражданское процессуальное законодательство, являясь одним из важных морально-политических и правовых факторов, призвано активно воздействовать на процессы, связанные с формированием коммунистических общественных отношений между

¹Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской ССР от 30 июля 1964 г. введен в действие с 1 января 1965 г.; Гражданский кодекс Кыргызской ССР от 30 июля 1964 г. Введен в действие Законом Кыргызской ССР. №351. VI. от 30 июля 1964 г.

людьми, основанных на коллективизме и гуманизме, на товарищеском сотрудничестве и взаимной поддержке, т.е. способствовать интересам построения коммунистического общества в Советском Союзе [337].

Сыграло также свою роль то обстоятельство, что проблема межнациональных отношений в полиэтническом государстве объективно относится к одной из самых трудноразрешимых, болезненных и, если так можно выразиться, взрывоопасных. В СССР многие этнические группы компактно проживали в пределах национальных республик, и для того, чтобы поддерживать единое государство в работоспособном состоянии, необходимо было постоянно идти на определенные уступки этим республикам, расширяя их суверенитет и юридически оформляя данный процесс. Однако суверенитет республик не должен был выходить за определенные рамки, за пределами которых государство подверглось бы разрушению, что, к слову сказать, могло крайне негативным образом сказаться на общем состоянии всех республик, поскольку уже тогда они образовывали единый жестко централизованный военно-политический и хозяйственный комплекс. Поэтому все процессы в стране, и далеко не в последнюю очередь правовые, должны были контролироваться государством, что, собственно, и происходило. Что касается конкретно Гражданского процессуального кодекса 1965 года, то его разработка началась фактически в 1960 году, с того момента, как законодатель приступил к созданию проекта ГПК, в ст. 1 которого указывалось, что порядок производства по гражданским делам на территории республики определяется Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, издаваемых в соответствии с ними другими законами СССР и Гражданским процессуальным кодексом Киргизской ССР.

Работа над проектом Гражданского процессуального кодекса республики значительно активизировалась после принятия 8 декабря 1961 года Основ гражданского судопроизводства СССР и введения их в действие 1 мая 1962 года. Характерно, что после принятия Основ юридической комиссией при Совете Министров Киргизской ССР был разработан второй вариант проекта

ГПК и затем направлен не только в министерства и ведомства Киргизской ССР и т.д. для изучения и представления своих предложений и замечаний, но и также в юридические комиссии при Совете Министров СССР, Министерства юстиции РСФСР и Украинской ССР, юридическим комиссиям при Советах Министров союзных республик, Всесоюзному институту юридических наук, Институту государства и права АН СССР, Верховному Суду СССР, Прокуратуре СССР формально с тем предложением – выслать свои замечания и предложения. При этом большинство министерств и ведомств Киргизской ССР по проекту замечаний и предложений не имели, в то время как существенные замечания и предложения представили Всесоюзный институт юридических наук и Институт государства и права АН СССР [335]. Очевидно, что данный факт свидетельствовал не только о более высоком уровне подготовленности юридических кадров Всесоюзного института юридических наук и Института государства и права АН СССР, но и том, что это контроль законопроектов союзных республик входил в их непосредственную компетенцию. В мае 1962 года юридической комиссией при Совете Министров СССР было проведено Всесоюзное совещание, в котором приняли участие представители юридических комиссий союзных республик, юридических отделов Президиумов Верховных Советов союзных республик, ученые-специалисты и на котором был обсужден доклад министра юстиции РСФСР о проектах ГК и ГПК РСФСР, а также состоялся обмен мнениями по проектам кодексов союзных республик с точки зрения их соответствия Основам. Все эти факты четко свидетельствуют о том, что государство, предпринимая определенные меры по либерализации правовой системы, тем не менее в целом всеми доступными ему средствами старалась контролировать данный процесс, придавая ему необходимое направление.

К моменту принятия Гражданского и Гражданского процессуального кодексов, т.е. к 1964 году, в Кыргызстане, как и во всех остальных республиках Советского Союза, произошли серьезные изменения в плане материального благосостояния населения, уровень которого был ощутимо ниже, чем в

развитых странах, однако значительно выше по сравнению с первыми десятилетиями Советской власти, о чем свидетельствует, в частности, постоянный рост численности кыргызов. Так, если в 1926 году в республике проживало 20668,7 тысяч кыргызов, то в 1999 году – 40128,1 тысяч, т.е. в 4,6 раза больше [208, с. 50].

Это весьма красноречивый показатель, который в совокупности со всеми остальными показателями говорит в пользу того, что к моменту принятия кодексов кыргызы, составлявшие большинство населения республики, при значительной внешней поддержке в целом осуществили переход к качественно новому состоянию культуры, когда проводимые государством правовые реформы могли быть не только адекватно восприняты ими, но и в дальнейшем относительно самостоятельно развиваться. Собственно, в определенном отношении это было главным достижением советского периода истории Кыргызстана, если оценивать ее с точки зрения правовых преобразований. Поэтому можно вполне согласиться с мнением некоторых исследователей той поры, утверждавшими, что новая кодификация советского законодательства была событием большого политического и культурного значения, и в первую очередь в тех республиках, в которых впервые были приняты кодексы [106, с. 49].

Необходимо отметить, что при создании проекта Гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР некоторые статьи были отредактированы или даже появились в нем в результате заимствований определенных частей соответствующих статей из кодексов других союзных республик. Так ч. 2 ст. 432 проекта Гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР возник в результате, как указывает С.С. Сатыбеков, «воздействия соответствующих статей проектов ГПК РСФСР, Латвийской ССР и других республик... в которых было предусмотрено это положение. Подобный обмен кодификационным опытом... во многом способствовал улучшению и ускорению разработки ГПК Киргизской ССР» [159, с. 160]. В данном случае следует, на наш взгляд, обратить внимание на географию

заимствований, позволяющей утверждать о том, что Кыргызстан, а вернее, кыргызский народ моменту принятия кодекса в целом завершил переход в новое для него культурно-цивилизационное состояние, которое в дальнейшем, уже после распада СССР, станет фундаментом для строительства гражданского общества, основы которого были заложены в советское время.

В качестве основы проекта ГПК Киргизской ССР выступал ГПК РСФСР 1923 года, который действовал на территории Кыргызстана практически вплоть до того момента, как был принят новый кодекс. В исторически новых условиях прежний кодекс с каждым годом становился все более архаичным, не только не отражая текущие реалии, но и входя с ними в явное противоречие. Так, определенные группы норм, возникшие в конкретной исторической, территориальной, политической, военной и социально-экономической и т.д. ситуациях, а в новых условиях были, по сути, лишены смысла, поскольку уже не было той реальности, из которой они возникли. К примеру, нормы, регулирующие применение некоторых законов прежней свергнутой власти, нормы шариата и адата, а также многочисленные примечания и оговорки в нормах ГПК и других процессуальных актов. Таким образом, существовала острая необходимость в обновлении кодекса, устранении устаревших норм, а также обобщении накопленного за время советской власти значительного по объему процессуально-правового опыта и материала, устранении существующих пробелов, отборе и соответствующем законодательном оформлении всего лучшего, что было выработано многолетней правосудной практикой по гражданским делам. Объем и общее количество гражданских дел заметно возрастало буквально с каждым годом, при этом постоянно издаваемые новые процессуальные акты, не получая соответствующего обобщения и систематизации, создавали сложности при их использовании. Кроме того, кодекс загромождался всевозможными примечаниями, и все это вместе создавало все более возрастающие сложности в деятельности судебных органов и затрудняло проведение в жизнь единой судебной политики и укрепление законности в системе гражданского судопроизводства.

Основательная, целенаправленная работа по созданию проекта Гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР началась в 1960 году. 28 июня 1962 года Президиумом Верховного Совета Киргизской ССР пятого созыва было принято решение об образовании комиссий по разработке проектов Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Киргизской ССР в составе 11 человек. Позже 26 октября 1962 года разработка проектов ГК и ГПК Киргизской ССР была передана Совету Министров Киргизской ССР, что официально мотивировалось тем, что при разработке проектов ГК и ГПК возникали вопросы, входившие в непосредственную компетенцию правительства республики. Данный факт можно интерпретировать и как стремление государства в лице его чиновничьего аппарата направлять и контролировать правовые процессы в стране, а кроме того, стремление центра контролировать эти процессы в республиках с целью унификации системы права во всех ее отраслях, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что 8 февраля 1963 года юридической комиссии, созданной при Совете Министров Киргизской ССР, были получены рекомендации юридической комиссии при Совете Министров ССР по вопросам, требующим единого разрешения в проектах ГК и ГПК республик, с предложением учесть их при доработке проектов кодексов. Излишне говорить, что эти рекомендации были приняты.

В дальнейшем юридической комиссией при Совете Министров Киргизской ССР было организовано 11 рабочих подкомиссий, в работу которых были вовлечены специалисты министерств и ведомств Киргизской ССР. После изучения соответствующих разделов и глав проектов они должны были представить свои замечания к проектам ГК и ГПК Киргизской ССР [336].

Многие вопросы о ходе подготовки проекта ГПК Киргизской ССР неоднократно рассматривались Президиумом Верховного Совета Киргизской ССР. В общей сложности в период с 1960 года по июнь 1964 года было разработано четыре проекта ГПК Киргизской ССР, в одном из проектов которого в его окончательном виде предусматривалось и декларировалось, что

суд не только должен охранять права и законные интересы граждан и организаций, но и выявлять условия, которые способствуют нарушениям этих прав, принимать меры к устранению и предупреждению правонарушений. С этой целью суд должен был выносить определения, которые обязывали бы руководителей соответствующих учреждений устранять недостатки в работе, ведущие к нарушению законности, и сообщать суду о принятых мерах.

В разработке проектов Гражданского процессуального и Гражданского кодекса Киргизской ССР наиболее активное участие принимали ученые-юристы и практические работники правоохранительных органов республики, а также работники исполкомов Советов депутатов трудящихся. Кроме того, проекты изучались и обсуждались в министерствах и ведомствах, общественных организациях и научных учреждениях. При этом сессией Верховного Совета республики подчеркивалось, что большую помощь в улучшении проектов кодексов оказали консультативная группа при юридическом отделе Президиума Верховного Совета ССР, а также крупные ученые-юристы и практические работники Прокуратуры СССР, Верховного Суда СССР и юридические комиссии при Совете Министров СССР [159, с. 171].

Было бы ошибочным, по нашему мнению, считать, что постоянная опека и вмешательство государства в процесс формирования кодексов представляли собой исключительно негативное явление. Это одно из функций и обязанностей государства. Проблема здесь в характере и степени его опеки и вмешательства. В условиях советского государства они носили абсолютные черты, что, конечно, накладывало свои негативные моменты на характер развития права в СССР. Однако здесь следовало бы воздержаться от однозначно негативной оценки правовых процессов и законов в Советском Союзе.

Процесс разработки проектов Гражданского процессуального и Гражданского кодексов Киргизской ССР отражал, как справедливо указывал один из непосредственных разработчиков указанных кодексов С.С.

Сатыбеков, «достигнутый уровень развития гражданского процессуального права, в проекте сохранилось все лучшее, что оправдало себя в судебно-прокурорской практике и в то же время он включил в себя ряд новых моментов, выдвинутых теорией, жизнью и практикой» [159, с. 171]. С другой стороны, С.С. Сатыбеков указывал на то, что принятие кодекса «отвечало требованиям укрепления социалистического правопорядка», а также на то, что оно должно было «содействовать улучшению деятельности судебно-прокурорских органов и в целом решению задач коммунистического строительства», что говорило о том, какой текущей и конечной цели были подчинены выработка и принятие кодекса, как, впрочем, и всех остальных советских законов. Данные цели предполагали самое активное участие государства в разработке законов, что в условиях отсутствия института частной собственности и гражданского общества само по себе предполагало определенную узость прав граждан, их зависимость от государства, которое, стремясь сохранить стабильность в стране, в условиях уравнительной системы распределения совокупного общественного продукта в системе правового обеспечения в целом занималось тем, что стремилось предоставить равные права гражданам. Равенство прав граждан – это сама по себе достойная и благородная цель, однако в условиях относительно низкой производительности труда, отсутствия конкуренции, мощной гонки вооружения и автаркической советской экономики, обеспечивавших хронический товарный голод, дефицит, всеобщее равенство прав одновременно означало, к сожалению, и всеобщее бесправие, выразившееся, в частности, в недоступности для подавляющего большинства граждан ко многим материальным жизненным благам, к различного рода информации, а также отсутствию свободы слова, печати, перемещения, особенно когда речь шла о возможности выехать за рубеж, свободы предпринимательства и т.д.

Можно утверждать, что советская демократия была одной из форм урезанной демократии в условиях отсутствия гражданского общества, которой вполне соответствовала совокупная система права. Укажем в данной связи на

то, что в соответствии с установившимся в современной гуманитарной науке взглядом гражданское общество представляет собой развитое общество, отвечающее ряду условий, обеспечивающих установление характерных для гражданского общества взаимоотношений государства, социальных групп и индивидов; к таким условиям относят:

– в экономической сфере – различные формы собственности, в том числе частную, их юридическое и фактическое равноправие, многоукладную рыночную экономику, открывающую возможности для деловой активности и предприимчивости;

– в политической сфере – реальные гарантии прав и свобод человека и гражданина, которые обеспечивают всем гражданам равный доступ к участию в государственных и общественных делах, что возможно при верховенстве права, разделении властей, многопартийности, свободных, равных, прямых и тайных выборах, свободном функционировании средств массовой информации;

– в социальной сфере – наличие широкого слоя независимых от государства собственников, равноправие различных классов, социальных групп, слоев и общностей, справедливость, солидарность и партнерство в отношениях между ними;

– в духовной сфере – плюрализм мнений, идей и идеологий, толерантность, гуманизм, возможность свободного самоопределения человека в его мировоззрении, идейных позициях и духовных устремлениях [231, с. 185].

Общество, которое отвечало бы всем вышеперечисленным условиям, представляет собой некоторый идеал общественного устройства, и, как любой идеал, оно относится к категории чего-то в принципе недостижимого. Во всяком случае, в полной мере.

Тем не менее, можно говорить о государствах, которые наиболее продвинулись в этом направлении. Очевидно, что советская политическая и социально-экономическая система не отвечала указанным условиям и

требованиям развитого гражданского общества. Однако, как мы не раз подчеркивали ранее, советская история, как и советское государство, пронизана противоречиями и парадоксами. Для Кыргызстана и кыргызского народа советская политическая система и государство, приложившее значительные усилия для осуществления перехода из одной общественно-экономической формации в другую – куда более высокую по уровню развития, объему знаний и технической оснащенности, из одного культурно-цивилизационного состояния в другое – также несопоставимо более высокое по сравнению с исходным, а главное, способное к дальнейшей модернизации, к положительному восприятию прогресса и процессов преобразования. Кыргызскому традиционализму, служившему главным препятствием к прогрессу, в советское время был нанесен самый значительный удар. Советские формы демократии были в целом восприняты кыргызами.

Изложив суждения общего порядка, которые были необходимы нам для того, чтобы внести ясность в характер правовых преобразований в Киргизской ССР, перейдем непосредственно к предмету нашего исследования.

Разработка республиканского Гражданского процессуального и Гражданского кодексов осуществлялось, как уже говорилось ранее, с опорой на Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик [293], однако при их разработке законодатель учитывал, насколько это было возможно, национальные особенности населения республики в регулировании вопросов, связанных с гражданским судопроизводством и деятельностью суда при рассмотрении гражданских дел. Однако, как справедливо указывал в свое время П.Ф. Елисейкин, трудно было учесть в пределах одного нормативного акта национальные, бытовые и прочие подобные особенности жизни союзных республик, и их суверенитет «этим мероприятием ограничивался бы» [241, с. 219]. По мнению же М.Х. Хутызы, принятие союзными республиками кодексов обеспечивало не только расширение их суверенитета, но и более полный учет особенностей их жизни [263, с. 34–41]. Оба эти мнения, в

сущности, не противоречат друг другу. Их расхождение только в оценке учета национальных особенностей жизни при выработке кодексов и масштабов суверенитета союзных республик. В противовес им А.Ф. Клейман высказал мнение, что ГПК союзных республик с некоторыми изменениями в основном воспроизвели редакцию ГПК РСФСР [112, с. 21]. Д.С. Караев с целью показать ошибочность данного суждения составил сопоставительную таблицу статей гражданских процессуальных кодексов союзных республик, достаточно большое количество статей которых, по мнению Д.С. Караева, серьезно отличались от аналогичных статей ГПК РСФСР и, более того, некоторые из статей республиканских ГПК и вовсе не имели аналогов в ГПК РСФСР [108, с. 247]. В более подробном исследовании, проведенном М.Х. Хутызом, указывается, что в ГПК Грузинской ССР таких статей было 63, Украинской ССР – 40, Туркменской ССР – 39, Белорусской ССР – 35, Азербайджанской ССР – 29, Таджикской ССР – 20, Узбекской ССР – 19 [189, с. 34–41].

Поскольку М.Х. Хутыза не указал количество различий между ГПК РСФСР [315] и ГПК Киргизской ССР¹, то пришлось сделать это самостоятельно. Как показал анализ, различия наблюдались в следующих статьях либо в пунктах статей:

- ст. 9 – язык судопроизводства;
- ст. 213 – взыскание алиментов до постановления решения;
- п. 1 ст. 286 – сроки рассмотрения дела в кассационной инстанции;
- ст. 287 – рассмотрение кассационной жалобы или протеста, поступивших после рассмотрения дела в кассационной инстанции;
- п. 1 ст. 296 – участие в кассационной инстанции представителей общественных организаций и трудовых коллективов;

¹Гражданский процессуальный кодекс Киргизской ССР от 30 июля 1964 г. введен в действие с 1 января 1965 г.; Гражданский кодекс Киргизской ССР от 30 июля 1964 г. Введен в действие Законом Киргизской ССР. – № 351. – VI от 30 июля 1964 г.

– ст. 336 – частные определения, постановления суда в порядке судебного надзора;

– ст. 378 – вручение актов описи имущества должнику, хранителю описного имущества и финансовому органу [204, с. 110].

В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что из всех вышеперечисленных республик в ГПК Киргизской ССР оказалось наименьшее количество различий по сравнению с ГПК РСФСР. Всего 7, т.е. в 9 (!) раз меньше, чем в ГПК Грузинской ССР. Сейчас сложно сказать с абсолютной достоверностью и уверенностью, что именно было причиной данного факта. Остается только предполагать. К примеру, это можно объяснить отсутствием достаточной кадровой базой в лице юристов-профессионалов – представителей коренного населения, а также отсутствием удовлетворительного терминологического аппарата на кыргызском языке и соответственно юридического языка, что заставляло лиц, разрабатывавших проекты кодексов двигаться по пути наименьшего сопротивления. Но как бы убедительно не выглядели эти предположения, они всего лишь предположениями. Однако вполне уверенно можно констатировать два обстоятельства.

Во-первых, то, что Гражданский процессуальный кодекс Киргизской ССР просуществовал именно в таком виде до самого распада Советского Союза и, в конце концов, стал основой для всех последующих гражданских процессуальных кодексов.

Во-вторых, то, что длительная практика использования и заимствований законов из ГПК РСФСР при сохранении прочих условий не могла не наложить известный отпечаток на способы формирования новых законов и кодексов, сложившуюся в определенную тенденцию, выражающуюся в относительно частом заимствовании в первую очередь у РСФСР тех законов, которые в целом не противоречат правовой и прочей реальности в Кыргызстане. Такой способ формирования собственных законов неизбежно приводит к тому, что законотворчество сводится главным образом к анализу законов других

государств и возможности их применения на территории Кыргызстана, а затем, если заимствование происходит, адаптации его к собственной реальности. Данный способ при всех его неудобствах и недостатках на деле оказывается достаточно эффективным и оправданным при отсутствии развитой кадровой базы, достаточного количества высококвалифицированных специалистов-юристов, мощной системы образования, достаточных материальных и финансовых ресурсов и т.д. Мы указывали в предшествующих разделах нашего исследования, что одним из решающих факторов, повлиявшим на формирование правовой культуры кыргызов, был количественный фактор, который ярко проявлялся в советское время.

Очевидно, что первый ГПК Киргизской ССР, определенным образом отражал достигнутый к моменту его принятия уровень развития гражданского процессуального права как в Советском Союзе, так и в Кыргызстане. В нем сохранились все те элементы и положения, которые обнаружили свою эффективность в судебно-процессуальной и прокурорской надзорной практике. С другой стороны, в него были включены ряд новых моментов, учитывающих национальную специфику в судопроизводстве, выдвинутых судебной практикой и теорией, самой жизнью. Наличие различий в ГПК Российской Федерации и союзных республик, как указывала в свое время Л.Ф. Лесницкая, было обусловленное рядом местных особенностей – помимо национальных, культурно-бытовых и административно-территориальных различий, сложившейся в республиках судебной практикой. Эти различия обуславливали естественное несходство в языке судопроизводства, а также в сроках рассмотрения дел и обжалования решений, в системе судебных органов, рассматривавших дела в кассационном и надзорном порядке [128, с. 5].

Как уже указывалось ранее, до того, как были приняты Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы Киргизской ССР 1965 года, на территории республики действовали кодексы РСФСР.

Гражданский процессуальный кодекс Киргизской ССР 1965 года включал в себя 6 разделов. Статьей 1 ГПК предусматривалось, что в судах Киргизской ССР порядок производства по гражданским делам определяется республиканским ГПК.

Законодательством о гражданском судопроизводстве был установлен порядок рассмотрения дел по спорам, которые возникали из гражданских, семейных, трудовых, колхозных и административно-правовых отношений, а также дел особого производства, которые должны были рассматриваться по общим правилам судопроизводства за отдельными изъятиями, которые были установлены ГПК и прочими законами Киргизской ССР. Новые законы содержали положения в сфере, регулировавшей личные и имущественные отношения. Защита гражданских прав заинтересованных лиц, в соответствии со ст. 6 ГПК, возлагалась не только на суды, но также на товарищеские суды, профсоюзные и иные общественные организации, что было новой формой разрешения спорных вопросов.

Статьей 4 ГПК Киргизской ССР были установлены основы гражданского судопроизводства. В данной статье также закреплялось положение о том, что любое заинтересованное лицо имеет право в установленном законом порядке обращаться в суд, чтобы защитить нарушенное или оспариваемое право или охраняемые законом интересы, если же заинтересованное лицо не обратится за защитой в суд, то возбудить гражданское дело в суде будет невозможно [205, с. 3].

В результате принятых мер предъявлением иска возбуждались дела, возникавшие в первую очередь из гражданских правоотношений, которые, будучи имущественными в своей основе, характеризовались равенством правового положения субъектов, а также тем, что у одной из сторон отсутствовала власть по отношению к другой [205, с. 5]. Иском, наряду с делами, возникавшими из гражданских правоотношений, могли возбуждаться также дела, которые возникали из семейных, трудовых, колхозных и административных правоотношений.

После того, как заявление принималось, судья в соответствии со ст. 142 ГПК Киргизской ССР мог приступить к подготовке дела к судебному разбирательству с целью обеспечить своевременное и правильное разрешение дела. Как считают некоторые исследователи, уточнение спорных материальных правоотношений на стадии, когда гражданские дела подготавливались к судебному разбирательству, способствовало выявлению в необходимой мере их субъективного состава, определению объема субъективных прав и обязанностей всех участников, установлению предмета доказывания и осуществлению юридической квалификации самого правоотношения [125, с. 146]. Данный вывод возник в результате анализа прежнего Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 года, а именно п. «в» ст. 80, из содержания которого следовало, что в кодексе не предусматривалась подготовка в качестве обязательной меры по каждому гражданскому делу [125, с. 142]. Как нам представляется, отсутствие подготовки наряду с некачественным ее проведением необходимо оценивать как серьезное нарушение требования соблюдения процессуальной формы.

Следует обратить внимание на то, что по вопросу, связанному с подготовкой гражданских дел, на тот момент также существовали различные мнения. Так, П.В. Логинов считал, что судья уже на стадии приема искового заявления имел возможность безотлагательного назначения дня слушания дела и что подготовка могла проводиться даже после того, как дело было назначено к судебному разбирательству, когда в наличие была уверенность, что проведение подготовительных мер не потребует слишком много времени и ко дню, когда назначено слушание дела, они будут проведены [129, с. 14]. Н.И. Авдеенко, исходя из предположения, что действия суда, связанные с подготовкой дел к слушанию и взятые в совокупности, образуют необходимую и самостоятельную стадию, высказал свой взгляд, что действия судьи, входящие в содержание подготовки дела к судебному разбирательству, не составляют правосудия [49, с. 51–52]. По мнению же А.Ф. Клеймана и А.А. Добровольского, подготовка может осуществляться вплоть до того, как в

судебном разбирательстве спор будет окончательно разрешен [248, с. 170–171]. Противоположного мнения придерживался Б.Н. Лапин, который, ссылаясь на норму закона, а именно ст. 143 ГПК РСФСР, указывал на то, что стадия подготовки дела фактически заканчивается после того, как оно назначено к разбирательству в судебном заседании, и все последующие действия неправомерно считать подготовкой, поскольку дело переходило фактически уже в новую стадию процесса, границы которой были четко определены законом [125, с. 151].

В ГПК Киргизской ССР основное внимание было обращено на предоставлении правовых гарантий правосудия по гражданским делам. В ст.ст. 17, 30 ГПК достаточно подробным образом представлены все вопросы, связанные с деятельностью суда и участников процесса при рассмотрении гражданских дел. В кодексе предусматривались нормы, предусматривавшие усиление роли общественности в деле защиты гражданских прав и интересов, разрешении гражданско-правовых споров, предупреждении гражданских правонарушений и укреплении правопорядка. Так, в ст. 43 ГПК были установлены правила, по которым можно было привлечь лиц, представляющих общественные организации и коллективы трудящихся, к участию в судебном разбирательстве гражданских дел, была предусмотрена возможность возбудить гражданские дела по инициативе общественности. В данной связи заслуживает внимания то обстоятельство, что общественная организация была вправе обратиться в суд с целью защиты прав ее члена. К примеру, профсоюз, не давая объяснений работодателю, а также повода завязать ему конфликт с работником, был вправе защищать его права, даже не располагая его жалобой, т.е. демонстрация волеизъявления защищаемого работника по закону не требовалась.

Охрана трудовых прав граждан была одной из главных задач ГПК, и для ее выполнения статьей 411 устанавливалось, что если администрация предприятия, учреждения или организации не исполнила решения суда о восстановлении работника на рабочем месте, суд должен был вынести

определения о взыскании в его пользу компенсации за вынужденный прогул за период, который рассчитывается с того момента, как было принято решение до дня, когда это решение было исполнено, причем убытки, понесенные в результате этой выплаты, можно было взыскать с должностного лица, который был виновен в том, что суд не исполнил решение о восстановлении на работе.

Для того чтобы правильно осуществить классификацию участников процесса, аналитики, занятые данной проблемой, высказывали различные взгляды на имевшиеся на тот момент в науке о гражданском процессуальном праве основания классификации участников правоотношений. Так, Н.Б. Зейдер придерживался мнения, что все субъекты правоотношений, за исключением суда, могут быть разделены на две большие группы согласно их целей и положению в деле, когда первую группу образуют заявитель, жалобщик, третьи лица, прокурор и лица, представляющие государственные органы, а вторая группа состоит из свидетелей, экспертов, переводчиков и представителей общественности [100, с. 29]. По мнению же Н.А. Чечиной, субъектов гражданского судопроизводства следует разбить на три группы по критерию интереса, или, другими словами, по тому, чьи интересы эти субъекты представляют в деле, а именно: лица, которые защищают в процессе собственные права, и образуют группу субъектов спорных материальных правоотношений; лица, которые участвуют в деле, защищая общественные и государственные интересы; и, наконец, лица, которые привлекаются в процесс для того, чтобы содействовать правосудию [192, с. 19–20].

Следует отметить, что в основу ГПК была положена конструкция искового производства, и при этом структурное обособление получили исковое производство, производство по делам, которые возникали в системе административных правоотношений, и, наконец, особое (бесспорное) производство.

К юрисдикции гражданских судов, в рамках существовавшей на тот момент модели гражданского процесса, законодатель отнес дела, связанные со спорами о праве, со спорами, возникавшими по причине административно-

правовых отношений, и дела особого производства, т.е. дела, которые не были связаны с разрешением споров о праве. Дела по спорам при этом законодатель были отнесены к компетенции суда для тех случаев, если обе или во всяком случае одна из сторон в споре была представлена гражданином. Дела же, которые возникали из административно-правовых отношений, а также дела особого производства, были представлены во втором разделе Кодекса.

К делам, которые возникали из административно-правовых отношений, законодатель отнес ряд дел: по жалобам, связанным с допущенными неточностями в списках граждан, допущенных к участию в референдуме, и в списках избирателей; по жалобам на действия и решения, принятые Центральной и окружной избирательных комиссий, и заявлениям, связанным с отменой решений Центральной избирательной комиссии; по заявлениям, связанным с отменой решения окружной избирательной комиссии о регистрации кандидата в народные депутаты и др. То, каким образом организовывалось и формировалось производство по таким делам в структуре гражданского процесса, естественным образом отражало особенности реализации в системе законодательства административной юстиции, осуществлявшейся в рамках гражданского процесса.

Дела особого производства согласно законодательства составили дела: о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным; о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим; об усыновлении детей, проживающих на территории республики, и др. Характерной чертой производства по таким делам было то, что спор о праве в его пределах не разрешался. Следует сказать, что введение в структуру гражданского процесса дел особого производства в определенной мере отражало традицию, восходившую к римскому праву, которое в свое время выделяло спорное искомое судопроизводство и бесспорное добровольное.

Исследование процессуальных особенностей, связанных с рассмотрением и разрешением гражданских дел, осуществлялось в двух

направлениях, первое из которых – исследование соотношения между общими процессуальными нормами, содержащимися в ГПК РСФСР и остальных союзных республик, со специальными процессуальными нормами, которые были включены в не процессуальные нормативные акты, второе направление было связано с анализом норм материального права, подлежащих применению, по каждому конкретному гражданскому делу [250, с. 5]. Дела особого производства рассматривались в тех случаях, когда законодателем на суд возлагалась не свойственная ему функция, связанная с установлением обстоятельств без разрешения спора о праве, причем, согласно закону, установить юридические факты обязан был судья, имевший особый правовой статус субъекта судебной власти, и форма гражданского процесса распространялась при этом на процедуру производства этих дел. Все это вместе взятое дает основание охарактеризовать описанное производство как достаточно специфичное явление, которое, по сути, было ничем иным, как заменителем судебного производства.

Законодателем в ГПК Киргизской ССР 1965 года было предусмотрено в качестве неотъемлемого и не ограничиваемого права право обращаться в суд за судебной защитой.

Принцип национального языка судопроизводства, зафиксированный в ст. 159 Конституции СССР, нашел отражение в ст. 9 ГПК Киргизской ССР.

Следует, однако, признать особую роль русского языка в реальном воплощении принципа национального языка судопроизводства при наличии фактического равенства языков всех национальностей, населявших Кыргызстан. Эта особая роль и значение, сохраняющиеся и в настоящее время, в сфере судопроизводства определялись и определяются многонациональным составом населения, проживающим в республике [159, с. 141].

Помимо принципа национального языка судопроизводства в ГПК Киргизской ССР нашли отражение и иные принципы, призванные защищать основополагающие права тех, кто был вовлечен в гражданское судопроизводство: принцип осуществления правосудия исключительно судом

(ст. 6); независимости судей (ст. 8); гласности судебного разбирательства (ст. 10); законности в судебной деятельности (ст. 11); диспозитивности (ст. 5, 103 и др.); состязательности (ст. 30 и др.) и др.

ГПК Киргизской ССР 1965 года не избежал ряда недостатков, унаследованных им из предшествующего законодательства и обусловленных главным образом тем, что над процессом кодификации гражданского процессуального законодательства довлела политическая составляющая государства, и в результате социалистические принципы и идеи определили в целом характер и в определенной мере структуру гражданского процесса.

Основные черты советского гражданского процессуального права, обусловленные его социалистической природой, которая в свою очередь отражала монополию государства на собственность и Коммунистической партии на власть, сводились к тому, что:

- судебные инстанции были сформированы таким образом, чтобы соответствовать трехуровневой системой судов;
- был создан единый процесс в первой инстанции;
- институт народных заседателей получил всеобщее распространение в стране;
- фигура прокурора была вовлечена в активное участие в правовых спорах;
- деятельность и сама фигура адвоката была оттеснена на второй план;
- деятельность судей приобрела несколько избыточный характер, что привело к тому, что право сторон на распоряжение было оттеснено на второй план;
- при выяснении объективной истины активно использовался социалистический «принцип разбирательства»;
- была создана одноступенчатая система апелляции, которая исключала пересмотр как форму обжалования решения суда во второй инстанции;
- был введен юридический институт протеста на предмет законности.

Воплощение в реальность данной модели гражданского процесса проявлялась главным образом в его принципах, за основу классификации которых, по мнению М.А. Гуревича, следовало брать объект регулирования. Сам он выделил две основные группы принципов общего характера и значения: во-первых, принципы, которые определяли, по его словам, социалистический демократизм советского гражданского процесса и выражали законность в процессе в ее самом общем смысле и содержании; во-вторых, принципы, на основе которых регулировались отдельные стороны процесса: формировался процессуальный материал; образовывалась форма обращения суда с участниками процесса и то, каким образом суд должен был воспринимать процессуальный материал, способ восприятия) [247, с. 17].

В юридической литературе с точки зрения оснований рассматриваемой классификации принципы гражданского судопроизводства систематизировались следующим образом:

– принципы гражданского процессуального права, представленные в Конституции, или конституционные принципы (ст.ст. 151, 152, 154, 155, 156, 157, 159, 162 Конституции СССР);

– принципы, представленные в Основах гражданского судопроизводства (ст.ст. 2, 5, 6, 24, 16, 37, 45 ГПК СССР)[245, с. 17].

Концентрация внимания на принципах диспозитивности и состязательности, закрепленных специфическим образом в Гражданском процессуальном кодексе, была обусловлена тем, что, учитывая опыт кодификаций, отказ от социалистической трактовки диспозитивности и состязательности был наиболее трудной задачей, практически невозможен. Принцип диспозитивности, опиравшийся на Конституцию (см.: ч. 2 ст. 57; ч. 2 ст. 58, а также ст. 37 Конституции СССР), признавался в качестве движущего начала социалистического гражданского судопроизводства [211, с. 36].

Эти принципы закреплялись в кодексе в соответствующей правовой форме, которая сущностное и концептуально была согласована с официальной идеологией, которая формально исходила из принципа единства интересов

государства и общества и интересов личности, который дополнялся требованием выявления объективной истины как одной из основных целей гражданского судопроизводства. Содержание и суть принципа объективной истины, согласно ст. 16 Основ, состояли во всестороннем, полном и объективном выяснении действительных обстоятельств дела, а также прав и обязанностей сторон. При этом под всесторонностью понимался охват всей совокупности вопросов, касавшихся прав и интересов обеих сторон спора, полнота заключалась в привлечении всего круга обстоятельств и всех материалов, имевших отношение к делу, объективность же предполагала в первую очередь то, что выводы суда непременно должны быть подкреплены и обоснованы объективными данными и что суд беспристрастно и добросовестно отнесется к обстоятельствам дела и интересам спорящих сторон [233, с. 30–31]. Необходимость включения всех указанных элементов в содержание принципа объективной истины была отражена в том числе в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» [272, с. 11] от 30 декабря 1974 года, а также в опорных статьях ГПК.

Согласно ст. 5 суд мог начать рассмотрение гражданского дела в случаях, когда поступало заявление от: лица, которое обращалось за защитой своих прав или охраняемых законом интересов; прокурора; органов государственного управления, государственных учреждений, профсоюзов, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, а также от отдельных граждан в случаях, если согласно закону они могли обратиться в суд с целью защитить права и интересы других лиц.

В ст. 15 была прописана обязанность суда по принятию им всех предусмотренных законом мер, чтобы всесторонне, полно и объективно выяснить действительные обстоятельства дела, права и обязанности сторон, не ограничиваясь при этом представленными в суд материалами и объяснениями. Суд вменялось разъяснение участвующим в деле лицам их прав и обязанностей, предупреждение о последствиях совершения или не

совершения процессуальных действий и оказывание лицам, участвующим в деле, содействия в реализации их прав.

Статьей 30 каждой стороне предписывалось доказательство тех обстоятельств, на которые она ссылалась в качестве основания своих возражений и требований. Доказательства должны были представляться сторонами и другими лицами, участвовавшими в деле. Если представленных доказательств было недостаточно, суд должен был предложить сторонам и иным лицам, вовлеченным в дело, предоставить суду дополнительные доказательства либо они могли сделать это по своей инициативе. Статьей 50 было предусмотрено, что доказательства – это «любые фактические данные», которые служат для установления судом наличия или отсутствия обстоятельств, которые имеют значение для дела [251, с. 68]. Как известно, судебное доказывание составляет важнейшую часть судебной деятельности, той основой, на которой суд осуществляет реализацию права с достоверно установленными фактическими данными, обстоятельствам. Оно представляет собой мыслительную, умственную и процессуальную деятельность. Статьей 51 ГПК определялось, кто должен был заниматься доказыванием, что и с помощью каких средств необходимо было доказать. Несмотря на все вышеперечисленные моменты, в советской юридической литературе существовали разногласия в определении судебного доказательства [207, 175, 113].

Несмотря на очевидное позитивное значение ГПК Киргизской ССР 1965 года, ознаменовавшего собой новый этап в развитии процессуального права в Кыргызстане, кодекс, помимо уже указанных недочетов, обладал и другими недостатками. Так, законодателем не были произведены последующие системные преобразования кодекса, которые могли бы быть направлены на дальнейшее развитие и углубление принципа состязательности и оптимизацию гражданского процесса. Те же незначительные изменения, которые были в дальнейшем внесены в кодекс, не оказали сколько-нибудь существенного влияния на судебную практику, поскольку в кодексе не был

решен в духе состязательности ряд вопросов, связанных с последствиями явки (неявки) сторон, непредставлением ими доказательств, с основаниями отмены судебных решений и др. Все это обусловило тот факт, обстоятельство, что цель гражданского судопроизводства и стремление законодателя ввести официальное доказывание в определенные границы постоянно вступали в определенное противоречие.

В ГПК законодателем было уделено достаточно большое внимание вопросу участия органов прокуратуры в процессе. Полномочия прокурора, вовлеченного в судебное рассмотрение дел, были определены гражданским процессуальным законодательством Киргизской ССР. Статьями 13, 42 ГПК Киргизской ССР предусматривалось, что:

- прокурор вправе обращаться в суд с заявлением с целью защиты прав, свобод и законных интересов граждан и интересов государства;

- прокурор мог подать заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина лишь в тех случаях, когда последний не мог самостоятельно обратиться в суд по причине здоровья, возраста, недееспособности и прочим уважительным причинам.

Прокурор, будучи представителем государства, уполномоченным следить за неукоснительным исполнением законов и, в целом, осуществлением законности, рассматривая гражданские дела, должен был реализовывать в гражданском судопроизводстве свои полномочия в независимой форме, подчиняясь исключительно закону и руководствуясь при этом указаниями Генерального прокурора СССР.

Пересмотр решений суда первой инстанции с участием прокурора мог осуществляться, согласно ГПК, в нескольких формах, а именно: пересмотр, осуществляемый в связи с заявлением заинтересованных лиц либо представлением прокурора, судебных решений, которые не вступили в законную силу в кассационном порядке; пересмотр, осуществляемый в связи с протестами должностных лиц суда и прокуратуры, в порядке судебного надзора решений, которые не вступили в законную силу; пересмотр,

осуществляемый в связи со вновь открывшимися обстоятельствами и в связи заявлением заинтересованных лиц и представлению прокурора, судебных решений, которые вступили в законную силу. Возбуждение дела прокурором оценивалось в научной литературе в качестве неотъемлемой части высшего надзора прокуратуры и функции особого органа государства, который осуществлял надзор за законностью во всех областях государственной и общественной жизни [160, с. 119].

Статьей 118 ГПК предусматривалось право прокурора предъявления иска или вступления в дело на любой стадии процесса в тех случаях, когда требовались охрана и защита государственных и общественных интересов или прав и охраняемых законом интересов граждан.

Следует особо отметить, что Гражданским процессуальным кодексом был введен институт протеста на предмет законности судебных решений, который входил в противоречие с такими классическими институтами, как апелляция и кассация. Статьей 328 ГПК, суть которого практически в прежнем виде присутствует в современном ГПК, предусматривалось, что опротестовывание в порядке судебного надзора решений и иных актов судов, которые вступили в законную силу, вправе осуществлять Генеральный прокурор и находящиеся в его подчинении прокуроры, Председатель Верховного Суда Киргизской ССР, а также и некоторые иные должностные лица суда.

Те решения, которые были вынесены судом первой инстанции, в соответствии с законом в кассационном порядке могли быть обжалованы сторонами и иными лицами, участвовавшими в деле, в суде второй инстанции. Кассационная инстанция, уполномоченная рассматривать частные жалобы или протесты, с соответствии со ст. 320 ГПК Киргизской ССР была наделена правом:

- 1) не изменения определения и не удовлетворения жалоб или протестов;
- 2) полной или частичной отмены определения, передачи вопроса на рассмотрение в суд первой инстанции;

3) полной или частичной отмены определения полностью и разрешения вопроса по существу.

Решения, которые были вынесены Верховным Судом СССР и Верховными Судами союзных республик, не подлежали обжалованию и вступали в законную силу безотлагательно по их вынесении [176, с. 163].

Осуществляя проверку по жалобам и протестам обоснованности и законности решений, суды кассационной инстанции имели возможность устранять судебные ошибки и таким образом способствовали реализации правосудия и укрепляли законность в системе гражданских правоотношений.

8 октября 1973 года состоялся Пленум Верховного Суда СССР, на котором были представлены материалы, связанные с деятельностью судов кассационной инстанции по проверке законности и обоснованности судебных решений. После того, как материалы были изучены и обобщены, Пленумом было принято руководящее постановление «О практике рассмотрения судами гражданских дел в кассационном порядке» [312, с. 42, 64, 84]. Обобщенный опыт, представленный в Постановлении, позволял в дальнейшем совершенствовать судебную деятельность, направленную на реализацию правосудия по гражданским делам, а также единообразно и правильно решать возникающие в практике вопросы правового характера, касавшиеся проверки в кассационном порядке законности и обоснованности судебных решений. В данной связи М.А. Кабакова указывала, что право на обжалование судебных решений, обеспечивая лицам, которые участвуют в деле, возможность добиться отмены незаконных или необоснованных решений, выступал в качестве гарантии защиты их прав и законных интересов [105, с. 178]. Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что в научной литературе данный институт так и не получил надлежащего, завершеного толкования. Существовавшая на тот момент правовая доктрина, по сути, ограничилась толкованием кодекса.

Анализ научной литературы того периода позволяет утверждать, что проблемы, связанные с исполнительным производством, были исследованы в

недостаточной мере и без должного внимания, в реальной практике достаточно часто возникали проблемы, касавшиеся исполнительного производства в части, относящиеся к исполнению судебных решений. В данной связи необходимо обратить внимание на положительную роль, которую сыграл Пленум Верховного Суда СССР и союзных республик, давший своевременные разъяснения по каждому возникшему вопросу [312, с. 269, 315; 313, с. 380, 384, 385, 386; 270, с. 7; 271, с. 41; 269, с. 35].

На практике имевшиеся и возникающие проблемы, как указывали исследователи советского гражданского процесса, приводили к тому, что часто возникала необходимость применять принудительные меры для того, чтобы исполнялись судебные решения. В судебной практике имели место случаи, когда в результате необоснованного приостановления исполнения решений затягивалась на длительный срок защита охраняемых законом прав лиц, вовлеченных в гражданский процесс, в связи с чем Пленум Верховного Суда СССР настоял на правильном выполнении требований соответствующих правовых норм, регулировавших исполнение судебных решений [176, с. 218]. Анализ постановлений, принятых Пленумом, говорит в пользу того, что в помощь судебным исполнителям, занимавшимся реализацией судебных решений и приговоров, достаточно активно привлекались представители общественности и народные заседатели.

Начатая М.С. Горбачевым в 1985 году политика перестройки в 1991 году привела к стремительному падению авторитета Коммунистической партии, переходу политической инициативы к национал-сепаратистским силам и в конце концов к распаду Советского Союза, к тому, что впоследствии получило наименование парад суверенитетов бывших союзных республик. В августе 1991 года Кыргызстан был провозглашен независимым, суверенным и демократическим государством.

Итак, подведем выводы к параграфу.

1. К моменту принятия Гражданского и Гражданского процессуального кодексов, т.е. к 1964 году, в Кыргызстане, как и во всех остальных республиках

Советского Союза, произошли серьезные изменения в плане материального благосостояния населения, уровень которого был значительно выше по сравнению с первыми десятилетиями Советской власти. К момента принятия кодексов кыргызы, составлявшие большинство населения республики, при значительной внешней поддержке в целом осуществили переход к качественно новому состоянию культуры, когда проводимые государством правовые реформы могли быть не только адекватно восприняты ими, но и в дальнейшем относительно самостоятельно развиваться. В определенном отношении это было главным достижением советского периода истории Кыргызстана, если оценивать ее с точки зрения правовых преобразований. Новая кодификация советского законодательства была событием, имевшим большое политическое и культурное значение, и в первую очередь для тех союзных республик, в которых впервые за всю свою историю были приняты кодексы законов по многим отраслям права.

2. Практически основой проекта ГПК Киргизской ССР стал ГПК РСФСР 1923 года, который действовал на территории Кыргызстана вплоть до принятия нового кодекса. В исторически новых условиях прежний кодекс с каждым годом становился все более устаревшим, не только не отражая текущие реалии, но и входя с ними в явное противоречие. Таким образом, существовала острая необходимость в обновлении кодекса, обновлении устаревших норм, а также обобщении накопленного за время советской власти значительного по объему процессуально-правового опыта и материала, устранении существующих пробелов, отборе и соответствующем законодательном оформлении всего лучшего, что было выработано многолетней правосудной практикой по гражданским делам.

3. В разработке проектов Гражданского процессуального и Гражданского кодекса Киргизской ССР наиболее активное участие принимали ученые-юристы и практические работники правоохранительных органов республики, а также работники исполкомов Советов депутатов трудящихся. Кроме того,

проекты изучались и обсуждались в министерствах и ведомствах, общественных организациях и научных учреждениях. При этом сессией Верховного Совета республики подчеркивалось, что большую помощь в улучшении проектов кодексов оказали консультативная группа при юридическом отделе Президиума Верховного Совета ССР, а также крупные ученые-юристы и практические работники Прокуратуры СССР, Верховного Суда СССР и юридические комиссии при Совете Министров СССР. Было бы ошибочным, по нашему мнению, считать, что постоянная опека и вмешательство государства в процесс формирования кодексов представляли собой исключительно негативное явление. Это одно из функций и обязанностей государства. Проблема здесь в характере и степени его воздействия. В условиях советского государства они носили абсолютные черты, что, конечно, накладывало свои негативные моменты на характер развития права в СССР. Однако здесь следовало бы воздержаться от однозначно негативной оценки правовых процессов и законов в Советском Союзе.

4. Гражданский процессуальный и Гражданский кодексы Киргизской ССР были разработаны в полном соответствии и на базе Основ гражданского законодательства, а также Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик. В процессе их разработки по мере возможностей законодатель стремился учитывать национальную специфику республик, которая определенным образом сказывалась на регулировании вопросов гражданского судопроизводства и на деятельность суда при рассмотрении им гражданских дел. При этом из всех Советских республик в ГПК Киргизской ССР оказалось наименьшее количество различий по сравнению с ГПК РСФСР, что отчасти можно объяснить отсутствием достаточной кадровой базой в лице юристов-профессионалов – представителей коренного населения, а также отсутствием удовлетворительного терминологического аппарата на кыргызском языке и соответственно юридического языка, что заставляло лиц, разрабатывавших проекты кодексов двигаться по пути наименьшего

сопротивления.

5. Первый ГПК Киргизской ССР естественным образом отражал достигнутый к моменту его принятия уровень развития гражданского процессуального права, как в Советском Союзе, так и в Кыргызстане. В нем сохранились все те элементы и положения, которые обнаружили свою эффективность в судебно-процессуальной и прокурорской надзорной практике. ГПК 1965 года просуществовал в таком виде до самого распада Советского Союза и стал основой для всех последующих гражданских процессуальных кодексов.

Практика использования правового анализа законов других зарубежных государств направлял на способы формирования новых законов и кодексов, сложившуюся в определенную тенденцию, выражающуюся в которых целом не противоречит правовой и прочей реальности в Кыргызстана. Такой способ формирования собственных законов с необходимостью привел к тому, что законотворчество сводилось в дальнейшем образом к анализу законов других государств и возможности их применения на территории Кыргызстана.

Глава 4. СОЗДАНИЕ ОСНОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУВЕРЕННОЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

4.1. Преобразования гражданского процессуального законодательства и судопроизводство Кыргызской Республики в период с 1991 по 1999 гг.

31 августа 1991 года Декларацией Верховного Совета Кыргызской Республики Кыргызстан был провозглашен суверенной, и с этого момента начинается новый этап в его истории. Однако выход на этот новый этап истории вовсе не означал, во-первых, автоматического исчезновения прежних проблем, и, во-вторых, вслед за образованием суверенного государства к старым проблемам присовокупились новые, обусловленные, в частности, объективными трудностями реорганизационного периода. Кыргызстан должен был строить новый общественный порядок, основывающийся на разнообразии форм собственности, рыночных отношениях и других ценностей, нового гражданского общества. Но Кыргызстан не обладал опытом, во всяком случае, в достаточной мере, и самое важное, общекультурными предпосылками, что, по нашему мнению, было и остается основным противоречием и одновременно трудностью, которую сложно преодолеть немедленно.

Советский период в истории кыргызского народа отличался чрезвычайным динамизмом. Именно в это время были предприняты наиболее плодотворные усилия, направленные на преодоление трудности кыргызского народа, обусловленной ее цивилизационной спецификой, попытки модернизировать общество. И эти попытки далеко не во всем были безуспешными. Более того, процесс модернизации кыргызского традиционного общества зашел настолько далеко, что приобрел необратимый

характер. Именно благодаря данному обстоятельству строительство гражданского общества в Кыргызстане после распада СССР стало в принципе возможным. Отметим в данной связи, что современное гражданское процессуальное законодательство и судопроизводство в большинстве постсоветских республик, в том числе в Кыргызской Республике, формируется таким образом, чтобы в наибольшей мере соответствовать требованиям развитого гражданского общества.

Советское государство, активно и целенаправленно проводившее политику индустриализации, нанесло значительный удар по кыргызскому традиционализму, однако процесс советской модернизации не был завершен. В результате кыргызский этнос оказался в промежуточном состоянии, в котором инновационные элементы не получили явного преобладания над традиционными. Соответственно, и гражданское общество в современном Кыргызстане находится в состоянии своеобразной промежуточности.

В советское время Россия выступала в качестве доминирующей внешней силой, которая не только задавала направление и определяла характер развития Кыргызстана, но и оказывала значительную поддержку – материальную, финансовую и кадровую – всем реформационным процессам, сама же иницируя их. В условиях же суверенитета Кыргызстан был лишен такой поддержки.

В целом советская система, как уже говорилось выше, смогла запустить механизм модернизации Кыргызстана, но она не смогла довести ее до конца. С другой стороны, при всей своей незавершенности советская модернизация зашла настолько далеко, чтобы Кыргызстан мог отстаивать свои интересы, связанные в основном с современными устремлениями экономической, политической, правовой и культурной жизни. Мы уже указывали в предшествующих разделах нашего исследования, что количественный фактор оказывал ранее значительное влияние на формирование правовой культуры кыргызов. Но в разные эпохи данный фактор срабатывал различным образом.

Современная политическая, социально-экономическая и культурная

реальность меняется настолько быстро, что правовая система зачастую отстает от нее. Законодатель в современном Кыргызстане, не должен «изобретать велосипед», доказывая, таким образом, политическую и правовую суверенность государства. Его задача сводится к своевременной разработке необходимых законов, которые затем должны эффективно притвориться в жизнь, учитывая местную культуру и правовую специфику. Кроме того, политическая, социально-экономическая и культурная реальность других государств должны совпадать с особенностями нашего государства. Такое совпадение или даже простая схожесть делает возможным определенные правовые анализы, «перетаскивание», «переноса» законов одного государства в собственную законодательную базу путем модернизации к общественным условиям.

В связи с вышесказанным следует отметить, что для нашей диссертационной работы представляет интерес анализ и исследование проблем, связанных с эффективностью судопроизводства в Российской Федерации, которые были проведены группой ученых, представлявших Институт гражданского анализа и Институт национального проекта «Общественный договор» [209]. Исследование аналогичного характера в Кыргызстане не проводились, во всяком случае, официально. Однако после того, как нами была исследована повседневная практика судов Кыргызской Республики, мы пришли к обоснованному заключению, что те же проблемы вполне характерны и для нашей страны.

Распад Советского Союза привел к кардинальному изменению ситуации на всем теперь уже постсоветском пространстве, затронув практически все сферы государственной и общественной жизни. Перед новообразовавшимися государствами в одночасье стал ряд трудноразрешимых задач, в том числе в системе права: предстояло привести всю систему права и законодательство в соответствие с совершенно новой политической и социально-экономической реальностью; необходимо было изменить основы конституционного строя; создать принципиально новые отношения в системе государственной власти;

отразить новую роль суда в формирующемся гражданском обществе и т.д. Словом, предстояло создать во многих отношениях новую правовую систему, которая, с одной стороны, должна была отразить в свойственной ей форме изменившуюся реальность, а с другой – придать этой реальности устойчивость, организованность, упорядоченность, легитимность.

24 августа 1991 года Верховный Совет Киргизской ССР принял постановление «О провозглашении суверенитета Кыргызстана», в котором указывалось, в частности, что на территории Кыргызстана имеют силу исключительно Конституция и законы республики. Данная формула означала ничто иное, как то, что впредь правовая база будет формироваться с опорой исключительно на национальное законодательство. В этом же году был принят Закон Кыргызстана «О действии международных договоров на территории Кыргызстана» от 10 декабря 1991 года. В нем утверждался приоритет общечеловеческих ценностей и общепризнанных принципов международного права, заключенных и ратифицированных Кыргызстаном международных договоров, которые с принятием Закона становились неотъемлемой частью национального законодательства республики и должны были применяться в порядке, который был предусмотрен для норм национального законодательства.

Было вполне закономерным то, что первоочередной задачей, имевшей принципиальный характер, стала разработка новой Конституции республики, принятие которой должно было утвердить новые политические и социально-экономические условия, а кроме того, демократическую ориентацию государства и демократические ценности. Конституцией должны были быть установлены система государственных органов, их компетенция, порядок формирования, определен характер их взаимоотношений.

Конституцией КР., принятой 5 мая 1993 года [2], был определен характер и направление дальнейшего развития гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства страны. Существовала острая необходимость устранения противоречий, возникших между

социально-экономической, политической и правовой реальностью и идеями и нормами, которые были провозглашены в Конституции и заложены в основу существовавшего на тот момент гражданского процессуального законодательства. Так, к примеру, если согласно ст. 15 Конституции государство признавало и провозглашало человека, его права и свободы высшей ценностью, то в соответствии со ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР от 30 июля 1964 года на первом плане находилась защита государства. В п. 3 ст. 85 Конституции был закреплён принцип состязательности в судопроизводстве, в то время как в действовавшей в тот период редакции ГПК, а именно в ст. 15 были закреплены и обладали приоритетом в гражданском процессе следственные начала и т.д. [264, с. 121]. Указанные и многие иные противоречия стали объективной основой для кардинального преобразования гражданского процессуального права республики. Тем не менее разработка и принятие обновленного Гражданского процессуального кодекса, являющегося его основным источником, затянулось в силу различных причин вплоть до 1999 года. Наиболее важными из них были, на наш взгляд, следующие:

1. Традиционно практически во всех государства наиболее ускоренным образом развивались отрасли материального права, что, по мнению ряда специалистов, обусловлено тем, что на деле процессуальные отрасли права являются формой воплощения в жизнь материальных отраслей, что, собственно, и определяет второстепенную роль, своего рода производную юридического процесса по отношению к нормам материального права [262, с. 25]. Соответственно, в Кыргызстане по причине того, что право имеет системный характер, принятие проекта ГПК, естественно, не могло состояться раньше, чем были приняты ключевые регулятивные законы. И единственное, что можно было реально сделать в этом направлении, это максимально сократить временной промежуток в их разработке и принятии. Однако и это удалось сделать в недостаточной мере. Так, Гражданский кодекс КР вступил в действие с 8 мая 1996 года, в то время как ГПК КР оставался без каких-либо

изменений, с прежней терминологией и концептуальным подходом, что во многом обесценило попытки законодателей совершенствовать материальное право.

2. В реальном своем воплощении процесс осуществления реформы судебной системы имел невысокий темп и носил фрагментарный, а не комплексный характер. В качестве примера, подтверждающего данное утверждение, может служить Указ Президента КР. «О некоторых организационных мерах по ускорению судебной реформы в Кыргызской Республике» от 16 марта 1998 года, дата принятия которого, название и содержание свидетельствуют о сказанном. В тексте Указа закреплялось, что «высшие органы судебной власти неоправданно длительное время не используют возможности конституционного реформирования. Законопроектная работа по реформированию судебной системы и судопроизводства ведется непоследовательно, что является следствием отсутствия у высших органов судебной власти единых подходов по осуществлению судебной реформы». Характерно, что даже год спустя ситуация не претерпела серьезных изменений. В Указе Президента КР. «О мерах по дальнейшему развитию системы правосудия Кыргызской Республики» от 2 июня 1999 года отмечалось, в частности, что «реализация задач судебной реформы не приобрела требуемой целенаправленности и последовательности».

3. Вопреки всем своим изъянам, имевшим объективную природу, обусловленную советской, политической и социально-экономической системой, тем не менее, ГПК Киргизской ССР 1964 года отличался достаточно высоким уровнем научной проработанности, логичной и строгой взаимосвязанностью составных его частей, тщательной регламентацией судопроизводства и относительно высокой профессиональной законодательной техникой, что объясняется той основательностью и серьезностью, с которыми множество законодателей подошло к разработке данного юридического документа. Очевидно, что во многом благодаря

указанным фактам ГПК Киргизской ССР 1964 года еще сравнительно долго оставался на деле неизменным и в таком виде вполне смог, как показала реальная практика, достаточно эффективно обслуживать интересы общества и государства.

4. Практически до самого распада СССР гражданское процессуальное судопроизводство во всех советских республиках, в том числе, разумеется, в Кыргызстане, не играло ключевой роли в защите прав, свобод и интересов граждан. По сути, оно использовалось партийными и советскими органами как дополнительный инструмент, позволявший разрешать гражданские споры и конфликты, когда на рассмотрение в суд попадали только те дела, которые могли быть разрешены лишь с использованием судебного механизма, к примеру, при разделе наследства, расторжении брака и т.д. Однако поскольку правовая культура подавляющей массы граждан Кыргызстана за относительно короткий исторический срок не могла выйти на совершенно новый по сравнению с дореволюционным уровень, многие из них не рассматривали суд как единственный орган, в который мог решить их проблемы и различные споры. Данное обстоятельство также предоставляло возможность перенести осуществление судебной реформы на более поздний срок. Фактами, определенным образом подтверждающими приведенные нами утверждения, могут служить следующие статданные республиканского Судебного департамента: в 1990 году в районные суды для рассмотрения дел по первой инстанции поступило 600 тысяч дел, в 1995 году – 1 миллион дел, в 1999 году – 1,8 миллион дел, 2017 году 1,5 миллион дел [267].

5. Юридическая наука, как и другие гуманитарные науки рассматриваемого нами периода, а вернее, специалисты, представлявшие ее, не стремились быть в авангарде происходящих изменений, происходивших с чрезвычайной стремительностью, и заняли, по сути, позицию выжидания, что отчасти объяснялось и тем, что для осмысления любых преобразований, тем более радикальных, требуется время, и чем глубже эти преобразования, тем, естественно, больше требуется времени.

6. Начальная стадия реформ характеризовалась тем, что была ощутимо расширена подведомственность дел судам. 21 декабря 1991 года государствами-участниками СНГ была принята Алма-Атинская декларация, в которой было заявлено об их намерении, согласно своим конституционным процедурам, предоставить гарантии выполнения ими международных обязательств, которые вытекали из соглашений и договоров, в свое время заключенных СССР. Несколько раньше, 5 сентября 1991 года, Съездом народных депутатов СССР была принята Декларация прав и свобод человека – акт, имевший обязательный характер для всех органов государства, должностных лиц и граждан. Данный акт формально гарантировал без каких-либо ограничений судебную защиту всех прав и свобод человека и гражданина, при этом была гарантирована также возможность обжаловать в суде любые действия и решения органов государственной власти и должностных лиц, нарушивших продекларированные права и свободы.

Все дела, таким образом, по спорам, связанным с защитой прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан, были отнесены к ведению судов, при этом им стали подведомственны совершенно новые категории дел, специфику рассмотрения которых не могла быть учтена ГПК 1964 года. Стремительно менявшаяся политическая и общественно-экономическая реальность требовала приведения законодательства в соответствующую новым условиям, обстоятельствам форму, изменению ее содержания, что требовало, конечно определенных затрат усилий и времени.

7. Кыргызстан, находившийся под тотальным контролем и опекой, исходящих из центра, имел весьма незначительный реальный самостоятельный опыт законотворчества, что, конечно, не могло не сказаться отрицательным образом практически на всех правовых процессах в республике. И, наконец, не следует снимать со счетов то, что Кыргызстан, как большинство республик бывшего СССР, находились в 90-е годы на стадиях становления и развития как суверенного государства.

По нашему мнению, в процессе становления новой правовой системы Кыргызстана законодатель, по сути, вынужден был пойти по пути наименьших затрат и сопротивления, а именно внося поправки в Гражданский процессуальный кодекс 1964 года, стараясь обеспечить его более полное соответствие текущим требованиям и реалиям. Примечательно, что в силу схожих условий и обстоятельств по аналогичному пути пошли многие из бывших советских республик, претерпев значительные изменения.

Например; новый российский и литовский Гражданский процессуальный кодекс был принят только в 2002 году, в Молдове – в 2003 году, в Украине – в 2004 году [264, с. 131].

До того, как был принят в 1999 году новый Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее – ГПК 1999 года или ГПК КР), процесс эволюции гражданского судопроизводства в Кыргызстане прошло, по нашему мнению, два этапа, первый из которых длился с 21 декабря 1991 года (подписание Протокола к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств) по 5 мая 1993 года (принятие на 12 сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан Конституции КР), а второй – с 5 мая 1993 года по 29 декабря 1999 года, завершившийся с принятием Гражданского процессуального кодекса КР.

Первый этап характеризуется тем, что в его пределах происходило осознание, осмысление произошедших изменений, а также того, что политическая свобода и суверенитет – это не только блага сами по себе, но и огромный груз ответственности и проблем, возникающих в связи с воплощением идеальных целей. В это время предпринимались первые шаги, направленные на создание принципиально новой правовой системы. Данный этап связан с тем, что в ГПК 1964 года вносились отдельные поправки, которые возможно было осуществить до принятия новой Конституции.

В 1992 году был принят Закон Республики Кыргызстан «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики

Кыргызстан» [41] от 3 июля 1992 года №961-ХП, в пределах которого законодатель пытался решить, в целом, две сложные задачи:

а) ужесточить спрос с соответствующих органов государства и их должностных лиц за их деятельность, направленную на реализацию прав и свобод граждан, за незаконное возложение на них тех или иных обязанностей (ст.ст. 241-1, 241-2), за неявку на судебное заседание при отсутствии уважительных причин (для этого ст. 241-6 была дополнена четвертой частью, которой предусматривалось возможное применение судами штрафных санкций по отношению к руководителям органов госуправления либо к должностным лицам, действия и решения которых подвергаются обжалованию) и неисполнение решений суда в установленный срок (законодателем была принята радикальная мера, заключающаяся в установлении за данное правонарушение уголовной ответственности, которая была прописана в ст. 182.4 Уголовного Кодекса КР);

б) пересмотреть по причине значительной инфляции, поразившей на то время страну, размеры штрафов, которые налагались на участников процесса, в сторону их увеличения в 5 и более раз, а именно вместо 10 – 300 рублей, вместо 30 – 500 рублей, вместо 200 – 1000 рублей.

Принятие Закона Республики Кыргызстан «О внесении изменений в Гражданский процессуальный и Гражданский кодексы Республики Кыргызстан»[40] от 18 декабря 1992 года №1095-ХП было обусловлено тем, что фактически прекратила свое существование коллективная форма хозяйствования, характерная для советской экономической системы. В данный Закон, а именно в ч. 1 ст. 26 были внесены соответствующие изменения, и в результате из-под ведения судов были выведены дела по спорам, которые возникали в системе колхозных правоотношений. С исчезновением колхозов естественным образом исчезли как субъекты гражданских процессуальных правоотношений сами колхозы, а также межколхозные объединения и государственно-колхозные предприятия и организации. Исчезновение колхозов сопровождалось возникновением нового

участника правоотношений в лице государственных налоговых инспекций всех уровней, которые согласно ст. 89, дополненной пунктом 9-1, были включены законодателем в перечень освобожденных от уплаты судебных издержек в доход государства.

Второй этап, как уже указывалось, охватывает период с 5 мая 1993 года по 29 декабря 1999 года и завершается с принятием ГПК КР.

В новую Конституцию КР от 5 мая 1993 года как одно из положений, составляющее основу конституционного строя государства, был введен принцип разделения государственной власти, получивший закрепление в ст. 7, на законодательную, исполнительную и судебную ветви, что естественным образом повысило роль суда и судебной системы в целом. В соответствии с п. 2 ст. 15 на правосудие как одна из основных его задач была возложена защита прав и свобод человека. В ст. 85 как один из основных принципов судопроизводства был прописан принцип состязательности. Принятие Конституции, таким образом, ознаменовало начало нового этапа в эволюции права и законодательной системы Кыргызстана, с одной стороны, и гражданского процессуального законодательства – с другой.

1. Законом КР «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Кыргызской Республики»[282, ст. 84]от 11 января 1994 года №1371-ХПбыли внесены принципиальные изменения в ст. 7 ГПК 1964 года. До внесения изменений гражданские дела во всех судах первой инстанции рассматривались судьей и двумя народными заседателями, что, по всей видимости, давало основание называть статью «Участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел». Внесенные изменения позволили закрепить принцип, позволяющий сочетать единоличное и коллегиальное рассмотрение гражданских дел в судах первой инстанции, при этом статья получила новое название – «Состав суда при рассмотрении гражданских дел и коллегиальность в осуществлении правосудия». Законодатель, таким образом, попытался найти оптимальное или во всяком случае приемлемое

соотношение, пропорцию единоличного и коллегиального начал при рассмотрении гражданских дел. Попытки внедрить новый подход к осуществлению правосудия привели и к иным, помимо указанных, изменениям и дополнениям в ГПК 1964 года, а именно:

– была дополнена ст. 24 ГПК 1964 года положением, позволившим определять порядок разрешения отвода, заявленного судьей, рассматривающего дело единоличным порядком, при этом отвод стал разрешаться этим же судьей;

– в ряд статей ГПК 1964 года были внесены поправки, связанные с тем, что слово «суд», стоящее в различных падежах, было дополнено словом «судья», стоящим в соответствующих падежах (например, ст. 98 после слова «судом» дополнена словами «или судьей»);

– в ст. 114 ГПК 1964 года была внесена часть вторая, в которой указывался перечень дел, которые судья мог рассматривать единолично, и др.

2. Одна из важных новелл гражданского процессуального законодательства связана с изменением роли прокурора в гражданском процессе. Советской прокуратурой осуществлялась функция прокурорского надзора за соблюдением законов судом, а также лицами, участвовавшими в деле в гражданском судопроизводстве. При этом прокурор имел серьезный статус, значительность которого была обусловлена тем, что он был наделен правом возбуждения любого гражданского дела, вступления в любое гражданское дело по своему усмотрению, истребования любого дела, внесения протеста на любое судебное постановление независимо от того, участвовал ли он в деле. Кроме того, некоторые категории дел, установленные законодателем, подлежали рассмотрению судами только при обязательном участии прокурора. Такой порядок характеризовался значительной зависимостью судей и судов от партийных органов и органов исполнительной власти, что, конечно, было совершенно несовместимо с принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

13 ноября 2000 года Законом КР «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» за №85 были приняты изменения в Закон КР «О прокуратуре» [34, ст. 74]. Согласно новой редакции ч. 1 ст. 28 данного закона «прокурор или его заместитель в пределах своей компетенции вправе приносить в вышестоящий суд апелляционное, частное и в порядке надзора представление на судебные акты. Помощник прокурора, прокурор управления, отдела может приносить представление по делу, в рассмотрении которого он участвовал» [25].

Все указанные выше изменения и дополнения были внесены для того, чтобы ввести и соблюсти принцип независимости судей и подчинения их исключительно закону [2, ст. 80]., кроме того, они должны были содействовать тому, чтобы выполнялись требования закона о полном, всестороннем и объективном рассмотрении дел и постановлялись судебные решения, основанные на законе.

Однако, несмотря на вышесказанное, в дальнейшем ГПК 1964 года не подвергался дополнительным изменениям в течение почти 4 лет. И лишь Закон КР «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 7 октября 1997 года №72 [284, ст. 535] внес определенные коррективы, связанные с изменением процессуального положения прокурора. Законодатель исключил из ст. 12 ГПК 1964 года ч.ч. 1, 3 и 4, регулируемую прокурорскую деятельность, связанную с осуществлением им надзора за судебной деятельностью. Были также изменены положения некоторых статей, что позволило, в конечном счете, сузить деятельность и функции прокурора в гражданском процессе до таких пределов, которые вписывались в принципы правового государства и право сторон на судебную защиту. В частности, из ст. 187 были исключены последние слова во фразе «репликами стороны обмениваются до заключения прокурора», что уравнивало положение ответчика в процессе, и т.д.

Рассматриваемый нами закон изложил в новой редакции ст. 323 ГПК 1964 года, и в результате этого протесты прокуроров различных уровней при

пересмотре ими судебных актов, которые уже вступили в законную силу, были заменены на жалобы (правом их принесения были наделены стороны и другие лица, участвующие в деле, и их представители) и на представления (данном правомочием, помимо прокуроров, были наделены судьи судов КР). Такая замена произошла в ряде статей, при этом в некоторых статьях законодатель осуществил простую механическую замену слова «протест» в соответствующих падежных формах на слово «представление» (к примеру, ст.ст. 284,285, 286¹, 287, 288 и др.), в то время, как в ст.ст. 325–327 содержательная часть была переработана достаточно сильно:

а) если ранее согласно ст. 325 прокуроры были наделены правом истребования из судов гражданских дел для того, чтобы разрешать вопросы, связанные с наличием оснований для принесения протеста в порядке надзора, то после ввода новой редакции статьи, в последней определялся порядок подачи представлений и жалоб;

б) законодателем было предоставлено право, помимо прокуроров, приостанавливать исполнение соответствующих судебных решений до того, как окончено производство дела, в порядке надзора руководству Верховного Суда КР, в лице его председателя и его заместителя;

в) в ст. 327 взамен прежнего порядка принесения протеста законодатель установил действия суда первой инстанции после того, как им получена жалоба, представление в порядке надзора.

Но несмотря на все эти новеллы, не удалось решить все вопросы, связанные с регламентацией правового положения прокурора, не говоря уже о том, что не была решена главная проблема, обусловленная тем, что надзор прокуратуры в гражданском судопроизводстве входил в противоречие с Конституцией КР, предоставлявшей прокуратуре только право участия в гражданском процессе. Одной из обязанностей суда является охрана закона, и по этой причине осуществление надзора за его деятельностью возможно в порядке иерархии судебных инстанций или, другими словами, вышестоящим судом.

3. Положения, представленные в Законе КР «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» [283, ст. 120] от 12 марта 1998 года №19, стали логическим продолжением Закона КР от 7 октября 1997года в части, имеющей отношение к правовому статусу прокурора в гражданском процессе. Однако этими положениями вновь не было внесено ничего принципиально нового в нормотворчество, с их помощью были устранены недоработки предыдущего закона. А по сути, законодатель ограничился тем, что только изменил название ст. 13 с «Прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве» на «Участие прокурора в гражданском судопроизводстве». Кроме того, данный закон дополнил ст. 323 ГПК 1964 году частью 4, в которой конкретизировалось содержание о представлении судьи и правовых последствиях несоблюдения требований.

4. Дополнением к ГПК 1964 года, внесенным Законом КР «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики»[283, ст. 192] от 17 декабря 1998 года, была усилена ответственность ответчиков за неявку их в суд без уважительных причин. Статьей 159¹ было предусмотрено право суда в принудительном порядке приводить ответчика в суд и возлагать на него все затраты, связанные с приводом.

5. За полгода до принятия ГПК 1999 года Законом «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики»[283, ст. 203]от 12 июня 1999 года №52 была осуществлена значительная реконструкция ГПК 1964 года, в результате которой кодекс был изменен по 77 пунктам.

Все произошедшие изменения с ГПК 1964 года, несомненно, имели прогрессивный характер, однако все они были направлены на модернизацию уже безнадежно устаревшего кодекса, причем во многих случаях они были запоздалыми либо носили непринципиальный характер, учитывая основное содержание судопроизводства. Только спустя 6 лет после того, как была

принята новая Конституция, или спустя 8 лет после распада СССР законодатель вдруг «очнулся» и «вспомнил», что Советский Союз и все то, что с ним связано, отсутствуют как данность, и такие слова-символы, как «СССР и союзные республики», «Фрунзенский» были заменены, соответственно, на «Кыргызскую Республику» и «Бишкекский». Законодателем было подновлено несколько устаревших положений, к примеру, в новой редакции была изложена ч. 1 ст. 1, в которой были определены новые нормативные правовые акты, которые пришли взамен советских и которыми стал определяться порядок производства по гражданским делам. Законодатель в ч. 2 ст. 66, учитывая инфляционные процессы, заменил формулировку, а с ней и ответственность в размере «до трехсот рублей» на размер и ответственность «до трех минимальных размеров заработной платы» и др. Для большей наглядности и убедительности все внесенные изменения и дополнения представим в обобщенном табличном виде¹. Около половины изменений, как это видно из таблицы, не относится к числу строго процессуальных.

Таблица изменений и дополнений в ГПК 1964 г.

Изменения постсоветского характера	Изменения, связанные с изменениями других нормативных правовых актов	Изменения процессуального статуса прокурора	Изменения, связанные с исключением положений ГПК 1964 г.	Изменения, связанные с инфляцией		Изменения строго процессуального характера
				усиливающие ответственность	увеличивающие размер госпошлины	
(в таблице указаны пункты Закона от 12 июня 1999 г. №52 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики»)						
1	4	28	5	13	38	3
2	11	34	8	14		6
33	12	35	10	15		7
36	20	37	18	21		9
	49	39	25	24		16
	72	40	76	26		17
		41	77	29		19
		43		30		22
		44		31		23
		48		32		27

¹Таблица не носит до конца строгий характер, т.к. в отдельных случаях различные пункты закона могут быть отнесены как к одному основанию классификации, так и к другому.

		50				42
						45
						46
						47
						50–71
						73–75

Законом от 12 июня 1999 года №52 в ГПК 1964 года был внесен ряд изменений, к наиболее существенным, из которых относится то, что законодателем был устранен институт народных заседателей, который стал невозможен в силу ряда причин организационного, экономического, политического и иного свойства. Так, к примеру, стало вообще затруднительным формирование корпуса народных заседателей и состава суда по конкретным делам. Часто народными заседателями были пенсионеры, помимо которых редко кто стремился стать народным заседателем, поскольку оплата их деятельности была очень скромной, не говоря уже о том, что на нее постоянно не доставало бюджетных средств, и, наконец, в условиях быстро формирующейся рыночной экономики работодатели по понятным причинам на деле, используя любые предлоги и поводы, не освобождали нанятых работников от исполнения ими своих непосредственных обязанностей.

Однако отдельные ученые считают отказ от института народных заседателей ошибочным. Так, А.Ф. Воронов, давая оценку аналогичной ситуации в российском законодательстве, отмечает, что «институт народных заседателей имеет долгую историю, заседатели олицетворяли справедливость суда, их мнение имело большое значение в тех случаях, когда закон оставлял те или иные вопросы на усмотрение суда, их наличие повышало эффективность борьбы с коррупцией. Восприятие заседателей как “кивал”, заранее согласных со всем, что скажет судья, могло в значительной мере измениться с развитием общества, со сменой менталитета: в демократическом государстве заседателями вряд ли можно легко манипулировать» [85, с. 16].

В ГПК 1999 года не только не представлен институт народных заседателей, но во всем тексте исключено слово «народный» и слова

производные от него, что означает на деле прекращение существования «народных судов». В прежние времена такие суды не могли быть признаны таковыми при отсутствии в них людей из «народа», на которых законом был возложен контроль деятельности профессионального судьи, имевшего юридическое образование, будучи в большинстве, наделенных правом принять иное решение, чем то, которое предлагал судья.

Претерпело изменение название ст. 147 ГПК 1999 года, из которого законодатель изъял слово «непрерывность», а из самого текста статьи – часть третью, что на деле означало, что принцип непрерывности судебного разбирательства терял свою силу. В реальной практической деятельности реализация данного принципа, несмотря на определенные позитивные его моменты, порождала некоторые неудобства как для судей, так и прочих участников процесса, хотя и в меньшей мере для последних. Неудобства такого рода особенно очевидно проявлялись, когда рассматривались сложные дела, и судебное разбирательство затягивалось на многие дни. И если в течение этого времени в суде возникали основания для того, чтобы отложить дело, к примеру, по причине заболевания какого-либо из участников процесса, в дальнейшем часто обнаруживалось отсутствие какого-либо важного доказательства или другие обстоятельства, что давало основание судье, чтобы труд не пропал даром, объявить перерыв, поскольку отложение дела в соответствии с законом обязывало суд начать разбирательство заново, что помимо прочего создавало неудобство в том, что необходимо было рассматривать вновь уже исследованные доказательства. Не говоря уже о том, что судья, объявляя перерыв, в соответствии с законом не мог приступить к рассмотрению других дел. В связи с такими неудобствами постоянно нарастала критика рассматриваемого нами принципа, исходившая главным образом от судей [86, с. 64–77]. Все эти обстоятельства, взятые в совокупности, привели, в конце концов, к тому, что принцип непрерывности был исключен из ГПК 1964 года, хотя в российском законодательстве он продолжает существовать.

Как уже указывалось ранее, в целом ряде положений Закона от 12 июня 1999 года №52 были учтены изменения, которые были внесены в законодательство КР в постсоветский период. Кроме вышерассмотренных изменений следует обратить внимание на то, что в новом ГПК законодатель ввел нормы (в ст.ст. 24, 58, 221, 425–429), регулирующие деятельность так называемого суда аксакалов [43], и им было установлено, что в тех случаях, когда это предусмотрено законом, гражданские дела могут быть рассмотрены судом аксакалов.

В результате проведенных реформ был изменен правовой статус еще одного вида судов. Речь идет о том, что из кодекса законодатель исключил ст. 28, в которой предусматривалась возможность передачи дел в третейские суды. Данное исключение объясняется принятием в 1997 году Конституционным судом КР решения о том, что положениям Конституции Кыргызстана не соответствуют правовым основам «создания и деятельности третейских судов» [110, с. 39]. И прошло три года [12], прежде чем был осознан тот факт, что необходимо развивать институт третейского разбирательства, представляющего собой альтернативный способ разрешения споров и являющегося основой для демократического развития и создания благоприятной инвестиционной среды в Кыргызстане.

Помимо всех вышеупомянутых изменений, в ряде статей ГПК 1964 года, а именно в ст.ст. 157, 189, 190, 195, прокурор был лишен права выносить заключения.

Итак, проведенный нами анализ того, как развивались гражданское процессуальное законодательство и гражданское судопроизводство в Кыргызстане в период с 1991 г. по 1999 г., дает основания для следующих выводов.

1. С распадом СССР и образованием Кыргызской Республики начинается новый этап в истории Кыргызстана. Однако выход на этот новый этап вовсе не означал автоматического исчезновения прежних проблем. Более того, вслед за образованием суверенного государства к старым проблемам

присовокупились новые, обусловленные объективными трудностями реорганизационного периода. Кыргызстан, должен был строить новый общественный порядок, основывающийся на разнообразии форм собственности, рыночных отношениях и либеральных ценностях, и новое гражданское общество.

2. Советское государство, активно и целенаправленно проводившее политику индустриализации, нанесло значительный удар по кыргызскому традиционализму, однако процесс советской модернизации не был завершен. В результате кыргызский этнос оказался в промежуточном состоянии, в котором инновационные элементы не получили явного преобладания над традиционными. Соответственно, и гражданское общество в современном Кыргызстане находится в состоянии своеобразной промежуточности. В советское время Россия выступала в качестве доминирующей внешней силы, которая не только задавала направление и определяла характер развития Кыргызстана, но и оказывала значительную поддержку – всем реформационным процессам, сама же инициировав их.

3. Конституция Кыргызской Республики, принятая 5 мая 1993 года, определила характер и направление дальнейшего развития гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства Кыргызстана и сняла противоречия, возникшие между провозглашенными в Конституции сущностью государства, правовыми ценностями, основами конституционного строя и правовыми идеями и нормами, которые были заложены в основу существовавшего на тот момент гражданского процессуального законодательства.

4.2. Развитие гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике на основе Гражданского процессуального кодекса 1999 года

Законом КР от 29 декабря 1999 года №146, введенном в действие с 1 января 2000 года, был принят Гражданский процессуальный кодекс КР [38]. Разработка и принятие нового ГПК были обусловлены достаточно большим количеством причин, среди которых, по мнению специалистов, в первую очередь следует выделить причины юридического и организационного свойства. Что касается юридических причин, то, как считает А.А. Атакулова, они связаны с существенными изменениями, произошедшими в законодательстве Кыргызстана. Речь идет в первую очередь о таких законах, как Закон КР «О Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах общей юрисдикции», Закон КР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики», Закон КР «О внесении изменений и дополнений в Гражданско-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» и др. Помимо принятия перечисленных законов, в стране активно проводилась судебная реформа [63, с. 134–135].

Указанные А.А. Атакуловой причины организационного и юридического плана, несомненно, имели место, однако ими далеко не исчерпывался весь причинный ряд, а кроме того, сами причины организационного и юридического характера не исчерпывались указанными А.А. Атакуловой обстоятельствами. Поэтому уточним некоторые из них и опишем их более подробным образом.

Во-первых, сама логика поступательного исторического развития Кыргызстана, принципиально новая, по сравнению с прежней, политическая и социально-экономическая реальность, обусловленная возникновением и развитием в республике института частной собственности, переходом к рыночным отношениям, строительством основ гражданского общества и т.д., предопределили необходимость коренной смены нормативных правовых актов советского периода новыми – отражающими произошедшие

существенные изменения в политической и общественно-экономической жизни страны.

Во-вторых, среди причин юридического плана, помимо указанных А.А. Атакуловой, следует сказать о необходимости выбора модели ГПК, которая должна была стать основой республиканского ГПК. К тому же, современная научная школа гражданских процессуалистов Кыргызской Республики на тот момент, естественно, находилась на стадии активного формирования, однако в ее становлении, по понятным причинам, принимали участие юристы прежней – советской – школы, обладавшие наибольшим объемом знаний и опыта. Так, в разработке ГПК активно участвовали такие видные отечественные ученые-юристы, как Ч.И. Арабаев, Ф.А. Зайков, Г.А. Мукамбаева, А.Н. Ниязова, С.С. Сатыбеков и др. Ими было предложено на обсуждение несколько вариантов ГПК,

В-третьих, с принятием Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики 1999 года судебная реформа получила свое продолжение в новом кодексе нашел отражение опыт, набранный за время реформ, о котором мы уже говорили в предшествующем параграфе.

В новый ГПК законодатель внес целый ряд важнейших положений гражданского судопроизводства, которые в своей совокупности с избытком компенсировали незначительные, непринципиальные изменения, внесенные в кодекс до 1999 года. Само собой разумеется, новый кодекс был еще достаточно далек от совершенства, и не все внесенные изменения были удачными, что мы попытаемся подтвердить ниже по мере изложения материала и анализа дальнейших изменений кодекса, который, собственно говоря, и создавался изначально как основа для наследующих преобразований и совершенствования нормативных актов и дополнений по рассматриваемой нами отрасли права. Именно по этой причине главное достоинство ГПК 1999 года состоит в том, что он стал первым Гражданским процессуальным кодексом суверенной Кыргызской Республики и стал базисом для дальнейших преобразований и совершенствования нормативных актов.

Отметим наиболее важные изменения, произошедшие в гражданском процессуальном законодательстве Кыргызстана на момент принятия ГПК 1999 года.

1. В ГПК, а точнее, в содержание задач гражданского процесса были внесены определенные коррективы, а именно в ст. 3, в которой указывается, что задачами гражданского судопроизводства являются защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов указанных в законе субъектов.

Таким образом, произошла коренная смена ориентиров, поскольку в прежнем кодексе, а именно в ст. 2 указывалось, что к задачам гражданского судопроизводства относится в первую очередь охрана общественного строя, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Приоритет интересов государства над частными интересами граждан был законодательно оформлен в прежнем кодексе, в новом же он был отменен в законодательном порядке. К тому же, не всегда возможное «быстрое» рассмотрение и разрешение гражданских дел предусмотрительно было заменено на «своевременное» их решение.

2. Было изменено содержание и название ст. 15 ГПК 1964 года таким образом, что ранее применявшийся принцип объективной истины был изъят законодателем из кодекса. Если раньше суд не ограничивался представленными ему объяснениями и материалами и обязанность ему вменялось принятие всех предусмотренных законом мер, чтобы обеспечить всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств дела и обеспечение прав и обязанностей сторон, то с изменением содержания вышеуказанной статьи суд стал организатором и руководителем процесса, обеспечивая лицам, которые участвуют в деле, равные возможности в предоставлении ими доказательств, участия их в исследовании материала и в осуществлении других прав. Суд был наделен законодателем средствами, позволяющими ему реализовывать свой измененный статус. Так, согласно п. 4 ст. 168 ГПК 1999 года суд был наделен правом рассмотрения дел в тех

случаях, когда кто-либо из лиц, участвующих в деле, не являлся в суд, но при этом надлежащим образом был извещен о времени и месте судебного заседания, когда сведения о причинах неявки отсутствовали.

Однако, как мы считаем, после того, как был отменен принцип объективной истины, законодатель лишил граждан уверенности в том, что рассмотрение любого дела будет всесторонним, полным и объективным. В настоящее время такое рассмотрение возможно не всегда, так как в отдельных случаях, хоты бы и гипотетически, дело можно выиграть, предоставив больше доказательств, которые, однако, не обязательно могут соответствовать действительности.

Тем не менее, несмотря на это, можно согласиться и с профессором А.Т Боннером, который, произведя анализ российского гражданского процессуального законодательства, пришел к заключению, что «слухи о смерти принципа объективной истины являются явно преувеличенными». В своей монографии он достаточно убедительно приводит в качестве доводов в пользу своего взгляда признаки сохранения данного принципа в российском гражданском процессе [77, с. 10], а значит и в кыргызском, поскольку последний обладает значительным сходством с первым, на что мы уже указывали ранее.

В ст. 10 ГПК 1999 года законодателем были закреплены в законе принципы состязательности и процессуального равноправия сторон. Реализация первого из указанных принципов должно было создать благоприятные условия для того, чтобы суд мог выяснить все обстоятельства, имеющие для дела существенное значение, и вынести обоснованные решения. Реализация же второго принципа, тесно взаимосвязанного с первым, предоставляла сторонам, участвующим в тяжбе, равные процессуальные возможности в защите ими своих прав и охраняемых законом интересов.

Введение и закрепление в кодексе новых принципов привело к тому, что существенно повысилась роль таких важных стадий процесса, как возбуждение дела в суде и подготовка дела к судебному разбирательству.

Важность этих стадий обусловлена тем, что в процессе их реализации закладываются основы, обеспечивающие своевременное и правильное рассмотрение и разрешение дел, поэтому их недооценка и ошибки, допущенные судьями в процессе принятия заявлений или подготовке дел к судебному разбирательству, с самого начала могут придать неправильное направление всему ходу разбирательства и привести к многократным нарушениям сроков рассмотрения дел. Как показывает реальная практика, часто нарушения, допущенные на данных стадиях, были причинами того, что судебные решения отменялись и дела направлялись на новое рассмотрение. Все это стало причиной возрастания значения содержания искового заявления, не имевшего такого же значения в прежнем законодательстве. Согласно прежнему законодательству на суд возлагалась обязанность по сбору доказательств независимо от того, содержались ли в исковом заявлении ссылки на них, по привлечению в процесс лиц, участие которых в нем изначально не предполагалось, по предложению истцу изменять и дополнять основания и т.д. После того, как в законодательство были внесены соответствующие изменения, только истец был вправе определять, кому, какое и на каких основаниях предъявлять требование.

3. Существенные изменения были внесены в целый ряд статей, которые регулировали вопросы, связанные с доказательной базой, а именно:

а) ст. 59 ГПК 1999 года, по сравнению с аналогичной ст. 50 ГПК 1964 года, была дополнена ч. 3, в которой законодателем была воспроизведена норма, содержащаяся в п. 2 ст. 89 Конституции КР, и в соответствии с которой полученные с нарушением закона доказательства лишены юридической силы и поэтому не могут быть положены в основу решения суда. Законом было разрешено в качестве средств доказывания использовать звуко- и видеозаписи, и по этой причине, согласно ст. 186, стало необходимым исследовать их в судебном заседании;

б) вследствие того, что в ГПК КР 1999 года был закреплён принцип состязательности гражданского судопроизводства, ряд статей претерпел изменения содержательного характера, а именно:

– в ст. 60 ГПК 1999 года, по сравнению с аналогичной ст. 51 ГПК 1964 года, на была включена существовавшая ранее норма, регулировавшая сбор доказательств, осуществляемый по инициативе самого суда; в соответствии с новыми правилами суд вправе истребовать доказательства, однако с тем условием, что стороны и другие лица, участвующие в деле, предъявят ходатайство суду об оказании им содействия в этом;

– в ст. 72 ГПК 1999 года были внесены дополнения, усилившие роль сторон в процессе доказывания. Если в прежнем законодательстве признание фактов стороной, участвующей в деле, для суда не носило обязательного характера, то после того, как поправки были внесены, другая сторона была освобождена от необходимости доказывать в дальнейшем признанные судом факты, однако с тем условием, что если у суда будут какие-либо сомнения на этот счет, данное правило теряет свою силу;

– если в прежней редакции ст.ст. 65, 70 ГПК 1964 года лицам, участвовавшим или не участвовавшим в деле, была предоставлена возможность не заниматься поиском вещественных и письменных доказательств, при этом было вполне достаточно предъявить суду ходатайство об истребовании какого-либо из этих доказательств, указав при этом основания, почему лицо считало, что доказательство находится у данного лица, то в соответствии с новыми правилами, указанными в ст. 61 ГПК 1999 года, заявлению такого ходатайства должно предшествовать указание причин, которые препятствуют самостоятельному их получению;

– положения, содержащиеся в ст.ст. 77, 82 ГПК 1999 года, были введены для того, чтобы активизировать доказательственную деятельность сторон и повысить уровень их ответственности. Имеет принципиальный характер новая норма, согласно которой по отношению к удерживаемому у себя одной из сторон истребуемого судом письменному (вещественному) доказательству и

не представляемому по требованию суда предполагается, что сведения, содержащиеся в нем, направлены против интересов этой стороны и считаются признанными ею. Такие предположения, по мнению Н. Асеиновой, способствуют устранению излишней заформализованности процесса, повышению ответственности перед судом лиц, участвующих в деле, и «не позволяют недобросовестной стороне злоупотреблять своими правами»[62, с. 3].

В таком же духе изложен п. 4 ст. 88 ГПК 1999 года.

4. В ГПК 1999 года были усилены гарантии реальной защиты прав сторон в судопроизводстве:

а) в прежнем законодательстве, а именно в ст. 92 ГПК, предусматривалась возможность возместить стороне расходы по оплате только услуг адвоката, в новой же редакции, а именно в ст. 111 ГПК 1999 года, предусматривалось возмещение услуг и иных лиц, представляющих стороны. Кроме того, если прежде стороне возмещались расходы только в тех случаях, когда в судебном заседании участвовал адвокат, то после того, как были внесены изменения, возмещению стали подлежать и иные расходы, обусловленные с необходимостью оплаты услуг представителя по конкретному делу, стали оплачиваться консультации, составление искового заявления и др.;

б) после замены ст. 93 ГПК 1964 года на ст. 110 в ГПК 1999 года стало возможным взыскивать компенсацию за вынужденные потерю не только рабочего времени, затрагивающей трудовые правоотношения, но и любого времени, потраченное стороной на иные цели и по своему усмотрению;

в) положение, введенное в ст. 210 ГПК 1999 года, позволяет индексировать взысканные судом денежные суммы, что является способом возмещения убытков, понесенных в результате инфляции;

г) к расходам, предусмотренным в ст. 105 ГПК 1999 года, добавились издержки, обусловленные ведением дела и исполнением судебных актов, почтовыми расходами, необходимостью выплаты новым участникам процесса – специалистам.

5. В ст. 73 ГПК КР 1999 года были обновлены нормы, связанные со свидетельскими показаниями, стало учитываться конституционное право отказа от дачи свидетельских показаний против самого себя, своего супруга (супруги), близких родственников.

6. В ГПК КР 1999 года были введены новые главы:

а) гл. 9 «Наложение административных взысканий в гражданском судопроизводстве» и гл. 12 «Исполнение судебных актов», содержащие по одной статье, реализация которых может осуществляться с применением иных нормативных правовых актов. В ст. 116 гл. 9 указывается, что административные взыскания в гражданском процессе могут налагаться судом в случаях и порядке, предусмотренных законодательством КР об административной ответственности». В ст. 131 гл. 12 указывается, что акты судов по гражданским делам приводятся в исполнение в порядке, установленном законодательством КР об исполнительном производстве.

В связи с принятием Закона Кыргызской Республики за №39 «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 18 марта 2002 г. законодатель посчитал ненужным включать в ГПК 1999 г. раздел, аналогичный разделу 5 ГПК 1964 г. «Исполнительное производство».

До того, как был принят ГПК 1999 года, все виды производств в гражданском процессе жестко регламентировались, и при этом не допускался их выбор по усмотрению граждан и юридических лиц. Однако в этом, собственно, не было необходимости, так как все дела, подведомственные суду, вписывались в три осуществивших вида производства, а именно исковое, особое и производство по административным делам. Более простые и сокращенные виды рассмотрения и разрешения исковых дел были серьезно востребованы в связи с началом проведения экономических реформ, и вместе с ними были востребованы суды общей юрисдикции, в которых были введены приказное и заочное производства;

б) в гл. 23 («Заочное производство и заочное решение») законодателем были зафиксированы положения, являющиеся гарантиями, обеспечивающими

реализацию принципа состязательности гражданского процесса, повышение уровня ответственности сторон за свои действия и предотвращение волокиты и злоупотреблений со стороны ответчика процессуальными правами. Убедительным примером может служить случай, когда гражданином Бердибаевом К.Т. был предъявлен иск Ташбекову К.И. с требованием возместить ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия. Слушание дела было назначено 26 июля 2001 года в Сузакском районном суде, на который, однако, ответчик Ташбеков К.И. не явился, несмотря на то, что был предварительно извещен. В результате рассмотрение дела было отложено на более поздний срок. Однако ответчик проигнорировал его во второй раз, но уклонившись при этом от принятия повестки, что вынудило истца заявить ходатайство, содержащее просьбу рассмотреть дело в упрощенном порядке и вынести заочное решение. Ходатайство было удовлетворено судьей Сузакского районного суда, который учел указанные обстоятельства[266]. Материалы данного дела, отражающие имеющийся опыт, свидетельствуют о том, что институт заочного решения, введенный новым ГПК КР, способствует тому, что разрешение споров происходит в ускоренном порядке, что в свою очередь способствует сокращению числа находящихся на рассмотрении дел. Такое ускорение, однако, не должно сказываться на качестве решений, принимаемых судом, чему способствует нормы, содержащиеся в ГПК, о повышении ответственности сторон за свои действия или бездействия;

в) в гл. 24 («Судебный приказ») законодателем было предоставлено судье право единолично в упрощенном порядке разрешать ряд требований, основывающихся на документах, через вынесение и выдачу взыскателям судебных приказов, имеющих силу исполнительного документа. К их числу относятся бесспорные требования, которые основываются на нотариально удостоверенных сделках и имеют отношение к взысканию недоимок по налогам, к взысканию средств, затраченных органами внутренних дел и налоговой инспекцией на розыск ответчика, должника и др. В научной среде

существует мнение, что полезно и целесообразно расширение перечня требований, по которым законом предусмотрена выдача судебного приказа [95, с. 63]. Данное мнение, как нам представляется, вполне справедливо, если исходить из необходимости предоставления гарантий защиты от предъявления к ней неправомерных требований. Приведем в данной связи следующий пример. После того, истец Саякбаев Т.А. подал заявление, в котором содержалась просьба выдать судебный приказ на истребование у должника Джапанова М.А. автомобиля «Москвич 412» и в котором уточнялось, что кредитор дал согласие на то, чтобы получить с должника взамен требуемого автомобиля 45 тысяч сомов, судья суда г. Кант не дал заявлению ход, при этом в судебном определении указывалось, что заявление содержит серьезные недочеты: во-первых, неэквивалентность указанной в заявлении денежной суммы стоимости истребуемого имущества, и, во-вторых, подпись в заявлении представителя кредитора Табрисова Н.Т. [265]

7. Ряд разделов ГПК КР 1999 года приобрел более детальный и содержательный характер, что отражало изменения, произведенные в законодательстве, а также уже давно назревшую необходимость в усовершенствовании гражданских процессуальных норм.

В подразделе III (раздела II) «Особенности производства по отдельным категориям дел» более содержательный характер приобрели гл.гл. 25–27; в соответствии с гл. 28 стало возможным оспаривание нормативных правовых актов; гл. 25 ГПК 1964 года («Дела о взыскании с граждан недоимки по налогам, самообложению сельского населения и государственному обязательному страхованию») была исключена. Было частично изменено содержание подраздела IV (раздела II) «Особое производство», и в результате стал объемнее перечень дел, подлежащих рассмотрению в порядке особого производства. Так, в ст. 247 ГПК 1964 года их было 7, а в ст. 270 ГПК 1999 года их стало 9. В дополнении к сказанному данный утратил свой исчерпывающий характер, поскольку в п. 2 ст. 270 было введено положение, что впредь законами КР «к особому производству могут быть отнесены и

другие дела». Были значительно изменены раздел IV («Производство по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу») и раздел V («Производство по делам с участием иностранных лиц»). К примеру, основания для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, которые ранее были установлены в ст. 338 ГПК 1964 года, были дополнены признанием Конституционным судом КР. несоответствующим Конституции закона, на котором был основан судебный акт, если к его пересмотру не было иных препятствий.

8. Важные изменения произошли в разделе III, его прежнее название – «Производство дел в апелляционной инстанции» – в новом ГПК было изменено на «Производство по пересмотру актов судов первой инстанции, не вступивших в законную силу». В самом же разделе произошли следующие преобразования:

а) правом подачи апелляционной жалобы были наделены не только лица, которые участвуют в деле, как это предусматривалось в ч. 1 ст. 284 ГПК 1964 года, но и согласно п. 3 ст. 315 нового ГПК лица, которые не привлечены к участию в деле, но по отношению прав и обязанностей которых судом принято решение;

б) в соответствии с п. 2 ст. 316 и ст. 319 были увеличены – с 10 до 30 дней – сроки подачи и рассмотрения апелляционной жалобы;

в) суду была предоставлена возможность возвращения апелляционных жалоб или представлений прокурора в случаях, предусмотренных в ст. 321 ГПК; слово «объяснения» лиц, участвующих в деле, присутствующее в ст. 305 ГПК 1964 года, было заменено в ст. 324 ГПК 1999 года на «возражениями на апелляционную жалобу»;

г) если действия суда апелляционной инстанции, согласно ранее действовавшим правилам, прописанным в ч. 2 ст. 296 ГПК 1964 года, не были связаны доводами, содержащимися в апелляционной жалобе или протесте, и в обязанность суда входила проверка дела в полном объеме, то согласно п. 4 ст. 328 ГПК 1999 года суду вменяется при рассмотрении дела в апелляционном

порядке осуществлять проверку законности и обоснованности решений суда первой инстанции «в пределах апелляционной жалобы или представления»;

д) в ст. 330 установлена обязательность вести протокол заседания суда апелляционной инстанции и др.

Помимо изменений, уже перечисленных выше, в ГПК 1999 года по сравнению с ГПК 1964 года, имели место и другие изменения, а именно:

– в ст. 2 ГПК законодатель закрепил формулировки основных понятий, применяемых в кодексе, справедливо считая важным то, чтобы термины, используемые в гражданско-процессуальном законодательстве, одинаково и однозначно понимались всеми участниками процесса – как юристами, так и непрофессионалами в данной сфере;

– было частично изменено содержание главы под наименованием «Лица, участвующие в деле». Различие гл. 5 ГПК КР 1999 года от аналогичной главы (гл. 4) ГПК 1964 года состоит в том, что в первой из указанных глав, кроме лиц, которые указаны в ст. 34, – сторон, третьих лиц, прокурора и некоторых других лиц, были введены «иные участники гражданского процесса» – эксперты (специалисты), переводчики и свидетели (ст.ст. 47–51). Несмотря на то, что данное нововведение можно оценивать как положительное, в этом одна из особенностей ГПК КР в отличие, например, от ГПК РФ, в котором глава названа аналогично, но в ней закреплено лишь правовое положение лиц, участвующих в деле, а иные участники даже не упомянуты, так как в кодексе дается исчерпывающий перечень участников процесса и их статус, законодателем был допущен, как представляется, ряд неточностей, ошибок.

Во-первых, не вполне оправдано и к месту в главе с наименованием «Лица, участвующие в деле», точно указывающим на содержание главы, внесение позиций о регулировании процессуального положения иных участников гражданского процесса. Другими словами, в данном случае имеет место определенное несоответствие названия главы с ее содержанием.

Во-вторых, в ст. 75 ГПК 1964 года предусматривалось, что для того, чтобы разъяснить возникающие при рассмотрении дела вопросы, требующие

специальные познания в различных областях, может быть назначена экспертиза, которая должна была проводиться «экспертами соответствующих учреждений» или иными специалистами, назначаемые судом. Из формулировки, представленной в статье, напрашивается вывод, что отличие эксперта от специалиста заключается в том, что экспертом является представитель соответствующего учреждения, а специалистом – иное лицо, обладающее специальными знаниями. Несмотря на то, что в новом ГПК различие между экспертом и специалистом достаточно очевидно, содержание ст. 49, именуемой «Эксперт (специалист)», требует, как нам представляется, некоторого уточнения. В статье указывается, что «экспертом (специалистом) в гражданском судопроизводстве может выступать лицо, обладающее специальными познаниями, необходимыми для дачи заключения, и назначенное судом в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Анализ представленного текста статьи дает основание считать, что оба они, т.е. эксперт и специалист в одинаковой мере располагают специальными знаниями, позволяющими им делать требуемые заключения, различие же между ними состоит в конкретных обстоятельствах их назначения. Тем не менее, анализ ст.ст. 188, 190, их содержания дает основания для вывода, что различий между ними гораздо больше, а именно:

1) обязанность эксперта – давать заключение, а специалиста – консультировать, а также пояснять и оказывать техническую помощь, при том, что ст. 190 называется «Консультация специалиста», а из ст. 49 следует, что специалист правомочен давать заключение, однако в ст. 190 данное полномочие не указывается;

2) в ст. 190 указывается с необходимой конкретностью и подробностью специфическая цель привлечения специалиста к участию в деле;

3) законом предусматривается, что консультация специалиста может быть дана и в письменном, и в устном виде (устные консультации и пояснения);

4) в п. 2 ст. 190 по отношению к специалисту закреплены зачем-то очевидные требования – являться в суд, отвечать на поставленные вопросы и др., и эти же требования отсутствуют по отношению к эксперту.

Достижения научно-технического прогресса позволяют предоставлять сведения участникам гражданского процесса о месте и времени судебного заседания, о совершении отдельных процессуальных действий через заказные письма по телеграфу, телетайпу, интернету и иные средства связи с фиксированием извещения или вызова, что предусмотрено п. 4 ст. 123 ГПК 1999 года.

В нескольких статьях ГПК 1999 года для того, чтобы исключить проволочки со стороны суда, защитить интересы лиц, участвующих в деле, и по ряду других причин законодатель установил конкретные процессуальные сроки:

- для принятия искового заявления – 7 дней (ст. 134);
- для подготовки дела к судебному разбирательству – 14 дней (ст. 148);
- для рассмотрения и разрешения гражданских дел – до 2 месяцев (п. 1 ст. 155);
- составления мотивированного решения – не более 5 дней (п. 2 ст. 205);
- для подачи частной жалобы или представления – в течение 10 дней после того, как судом вынесено определение (п. 1 ст. 339);
- для подачи жалобы и представления в порядке надзора – в течение 75 лет по наследственным и авторским правам, по остальным делам – в течение 3 лет с того дня, как судебный акт вступает в законную силу (ст. 344);
- для совершения судом действий, предписываемых ст. 347, – в течение месяца после того, как получена жалоба или представление в порядке надзора и др.

Нормы, призванные регулировать процедуру возвращения судом искового заявления, были выделены в отдельную статью ГПК (ст. 136). До этого случаи, связанные с возвращением, были охвачены нормами, регулировавшими процедуру отказа в принятии заявления, что едва ли можно

было признать правильным, если оценивать это с точки зрения правовых последствий упомянутых процессуальных действий, поскольку отказ в принятии заявления ограничивает право на повторное обращение в суд, в то время как возвращение искового заявления не приводит к тем же последствиям, не препятствуя повторному обращению.

Относительно много статей ГПК 1964 года либо прекратили свое действие, либо существенно изменились. Так, в ГПК 1999 года нет статьи, аналогичной ст. 148 ГПК 1964 года («Участие общественности в судебном разбирательстве») и также нет статьи, аналогичной ст. 184 («Мнение общественных организаций и трудовых коллективов»). В ГПК 1999 года в отличие от ГПК 1964 года (ст. 211) законодателем по немотивированным и малопонятным причинам был изъят перечень решений, которые подлежали безотлагательному исполнению. Можно предположить, что законодатель, преобразуя кодекс, исходил из предположения, что все без исключения решения суда должны исполняться немедленно, и поэтому нет особой необходимости закреплять указанные нормы в ГПК. Но если даже принять данное предположение за истинное, остается открытым вопрос: почему тогда – согласно ст. 213 – за судом было сохранено право, а не обязанность, при наличии просьбы истца приводить решение к безотлагательному исполнению? Примечательно, что в соответствии с Законом КР от 8 августа 2004 г. №110 и эта статья была исключена.

С принятием нового ГПК стало возможным рассмотрение дел без участия сторон. В п. 5 ст. 168 четко прописано, что «стороны вправе просить суд о рассмотрении дела в их отсутствие и направлении им копии решения». С другой стороны, в п. 8 ст. 168 была предусмотрена принудительная форма привода в суд ответчика и, согласно п. 2 ст. 169, свидетеля, если они не явились в суд без уважительных причин.

В новом ГПК законодателем был предусмотрен даже такой момент, как исключение излишнего пафоса при публичном оглашении решения суда.

Сообразно ст. 196 впредь оно должно было объявляться, а не провозглашаться (ст. 191).

В ГПК 1999 года законодатель расширил перечень случаев, когда суд должен приостановить производство по делу. Так, в ст. 216 введен случай, когда судом обнаруживается неопределенность в вопросе, связанном с соответствием закона или иного нормативного правового акта КР, который применен или подлежит применению в деле, Конституции КР и направления в данной связи запроса в Конституционный суд КР. В дальнейшем, как прямое следствие нововведения, в п. 1 ст. 218 законодатель добавил п. 4, предусматривающий в случае, когда запрос направляется в Конституционный суд приостановку производства дела до его рассмотрения (ст. 218 ГПК КР 1999 г.).

В ст. 223 нового ГПК были несколько изменены по сравнению с прежним кодексом основания оставления заявления без рассмотрения, а также в соответствии с п. 3 ст. 224 последствия, когда заявление остается без рассмотрения. К основаниям, существовавшим ранее, были добавлены основания, обусловленные действиями (бездействием) истца для случаев, когда:

а) истец, не настаивавший на разбирательстве дела в его отсутствие, не явился в суд после того, как был вызван вторично;

б) истец обратился с просьбой о возвращении заявления.

В обоих указанных случаях заявление может быть оставлено без рассмотрения при наличии одного общего для них условия, что ответчик не настаивает на разбирательстве дела по существу. Сверх того, законодателем в новом ГПК было предусмотрено, что заявление не должно подлежать рассмотрению в случае, если оно подано с нарушением требований, предъявляемых к нему, и если они не исправлены в срок, установленный судьей, что затрудняет рассмотрение и разрешение судом дела по существу.

В обновленном ГПК были несколько изменены требования, предъявляемые к содержанию протокола, а также к срокам его составления и

подписания. В прежнем законодательстве, а именно в ст. 230, это требовалось сделать не позднее одного дня по окончании судебного заседания или совершению отдельного процессуального действия. Законодатель, имея в виду загруженность судов, продлил время, необходимое на оформление протокола до 3 дней, а в случаях со сложными делами – до 7 дней по окончании судебного заседания.

Итак, подведем выводы.

1. Разработка и принятие нового ГПК были продиктованы рядом причин, и среди них следует упомянуть в первую очередь причины юридического и организационного плана, саму логику поступательного исторического развития Кыргызстана, принципиально новую, по сравнению с прежней, политическую и социально-экономическую реальность, обусловленную возникновением и развитием в республике института частной собственности, переходом к рыночным отношениям, строительством основ гражданского общества и т.д. Все эти причины, взятые в совокупности предопределили необходимость коренной смены нормативных правовых актов советского периода новыми – отражающими произошедшие существенные изменения в политической и общественно-экономической жизни страны.

2. С принятием Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики 1999 года судебная реформа получила свое продолжение. В новом кодексе нашел отражение опыт, набранный за время реформ. Кроме того, он стал базисом для дальнейших преобразований и совершенствования нормативных актов. Принятие нового кодекса ознаменовало этап в развитии права Кыргызстана, характеризуемый тем, что защита нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов субъектов, указанных в законе, стала важнейшей задачей гражданского процесса. Другими словами, произошла глобальная смена приоритетов и ориентиров, если сравнивать их с приоритетами и ориентирами ГПК 1964 года. Принцип объективной истины, характерный для старого ГПК, был вытеснен двумя другими самостоятельными принципами – состязательности и

процессуального равноправия сторон. Кроме того, законодатель усилил гарантии по реальной защите прав сторон в гражданском процессе.

3. Несмотря на то, что в кодексе с достаточной очевидностью можно проследить стремление законодателя и обусловленную этим желанием тенденцию сделать гражданский процесс более эффективным и организованным, ГПК КР 1999 года не был свободен от определенных недостатков, изъянов, что законодатель учел и внес изменения в последующее ГПК КР.

ГЛАВА 5. СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИХ РАЗВИТИЯ

5.1. Принятие нового Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики 2017 года и его анализ

Судебная система любого современного государства представляет собой довольно громоздкую вещь, и реформировать ее – сложная комплексная задача, требующая серьезных затрат, координации и усилий многих специалистов и различных органов. Апробация же предлагаемых моделей требует достаточно много времени для оценки их рациональности и эффективности.

Прошло более 18 лет после принятия ГПК КР 1999 года, прежде чем в 2017 году был принят новый Гражданский процессуальный кодекс от 25 июля 2017 года, введенный в действие с 1 июля 2017 года Законом КР от 20 января 2017 года №6. Следует, однако, отметить, что законодателем была проведена серьезная и масштабная работа по совершенствованию теперь уже старого ГПК и законов, имеющих определенное отношение к нему. Так, были разработаны и приняты: Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 12 мая 2001 года №43; Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 30 июля 2003 года №62; Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Кодекс о выборах Кыргызской Республики и Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 29 декабря 2004 года №195; Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 26 июля 2004 года №97; Закон Кыргызской Республики «О внесении и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 8 августа 2004 года №110; Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 18 июля 2005 года №106.

Мы намеренно перечислили данные законы, чтобы представить, какого рода и каких масштабов была проведена работа, прежде чем был принят новый кодекс, необходимость в котором давно уже назрела. До того, как он был принят, был, как и полагается, разработан проект Гражданского процессуального кодекса, который в свою очередь стал итогом реализации Рекомендаций по дальнейшему реформированию судебной системы КР, которые были приняты в качестве основы Указом Президента КР «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике» от 8 августа 2012 года. Проект был подготовлен рабочей группой экспертов, которая была образована распоряжением Руководителя Аппарата Президента КР от 1 февраля 2013 года №24.

Прежде чем подвергнуть анализу новый Гражданский Процессуальный Кодекс и его конкретные статьи, рассмотрим в общих чертах самые важные причины, которые подвигли законодателя преобразовать прежний ГПК, направления в которых шло развитие нового кодекса и каким образом это обосновывалось или, вернее, что подвигало законодателя к тому или иному решению, выводу или действию.

Реформирование гражданского процессуального законодательства страны было обусловлено рядом причин:

во-первых, заметно возросли как количество гражданских дел, так сложность гражданско-правовых споров, находящихся в компетенции судов;

во-вторых, старый ГПК, несмотря на то, что в нем было множество принципиальных нововведений, обусловленных кардинальным изменением политической и социально-экономической реальности, и он был принят с учетом предшествующего опыта, последний, укладываясь всего в восьмилетний период, был весьма незначителен. Новый опыт, накопленный в течение 18 лет после принятия первого ГПК суверенного Кыргызстана, был

заметно больше по сравнению с предшествующим, и он требовал соответствующего законодательного воплощения.

Реформируя гражданское процессуальное законодательство и гражданское судопроизводство, и создавая новый Гражданский процессуальный кодекс, законодатель вынужден был решать целый комплекс задач. Необходимо было:

- создать соответствующие законодательные условия для того, чтобы качественно и наиболее полно рассматривать в судах гражданские дела;
- максимально реализовать права участников гражданского процесса, обеспечить своевременную защиту и восстанавливать нарушенные права и свободы личности, интересы общества и государства;
- повысить эффективность и прозрачность гражданского процесса;
- способствовать достижению правовой устойчивости и ясности гражданского процесса.
- развивать состязательность в гражданском процессе.

Данный комплекс задач естественным образом предполагал внесения достаточно большого количества изменений. Прежний ГПК КР 1999 года был преобразован законодателем до такой степени, что практически возник новый ГПК КР 2017 года.

Предшествующий накопленный опыт, будучи подвернутым анализу, задал соответствующие направления в реформировании законодательной базы. Именно предшествующий опыт говорил в пользу того, что в первую очередь необходимо пересмотреть инстанционный порядок обжалования решений, чтобы данной мерой поднять эффективность работы судов и повысить стабильность судебного решения.

Суть в том, что существовавший ранее, т.е. до принятия нового ГПК КР, институт кассационного производства, который в настоящее время стремительно трансформируется в соответствии с требованиями новой законодательной базы, дублировал надзорное производство, так как предметом обжалования выступает решение суда, которое вступило в

законную силу. Помимо этого, апелляционное и кассационное производство осуществлялось судами одного и того же звена, а именно судами 2-ой инстанции.

Анализ как уже имеющейся практики, так и сущности надзорного производства позволяет, в целом, отнести его к разновидности кассации, что позволяет обоснованно заключить, что совместное и одновременное их существование в рамках одной судебной системы едва ли оправдано и целесообразно.

Для того чтобы устранить указанные недочеты и противоречия в свое время законодателем была предложена отличная от прежней модель судебных инстанций, сводившаяся к тому, что, во-первых, суды 1-ой инстанции в лице районных судов должны были рассматривать все гражданские дела по существу, в основном единолично или в случаях, предусмотренных законом, коллегиально; во-вторых, суды 2-ой инстанции – апелляционный суд – должны были рассматривать гражданские дела в составе 3-х судей, при этом дела могли быть направлены на новое рассмотрение в районные суды (так называемая неполная апелляция); и, в-третьих, Верховный суд Кыргызской Республики – кассационный суд – должен был рассматривать жалобы сторон, касающиеся правильности применения нижестоящими судами норм материального и процессуального права. Предполагалось, что при такой модели основная часть проверочной деятельности должна будет сосредоточиться в судах 2-ой инстанции, что должно, по замыслу законодателя, способствовать решению ряда серьезных задач, а именно обеспечить единство и стабильность судебной практики, реализацию и соблюдение принципа правовой определенности и сократить общие сроки судопроизводства, что в условиях стабильного и быстрого роста количества гражданских дел, подаваемых в суды республики стало весьма актуальной необходимостью.

В связи с резким ростом количества гражданских дел назрела также необходимость устранения или, во всяком случае, существенного сокращения

числа предъявляемых необоснованных исков и жалоб. Для того чтобы решить данную задачу, законодателем предлагалось, в частности, ввести оплату государственной пошлины, чтобы обращаться в суд при подаче туда иска (заявления) [8. ст. 102]. При этом предусматривалось введение института освобождения малоимущих граждан от уплаты госпошлины с тем условием, что будут предоставлены необходимые доказательства о соответствующем материальном положении по делам, касающимся имущественных споров.

Сокращению количества рассматриваемых дел, а вернее, предотвращению чрезмерному накоплению нерассмотренных дел, само собой разумеется, может способствовать ускорение их производства, правда, без ущерба качества рассмотрения. Данное положение вполне справедливо и в отношении сроков обжалования судебных актов. Поэтому законодатель был нацелен на то, чтобы установить адекватные и целесообразные сроки их обжалования в Верховном суде Кыргызской Республике с одного года до трех месяцев.

Для того чтобы усилить роль стадии подготовки дела к судебному разбирательству, процессуальным законодательством необходимо было ввести институт предварительного судебного заседания [8. ст.154.], с одной стороны, позволяющий, а с другой – обязывающий участников процесса своевременно и оперативно представлять свои ходатайства, возражения и доказательства до того, как дело назначено к судебному разбирательству.

Для того чтобы конкретизировать и исключить расширительное толкование, необходимо было пересмотреть перечень вновь открывшихся обстоятельств и ввести институт новых обстоятельств [8.ст.372], в качестве которых выступают решения международных судов или международных договорных органов (т.е. договорных органов по правам человека, представляющих собой комитеты независимых экспертов, наблюдающих за выполнением основных международных договоров в области прав человека), и постановления Пленума Верховного суда КР по конкретным делам.

Для расширения и повышения эффективности реализации принципов состязательности, диспозитивности и равноправия сторон необходимо было пересмотреть в гражданском процессе роль и полномочия судьи, сторон, прокурора, третьих лиц, учитывая целесообразность и требование максимального включения в судебный процесс сторон и усиления процессуальной ответственности за нарушения требований норм ГПК КР.[8. ст.9, 36, 37, 40, 44, 45, 46, 48,].

Перед законодателем стояла также задача использования опыта других народов, у которых гражданское законодательство, как и система права в целом, по разным причинам более развито по сравнению с гражданским законодательством КР. Речь в данном случае идет о введении на всех стадиях гражданского процесса института медиации в Кыргызстане[8. ст. 2 пп. 9, 10.]. Напомним в данной связи, что медиация представляет собой технологию альтернативного урегулирования споров, в которые привлекается третья нейтральная беспристрастная, не заинтересованная в конкретном конфликте сторона – медиатор (от лат. *medius* – срединный; лат. *mediator* – посредник), задачей которого является оказание помощи сторонам в выработке определенного соглашения по спору, при обязательном условии, что стороны полностью осуществляют контроль над процессом принятия решения, направленного на урегулирование спора и условий его разрешения.

С учетом того, что осуществление медиации возможно при строгом соблюдении определенных условий и правил ведения, очередности действий, фаз, а также соблюдении принципов добровольности, конфиденциальности, взаимоуважения и равноправия сторон, нейтральности и беспристрастности медиатора, прозрачности процедуры, введение данного института в Кыргызстане не только уместно, целесообразно, но и необходимо.

Участие посредников в разрешении споров было известно человечеству с древних времен. Практика вовлечения в споры посредников получила достаточно широкое распространение в Древней Греции. Посредничество в Древнем Риме и, соответственно, в Римском праве получило легитимную

основу после того, как был принят кодекс Юстиниана (530–533 н. э.). Собственно, термин «медиатор» и возник в Римской империи.

В традиционной культуре фигура посредника представляла достаточно распространенное явление. Однако институт медиации в ее современном смысле и понимании получил развитие только во второй половине прошлого века, главным образом в государствах с англо-саксонским правом – Австралии, Великобритании, США. В настоящее время данный институт получил достаточно широкое распространение в государствах континентальной Европы.

Первоначально применение медиации было связано главным образом с разрешением споров, касающихся семейных отношений. Однако в дальнейшем медиация получила признание и распространение в достаточно широком спектре споров и конфликтов, среди которых как конфликты, возникающие в локальных сообществах, так и сложные многосторонние конфликты в коммерческой и публичной сферах.

Беря во внимание все вышесказанное, очевидно, что внедрение и развитие института медиации в Кыргызстане не только целесообразно, но и необходимо. Однако в настоящее время можно говорить только о начальной фазе его внедрения в общую систему судопроизводства в Кыргызстане. Законодателю еще только предстоит разработать необходимую правовую базу. По всей видимости, это будет одним из следующих шагов в дальнейшей эволюции преобразовании гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане.

До того как был принят новый ГПК КР 2017 года, в Кыргызстане была осуществлена реформа административного судопроизводства и был разработан Административный процессуальный кодекс, в связи с чем из соответствующих статей ГПК КР (ст.ст. 1, 2, 3, 8, 15, 26, 29, 27 и др.) из естественным образом были исключены нормы, которые ранее регулировали порядок рассмотрения административных дел. В ст. 25 ГПК 2017 года (Подведомственность гражданских дел судам) указывается, что судами

рассматриваются «все дела в порядке гражданского судопроизводства, за исключением дел, отнесенных к конституционному и административному судопроизводству».

Выведение административных дел за пределы компетенции гражданских судов было одним из существенных изменений, произошедшим в новом ГПК. Соответственно, претерпели изменения либо были изъяты целиком ст.ст. 1, 2, 3, 8, 15, 23, 26, 29, 37, 61, 77, 82, 86, 96, 116, 122, 126, 127, 129, 137, 141.

В ГПК КР 2017 года был пересмотрен инстанционный порядок обжалования решений, что, по мнению законодателя, должно поднять эффективность работы судов и повысить стабильность судебного решения. В данной связи следует обратиться к истории принятия той модели обжалования судебных решений, которая в конечном счете и будет принята в Кыргызстане.

В свое время среди определенной части законодателей Кыргызстана бытовало мнение, что институт кассационного производства, будучи закрепленным в процессуальных законах КР, с одной стороны, дублировал надзорное производство, так как предметом обжалования выступало решение суда, которое вступило в законную силу, а с другой – частично дублировал апелляционное производство, так как содержал в себе элементы, которые характерны для апелляции, а именно возможность предъявлять новые доказательства и относить к основаниям отмены судебного решение его необоснованность. В качестве аргумента сторонники данной точки зрения приводили то обстоятельство, что кассационное и апелляционное производство осуществлялось судами второй инстанции, образуящими одно звено, что отвергается международной практикой.

В соответствии с международными стандартами и практикой принято считать, что оптимальной является модель пересмотра судебных актов, которая включает в себя две инстанции, первая из которых включает в себя апелляцию, представляющий собой обычный, ординарный способ пересмотра дела, вторая – кассацию (надзор), являющийся исключительным способом пересмотра дела, связанным с проверкой законности принятых

судебных актов и обеспечением единства судебной практики. На основе данной модели выстроено в настоящее время подавляющее большинство систем пересмотра судебных актов.

Сторонники устранения кассационной формы обжалования судебных актов придерживались мнения, что ее ликвидация не должна оцениваться как лишение права граждан на обжалование судебных решений, гарантированного Конституцией. Исключение кассации должно было привести, по их мнению, к тому, что судебная система выглядела бы следующим образом: суды первой инстанции образовывали бы районные, межрайонные[8. ст. 8, 28]; областные и приравненные к ним суды образовывали бы, соответственно, суды апелляционной инстанции[8. ст. 323]; и, наконец, на Верховный суд должно было быть возложено выполнение полномочий исключительной (надзорной) инстанции[8. ст.350.].

Такая система, как считали ее сторонники, после того, как кассационная инстанция будет отменена, тем не менее, сохранила бы за гражданами возможность обжалования судебных актов.

Предполагалось, что в случае принятия новой модели инстанциями, осуществляющими пересмотр судебных актов, остались бы апелляция, наделенная широкими процессуальными полномочиями, а именно установлением новых фактов, исследованием новых доказательств, дачей новой оценки предъявленным доказательствам, и надзор, представляющий собой исключительную инстанцию, в которой проверка обоснованности и законности судебных актов осуществляется по материалам, имеющимся в деле. Предполагалось, что внедрение новой модели приведет к тому, что основная проверочная деятельность будет осуществляться судами второй инстанции, что должно было привести к стабильности и единству судебной практики, соблюдению принципа правовой определенности, сокращению сроков судопроизводства и, как следствие всего этого, к обеспечению своевременности судебной защиты, стабильности и правильности заключительных судебных актов.

Таким образом, упразднение кассационной инстанции, как считали сторонники данной меры, должно было привести к тому, что система пересмотра судебных актов, станет более стройной, простой, понятной и эффективной. Устранение дублирующей инстанции, утверждали они, должно было привести к стабильности в принятии судебных актов, к тому, что у граждан, предпринимателей и инвесторов утвердится уверенность в том, что обоснованное и законное решение не будет впоследствии отменено.

Было предложено гл. 39-1 (Пересмотр решений суда в кассационном порядке) ГПК КР 1999 года признать утратившим силу. Однако, учитывая международные стандарты и практику, опирающуюся на модель пересмотра судебных актов, включающую в себя апелляционную и кассационную инстанции, было принято решение сохранить ее, внося в нее определенные оптимизирующие изменения.

В настоящее время в соответствии с новым ГПК модель судебных инстанций выглядит следующим образом:

1) судами первой инстанции являются районные суды, уполномоченные рассматривать по существу все гражданские дела, главным образом единолично или в предусмотренных законом случаях коллегиально. В настоящем Кодексе [ст. 8, 28], в отличие от старого, ГПК дано определение суда апелляционной инстанции (суда второй инстанции, апелляционной инстанции), представляющей собой судебную коллегия по гражданским или экономическим делам областного суда, уполномоченного рассматривать апелляционную жалобу (представление) на акт суда первой инстанции, который еще не вступил в законную силу);

2) судом второй инстанции выступает апелляционный суд, в котором гражданские дела рассматриваются в составе трех судей, наделённые правом возвращать дела в районный суд на новое рассмотрение (неполная апелляция) (в той же статье, что в предшествующем случае дается определение суда апелляционной инстанции (суда второй инстанции, апелляционной инстанции), которая представляет собой судебную коллегия по гражданским

делам или по экономическим делам областного суда, уполномоченного рассматривать апелляционную жалобу (представление) на акт суда первой инстанции, который еще не вступил в законную силу) [8. ст. 323.];

3) Верховный суд Кыргызской Республики, являющийся кассационным судом, правомочным рассматривать жалобы сторон, ставящие под сомнение правильность применения нижестоящими судами норм материального и процессуального права (в ст. 2 дается определение суда кассационной инстанции (кассационной инстанции), представляющий собой судебную коллегия по гражданским или экономическим делам Верховного суда Кыргызской Республики, уполномоченной рассматривать кассационную жалобу (представление) на судебный акт суда первой, апелляционной инстанции, который вступил в законную силу)[8. ст. 350.].

Если в предшествующем ГПК в соответствии с п. 1 ст. 41 истец был вправе «увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска», то в аналогичной статье нового ГПК он вправе сделать то же самое, но уже «на любой стадии процесса» (п. 1 ст. 43 ГПК 2017 КР года), и если согласно с п. 4 ст. 41 прежнего ГПК суд не принимал отказ истца от иска и признания иска ответчиком, то в новом ГПК данная норма была устранена (п. 4 ст. 43 ГПК 2017 КР года).

Поскольку Верховный суд – это последняя инстанция, то вопросы, связанные с отказом от иска, признанием иска и заключением мирового соглашения, сторонам целесообразней обдумывать и решать на стадиях рассмотрения дела в первой и апелляционной инстанциях. В тех же случаях, когда стороны не определились с данными вопросами в продолжении двух инстанций и вынуждены были обратиться в Верховный суд, то последний, соответственно, должен рассмотреть дело по существу. Таким образом, внесенные изменения будут способствовать активизации сторон в сторону мирового решения дела до Верховного суда. При таком раскладе деятельность, связанная с проверками, будет сосредоточена главным образом в судах второй инстанции, что, несомненно, должно способствовать обеспечению

стабильности и единства судебной практики, соблюдению принципа правовой определенности, а также сокращению общих сроков судопроизводства.

К немаловажным изменениям, внесенным в новый ГПК КР, следует отнести, по нашему мнению, расширение и выделение в отдельную главу производство по экономическим делам (гл. 25), включающим в себя статьи, регулирующие порядок осуществления производства по экономическим делам (ст. 255), устанавливающие подсудность экономических дел (ст. 256), форму и содержание искового заявления (ст. 257), документы, прилагаемые к исковому заявлению (ст. 258), основания для оставления искового заявления без рассмотрения (ст. 260), правила рассмотрения дел о банкротстве (ст. 261). В судопроизводство по экономическим делам законодатель включил стадию по подготовке дела к судебному разбирательству и расширил перечень оснований для возврата искового заявления, аналогичный с общим порядком рассмотрения гражданских дел (ст. 259)[8. ст. 150.].

В 2012 году была принята новая редакция Кодекса Кыргызской Республики о детях от 10 июля 2012 года №100, в ст. 21 которого были предусмотрены полномочия суда по обеспечению прав и интересов детей, сводившиеся: к рассмотрению дел о направлении детей в интернатные учреждения в специальные школы для детей, психиатрические больницы, а также об усыновлении, установлении опеки и попечительства (пп. 1 п. 1); к рассмотрению дел об усыновлении, установлении опеки и попечительства (пп. 2 п. 1); к принятию мер, направленных на предотвращение незаконного и необоснованного направления ребенка в интернатное учреждение (пп. 3 п. 1); направлению детей, оставшихся без попечительства родителей, в интернатные учреждения (пп. 4 п. 1); к пересмотру обоснованности пребывания ребенка в интернатном учреждении, специальной школе для детей, которым необходимы особые условия воспитания, психиатрической больнице (пп. 5 п. 1); к контролю за исполнением судебных актов, вступивших в законную силу, по делам детей (пп. 6 п. 1).

Пунктом вторым данной статьи предписывается судам по гражданским делам, касающимся интересов детей, разрешать спор исходя из интересов ребенка и с учетом его мнения, при этом прокуратура, согласно ст. 22 Кодекса о детях, должна осуществлять надзор за исполнением законодательства КР в сфере обеспечения прав и интересов детей органами исполнительной власти, местного самоуправления, их должностными лицами и обеспечивать представительство интересов детей в суде в случаях, предусмотренных законодательством КР.

Законодатель, учитывая требования Кодекса Кыргызской Республики о детях, ввел соответствующие изменения в ГПК КР 2017 года: во-первых, включил дела по усыновлению (удочерению) ребенка, установлению опеки (попечительства, направлению детей в интернатные учреждения в категорию дел, рассматриваемых судом в порядке особого производства (ст. 262); во-вторых, подробным образом разработал и ввел в кодекс три дополнительные главы, первая из которых (гл. 28) посвящена вопросам производства по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, вторая (гл. 29) – вопросам производства по делам об установлении опеки (попечительства), и, наконец, третья (гл. 30) – вопросам производства по делам о направлении детей в интернатные учреждения[8].

Все три указанные главы разработаны с необходимой тщательностью, и давать им комментарий в настоящее время представляет определенную сложность, поскольку опыт, связанный с реализацией соответствующих законодательных нововведений, на данный момент отсутствует. С другой стороны, сам факт того, что законодателем были разработаны главы, а не отдельные статьи по соответствующим вопросам, говорит в пользу как важности данных вопросов, так и добросовестности законодателей.

Существенным изменениям подвергся раздел 8 ГПК КР, регулирующий судебные расходы (в новом ГПК КР – Раздел 9)[8].

Если в старом ГПК КР судебные расходы образовывались за счет государственной пошлины и издержек, связанных с производством по делу и

исполнением решений, определений и постановлений (ст. 97), то в новом ГПК судебные расходы помимо государственной пошлины образовывались из издержек, связанных с рассмотрением дела в суде (ст. 101).

Согласно ст. 98 ГПК КР 1999 года государственная пошлина определялась по результатам рассмотрения дела судом, согласно же ст. 102 ГПК КР 2017 года – при подаче плательщиками госпошлины заявлений, апелляционных и кассационных жалоб. Другими словами, если прежние нормы позволяли взимать государственную пошлину с плательщиков по результатам рассмотрения поданных в суд, то в соответствии с новыми требованиями взимание может осуществляться при подаче исковых заявлений, заявлений о выдаче судебного приказа, заявлений по делам особого производства и т.д., что, по мнению законодателя, должно способствовать тому, что существенно сократится количество необоснованных исков и жалоб. С этой же целью или чтобы увеличить размеры сборов в п. 2 ст. 102 ГПК КР 2017 года введены два дополнительных подпункта, предусматривающие взимание пошлин с подаваемых заявлений, связанных с выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение решений иностранных судов (пп. 10 п. 2 ст. 102), а также с подаваемых апелляционных и кассационных жалоб на определение суда, связанных с выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение решения иностранного суда (пп. 11 п. 2 ст. 102). Кроме того, данная статья дополнена п. 3, в котором оговаривается, что при подаче апелляционной и кассационной жалоб размер госпошлины должен составлять половину суммы госпошлины, которая подлежит оплате в суде первой инстанции.

В новом ГПК КР законодатель учел имущественное положение малоимущих граждан и с этой целью ввел новую ст. 106, предусматривающую отсрочку и рассрочку уплаты госпошлины[8.]. В соответствии с п. 1 данной статьи лицо, которое подает заявление или жалобу, вправе ходатайствовать об отсрочке или рассрочке уплаты госпошлины, при этом согласно п. 2 суд при рассмотрении заявления должен учитывать имущественное положение

заявителя, однако максимальный срок уплаты не должен превышать одного года. На определение суда по данному вопросу предусмотрена возможность подачи жалобы (представления). Согласно духу данной статьи ее положения не распространяются на юридических лиц, а также граждан, занимающиеся предпринимательской деятельностью.

В ст. 107 ГПК КР 2017 года законодателем предусмотрена доплата государственной пошлины в случаях, когда затруднительно определить цену иска на момент его предъявления размер госпошлины (п. 1) и когда по тем или иным причинам увеличиваются исковые требования (п. 2). В последнем случае доплата недостающей суммы пошлины осуществляется в соответствии с новой ценой иска, рассмотрение же дела продолжается после того, как истец предоставляет доказательства уплаты госпошлины либо суд разрешает вопрос об уменьшении ее размера или освобождении от уплаты. В случае же, если госпошлина не уплачена в срок, установленный судом, исковое заявление оставляется без рассмотрения.

Новым ГПК КР 2017 года предусмотрен возврат государственной пошлины в случаях, когда внесенная пошлина превосходит по размерам требуемую действующим законодательством (в этом случае она возвращается в размере, превышающем внесенную сумму), суд по основаниям, предусмотренным в соответствующих статьях Кодекса, отказывается принять заявление, возвращает заявление, прекращает производство по делу, оставляет заявление без рассмотрения и когда ответчик признает иск (пп.пп. 1–6 п. 1 ст. 108 ГПК КР 2017 года). Государственная пошлина может быть возвращена частично, если прекращается производство по делу по причине утверждения судом мирового соглашения, заключения соглашения о передаче спора в третейский суд или полного признания иска ответчиком (п. 3 ст. 108). Если производство по делу прекращается по причине отказа от иска или заключения мирового соглашения, заключенного на основе медиативного соглашения, возврат госпошлины происходит согласно закону о медиации (п. 3 ст. 108). Возврат госпошлины осуществляется на основании определения суда, в

котором должны быть указаны обстоятельства и причины, которые, по мнению суда, являются основанием для полного или частичного возврата госпошлины. Последняя не подлежит возврату, согласно п. 6 ст. 108, если истец уменьшает исковые требования[8.].

В связи с выведением административных дел за пределы компетенции гражданских судов в новый ГПК КР не была включена гл. 9, регулировавшая наложение административных взысканий, и вместо нее была включена гл. 10 (Судебные штрафы), в которой прописаны нормы, регулирующие наложение судебных штрафов и предусматривающие сложение или уменьшение судебных штрафов (ст. 120). Законодателем предусмотрено, что, наложенные на должностных лиц госорганов, органов местного самоуправления и организаций судебные штрафы должны взыскиваться из их личных средств. При этом лицо, на которое был наложен штраф, вправе обратиться в суд, который наложил штраф, с заявлением о сложении или об уменьшении размера штрафа (п. 2 ст. 120). В случае отказа сложить или уменьшить размер судебного штрафа лица вправе подать частную жалоба (представление) (п. 2 ст. 120)[8.].

Совершенствование института штрафных санкций не ограничилось введением новой вышеуказанной главы. Для того чтобы лица, участвующие в деле, соблюдали порядок в ходе судебного заседания, в п. 3 ст. 164 законодатель наделил суд правом накладывать штраф на лиц, неоднократно нарушающих порядок, а также игнорирующих требования суда и проявляющих неуважение к суду в ходе судебного заседания в размере, «не превышающем пятидесяти расчетных показателей».

Важные изменения, внесенные в новое ГПК КР 2017 года, связаны также со стремлением законодателя оптимизировать сроки рассмотрения и разрешения гражданских и экономических дел, рассмотрения дела в апелляционной инстанции, рассмотрения кассационной жалобы (представления) и подачи кассационной жалобы (представления), а также для

установления оптимальных и адекватных сроков обжалования актов в Верховный суд КР.

Согласно ст. 155 ГПК КР 1999 года гражданские дела должны были рассматриваться и разрешаться в течение двух месяцев с момента, когда заявление поступало в суд (п. 1). В новом ГПК КР срок рассмотрения и разрешения гражданских дел увеличен до трех месяцев, включая время, необходимое для подготовки дела к судебному разбирательству и принятия решения по делу (п. 1 ст. 157). Экономические же дела должны рассматриваться и разрешаться в течение двух месяцев со дня поступления, включая срок, необходимый для подготовки и принятия решения (п. 2 ст. 157)[8.] в то время как согласно ст. 394 ГПК КР 1999 года, на рассмотрение и разрешение дела по экономическому спору отводился срок, который не должен был превышать одного месяца и исчислялся с того дня, как было вынесено определение о принятии искового заявления к производству.

Аналогичные меры законодатель принял в отношении сроков, необходимых для рассмотрения дела в апелляционной инстанции. Так, если согласно ст. 319 устаревшего ГПК КР суд апелляционной инстанции обязан был рассмотреть дело, поступившее по апелляционной жалобе или представлению, за время, не превышающее тридцати дней, исчисляемого со дня его поступления, то в соответствии со ст. 327 нового ГПК КР срок рассмотрения увеличен до двух месяцев со дня его поступления[8.].

Вышеуказанные изменения были внесены законодателем для того, чтобы улучшить качество правосудия и отложить рассмотрение дел в тех случаях, когда они недостаточно подготовлены, и таким образом повысить эффективность судопроизводства. Однако, несмотря на то, что соответствующие сроки увеличились на один месяц, реально они увеличились на полмесяца, так как четырнадцать дней, как правило, уходит на подготовку дела к судебному разбирательству. Таким образом, дополнительные полмесяца позволяют более тщательно и качественно подготовить дело к рассмотрению.

С другой стороны, законодателем были предусмотрены меры по сокращению сроков обжалования судебных актов в Верховный суд. Так, если в соответствии со ст. 337-2 ГПК КР 1999 года кассационная жалоба или представление на решение суда могли быть поданы в срок, который не должен был превышать шести месяцев и исчислялся со дня вступления судебного акта в законную силу, то согласно п. 1 ст. 353 ГПК КР 2017 года кассационная жалоба (представление) может быть подана в течение трех месяцев со дня вынесения судебного акта апелляционной инстанции, если же обжалование судебного акта апелляционной инстанции принято не по существу спора, кассационная жалоба может быть подана в течение месяца (п. 2 ст. 353)[8.]. Однако сроки рассмотрения дела судом кассационной инстанции были пересмотрены законодателем в сторону их увеличения. Согласно ст. 337-5 старого ГПК КР кассационная инстанция должна была рассмотреть дело, поступившее по жалобе или представлению, не позднее тридцати дней со дня его поступления в суд, в то время как согласно ст. 363 кассационная жалоба (представление) подлежит рассмотрению в течение двух месяцев со дня поступления дела в Верховный суд КР[8.].

Достаточно серьезным нововведением в ГПК КР 2017 года является введение законодателем института предварительного судебного заседания, в который вовлечены лица и стороны, участвующие в процессе, имеющие возможность и обязанные своевременно представлять свои доказательства, возражения и ходатайства до того, как дело назначено к судебному разбирательству, что, несомненно, усиливает роль стадии, связанной с подготовкой дела к этому разбирательству. Данный институт, с одной стороны, усиливает в равной мере позиции сторон, с другой – оптимизирует процесс разбирательства и косвенным образом способствует сбережению времени.

В гл. 15 ГПК КР 2017 года, регулиющую процесс подготовки дела к судебному разбирательству, законодателем была введена новая ст. 154 с наименованием «Предварительное судебное заседание» [8.].

Данная форма заседания проводится судьей в соответствии с правилами судебного разбирательства (п. 1 ст. 154), с дополнениями и изъятиями, представленным в соответствующей главе. Неявка на предварительное судебное заседание лиц, которые участвуют в деле, не может быть причиной прекращения рассмотрения вопросов по подготовке дела в данную форму заседание (п. 2ст. 154). Таким образом, какая либо из сторон, не явившись на заседание без уважительных причин, наносит тем самым ущерб только самой себе. Стороны, участвующие в заседании, могут представлять необходимые доказательства, приводить аргументы и заявлять ходатайства (п. 3 ст. 154).

Производство по делу в предварительном судебном заседании может быть приостановлено или прекращено либо заявление может быть оставлено без рассмотрения в случаях, когда возникают обстоятельства, предусмотренные ст.ст. 215, 216, 220, 222 ГПК КР 2017 года. Если судом принимается одна из указанных мер, об этом, с учетом мнений сторон, должно быть вынесено мотивированное определение (п. 3 ст. 154)[8.].

Вопросы, рассматриваемые в предварительном судебном заседании, имеют ограниченный характер и могут касаться только признания иска ответчиком, применения исковой давности или срока обращения в суд в установленном законом порядке (п. 5 ст. 154)[8.].

Если дело подготовлено к судебному разбирательству, то суд, получив согласие сторон, может приступить к судебному разбирательству по делу сразу же после того, как проведено предварительное судебное заседание, и затем выносятся определение о назначении дела к судебному разбирательству (п. 5 ст. 154)[8.].

Важным изменением в новом ГПК КР 2017 года следует признать нововведения, связанные с пересмотром в ст. 373 перечня вновь открывшихся обстоятельств, обусловленным необходимостью конкретизировать и исключить расширительное толкование оснований для пересмотра дел[8. ст. 372, 373.], и введением института новых обстоятельств, обусловленным необходимостью приведения норм ГПК в соответствие с решениями

международных судов, международных договорных органов и постановлениями Пленума Верховного суда КР по конкретным делам.

В новый ГПК КР 2017 года в ст. 373 в основания пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам не были включены: обстоятельства, существенные для дела, которые не были и не могли быть известны заявителю (пп. 1 п. 2 ст. 361 ГПК КР 1999 г.); признание Конституционным судом КР не соответствующим Конституции КР закона, на котором основан судебный акт, если к его пересмотру нет иных препятствий (пп. 2 п. 2 ст. 361 ГПК КР 1999 г.); отмена акта суда либо постановления иного органа, послужившего основанием к вынесению данного судебного акта (пп. 3 п. 2 ст. 361 ГПК КР 1999 г.), при этом в качестве основания было включено наличие документа, имеющего существенное значение для разрешения дела, который не был и не мог быть известен заявителю на момент принятия оспариваемого судебного акта (пп. 1 п. 2 ст. 373 ГПК КР 2017 г.).

О происхождении и культурной специфике судебной системы кыргызского этноса, которая может возрождать определенные архаические формы, а именно суд аксакалов, а с другой – об отмирании этих форм и невозможности их полного восстановления, что достаточно красноречиво свидетельствует о том, что кыргызский народ, получив политический и государственный суверенитет, уже осуществил переход от исконного цивилизационного состояния, традиционной культуры к современной, модернизированной. Суть в том, что сфера, в пределах которых осуществляется деятельность судов аксакалов весьма ограничена, а кроме того, требования к данной разновидности судов и судьям обладает рядом особенностей.

Очевидно, что в России подобный институт едва ли целесообразен, хотя в принципе возможен на локальном уровне, в пределах национальных автономий. Что же касается Кыргызстана, то 4 июня 2002 года Жогорку Кенеш, являющийся Парламентом Кыргызстаном, принял Закон КР «О судах аксакалов». Несколько позже законодателем были включены некоторые

положения о суде аксакалов в текст новой редакции Конституции КР, изложена в Законе от 18 февраля 2003 г. №40, принятом референдумом 2 февраля 2003 г., при этом был изменен их статус. Так, в соответствии с п. 2 ст. 92 Конституции КР суды аксакалов могут быть учреждены, если будут приняты соответствующие решения собранием граждан, местным кенешем или иным представительным органом местного самоуправления, действующего на территории айла, поселка, города.

Законодатель, воссоздавая и внедряя в современную систему судопроизводства суд аксакалов, по всей видимости, не рассчитывал на их значительную эффективность уже потому, что они не являются судами в современном смысле этого слова.

Во-первых, фактически они включены в судебную систему Кыргызской Республики, которую согласно п. 3 ст. 94 Конституции Кыргызской Республики 2021 года 11- апреля судебная система Кыргызской Республики устанавливается Конституцией и законами; состоит из Конституционного суда, Верховного суда и местных судов.

Законом могут учреждаться специализированные суды.

Создание чрезвычайных судов не допускается.

Что же касается судов аксакалов, то в соответствии со ст. 115 Конституции КР 2021 года в Кыргызстане вправе учреждать суды аксакалов. Согласно ст. 1 Закона КР «О судах аксакалов» такие суды относятся к категории общественных органов, создаваемых на добровольных началах и на основе выборности и самоуправления, не являясь юридическими лицами, они не подлежат регистрации. Их деятельность в формальном отношении достаточно далека от гражданского процессуального законодательства. Суды аксакалов в своей деятельности действуют главным образом путем убеждения, воздействуя общественным мнением и стремясь достигнуть примирения сторон. Компетенция судов аксакалов распространяется на достаточно узкий перечень вопросов, касающихся некоторых имущественных и семейных споров, невыполнения родителями и иными членами семьи обязанностей, связанных с воспитанием и содержанием детей и т.п. Осуществляя свою

деятельность параллельно с определенными государственными органами, в первую очередь с местными судами, суды аксакалов по отношению к ним фактически выступают как «факультативные».

Все вышесказанное о суде аксакалов свидетельствует о том, что, несмотря на то, что они играют некоторую роль в общественной жизни современного Кыргызстана, тем не менее, их роль, в целом, достаточно скромна наряду с тем, что ключевую роль в разрешении гражданских споров и установлении фактов, которые имеют юридическое значение, играют суды, определенные Конституцией КР.

Самый большой положительный результат для общества, возникающий от деятельности судов аксакалов, в целом заключается, по нашему мнению, в том, что они действительно снимают определенную часть нагрузки с судебных и правоохранительных органов, разрешая незначительные по сложности и своему значению дела. Не говоря уже о том, такого рода суды имеют, как правило, большую степень доверия у местного населения, поскольку в соответствии с установленными правилами состав суда образуют аксакалы или иные граждане, которые пользуются уважением и авторитетом. Положительным моментом в деятельности судов аксакалов является тот факт, что они, осуществляя ее, рассматривают споры на бесплатной основе, что делает как осуществление, так и участие в правосудии доступным любому гражданину. Кроме того, рассмотрение дел в судах аксакалов происходит более оперативно и с меньшей степенью бюрократического формализма. Так, установленный законом срок рассмотрения дел (материалов) не должен превышать 15 дней, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 16 Закона КР «О судах аксакалов». Однако, несмотря на все свои достоинства, суд аксакалов является незначительным, вспомогательным дополнением к судебной системе Кыргызстана, который к тому же в силу своей архаичности лишен модернизационного потенциала. Именно по этой причине в новом ГПК КР 2017 года данная форма суда практически не претерпела никаких изменений с тех пор, как была внесена в предшествующий ГПК КР. Следует

иметь в виду к тому же, что сфера деятельности суда аксакалов постоянно сужается в силу объективных причин. Мы имеем в виду в данном случае тот факт, что для современного Кыргызстана, как и для подавляющего большинства современных государств, характерна тенденция постоянного роста городского населения и, соответственно, сокращения сельского. Для суда аксакалов это очень важная тенденция, поскольку реально он функционирует только в сельской местности, в крупных же и средних городах он практически отсутствует. Для нашего исследования это важное обстоятельство, поскольку, как мы утверждали ранее, кыргызский народ уже осуществил важный переход от исконного цивилизационного состояния, традиционной культуры к современной, модернизированной, и дальнейшее развитие гражданского судопроизводства и законодательства гражданского судопроизводства, как и системы права в целом, в Кыргызстане будет происходить в модернизационном русле и будет, в целом, направленно на сближение с законодательствами более развитых в социально-экономическом и правовом отношении государств, в частности, государств-членов ЕврАзЭС, а вернее, наиболее прогрессивных его членов.

Попытка восстановить, хотя бы и частично, институт, как суд аксакалов, имела некоторый успех, в том смысле, что данный институт существует и функционирует в настоящее время в Кыргызстане, однако, как показывает уже имеющийся опыт, он не поддается ни модернизации, ни адаптации к постоянно преобразуемым другим правовым институтам. С другой стороны, он исчерпает свои возможности, как только городское население будет количественно заметно преобладать над сельским, что, учитывая современные темпы развития и роста городов в республике, не является отдаленной исторической перспективой.

И последнее, на что, по нашему мнению, следует обратить внимание в связи с принятием нового ГПК КР, это то, что в нем, помимо уже вышеуказанных содержится множество изменений, связанных с различного рода уточнениями, корректировками, устранениями противоречий и

определенных незначительных недочетов, которые были в прежнем ГПК КР. Так, мы указывали в прежнем разделе на недочеты, связанные с некоторыми противоречиями и неопределенностями, связанными с участием в процессе фигур эксперта и специалиста. В новом ГПК указанные недочеты устранены. Так, в п. 1 ст. 53 уточняется, что специалистом в гражданском судопроизводстве «выступает лицо, обладающее специальными познаниями и навыками применения технических средств, которое может дать консультацию, пояснение по обстоятельствам дела и доказательствам или оказать техническую помощь во время совершения процессуальных действий»[8.]. Он может приглашаться для участия в судебном разбирательстве, когда суду или участникам судебного заседания в процессе исследования доказательств «могут потребоваться специальные знания и навыки в области науки, техники, искусства или ремесла». Его пояснения и консультации, согласно п. 2 ст. 53 «не могут касаться правовых вопросов», за исключением случая, указанным в ст. 393 Кодекса. Оказываемая им помощь не может заменить заключения эксперта. Пунктом 4 ст. 53 для специалиста предусмотрена уголовная ответственность за дачу им заведомо ложного показания, а также за неявку по вызову суда по неуважительной причине или уклонения от дачи консультации и пояснения или отказ от технической помощи – штраф в размере, который не должен превышать пятидесяти расчетных показателей. Кроме того, статьей 54 предусмотрены права и обязанности специалиста[8.].

Подведем итоги к данному параграфу.

1. Реформирование судебной системы любой страны – сложная комплексная задача, требующая серьезных затрат, координации и усилий многих специалистов и различных органов, апробация же предлагаемых моделей требует достаточно много времени для оценки их рациональности и эффективности. После принятия ГПК КР 1999 года данный кодекс претерпел достаточно много изменений. Итоговым результатом стало принятие нового Гражданского процессуально кодекса Кыргызской Республики 2017 года. В

настоящее судить о его достоинствах и недочетах несколько преждевременно, поскольку прошло слишком мало времени с момента его принятия. Можно только утверждать, что законодателем достаточно большая и тщательная работа до того, как данный Кодекс был принят.

2. Затрагивая проблемы совершенствования современного гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства Кыргызстана, следует обратить внимание на такой правовой институт, как суды аксакалов, имеющий свои аналоги в системе обычного права. Данный факт относится к феноменам, свидетельствующим как о культурной специфике судебной системы кыргызского этноса, которая может возрождать определенные архаические формы, так и об отмирании этих форм и невозможности их полного восстановления, что свидетельствует о том, что кыргызский народ уже осуществил переход от исконного цивилизационного состояния, традиционной культуры к современной, модернизированной. В настоящее время суды аксакалов играют достаточно скромную роль в системе современного гражданского судопроизводства Кыргызстана, ключевая же роль в разрешении споров и установлении фактов, которые имеют юридическое значение, несомненно, принадлежит судам, определенным Конституцией КР. Кроме того, суды аксакалов практически не подвержены модернизации, что, в частности, косвенным образом подтверждает новый ГПК КР 2017 года.

3. Анализ как эффективности судопроизводства в современном Кыргызстане, так и законодательной базы, дает нам основание для заключения, что помимо постоянного совершенствования норм гражданского процессуального законодательства необходимо также дальнейшее развитие транспарентности (открытости) гражданского судопроизводства, для чего необходимо продолжать принимать меры, направленные на обеспечение гарантированного права на обращение в суд в установленном порядке, на приближение суда к населению, на оптимизацию судебных расходов, на установление разумных сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел,

на установление научно-обоснованных нормативов нагрузки судей, простоты и ясности процедур рассмотрения дел и т.д.

4. На современном этапе развития гражданского права в Кыргызстане по-прежнему на первый план остаются проблемы, связанные с соотношением публично-правовых и частно-правовых методов регулирования общественных отношений, и в качестве производной данных проблем – пределы государственного вмешательства в частнопредпринимательскую деятельность. Продолжает также оставаться актуальной необходимостью оптимизации соотношения и взаимосвязи между гражданским правом и другими отраслями права, учитывая публично-правовые и частно-правовые интересы.

5. Одной из важных мер и направлений развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане в настоящее время является введение института медиации на всех стадиях гражданского процесса. Сейчас положение вещей с медиацией таково, что можно говорить только о начальной фазе его внедрения в общую систему судопроизводства в Кыргызстане. Законодателю еще предстоит разработать необходимую правовую базу. Это будет одним из следующих шагов в дальнейшей эволюции преобразовании гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане.

5.2. Перспективы и общее направление дальнейшего развития современного гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики

В предшествующем разделе нашего исследования мы анализировали, о новеллах принятого Гражданского процессуально кодекса Кыргызской Республики 2017 года.

При сравнительно правовом анализе ГПК КР и РФ укажем только на тот факт, что при всех формальных различиях гражданские процессуальные кодексы обоих государств порой весьма близки их анализ позволяет сделать, достаточно обоснованный вывод, что если не все, то во всяком случае подавляющее большинство статей полностью повторяют аналогичные либо с незначительными формальными различиями, не нарушающие содержание и сущность исходных статей.

Нововведения в ГПК КР 2017 года происходили тем же образом, как формировался первый ГПК КР 1999 года, который, служа основой для следующего гражданского процессуального кодекса, относительно долгое время подвергался преобразованиям, что само по себе задавало определенное направление и характер дальнейшего развития гражданского судопроизводства и процессуального права Кыргызстана.

При формировании ГПК КР 1999 года за основу брали опыт Российской Федерации. Во всем спектре российского гражданского судопроизводства и гражданского процессуального права изыскивались законы и юридические категории, которые наилучшим образом подходили для правовой реальности Кыргызстана, затем, подвергаясь некоторым изменениям - адаптировались к его условиям.

Попытаемся подтвердить данное утверждение на примере тех изменений, которые произошли в ГПК КР 2017 года.

Итак, в ГПК КР 2017 года было внесено множество изменений. В частности, в нем появилась новая ст. 14: «Непосредственность и устность

судебного разбирательства» и содержащая 3 пункта. Приведу, полностью содержание данной статьи:

«1. Суд при рассмотрении дела по существу обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, ознакомиться с письменными доказательствами и осмотреть вещественные доказательства, прослушать и просмотреть аудио- и видеозаписи.

2. При исследовании доказательств по делу суд заслушивает консультации и пояснения специалиста.

3. Разбирательство дела происходит устно и при неизменном составе судей. В случае замены одного из судей в процессе рассмотрения дела разбирательство должно быть произведено с начала».

В ГПК РФ 2018 года есть ст. 157 «Непосредственность и устность судебного разбирательства», содержащая три пункта;

«1. Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи.

2. Разбирательство дела происходит устно и при неизменном составе судей. В случае замены одного из судей в процессе рассмотрения дела разбирательство должно быть произведено с самого начала.

3. Во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу, суд вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях».

Различия между двумя статьями, как легко убедиться, незначительные и носят преимущественно формальный характер, основные же положения,

содержащиеся в п. 1 обеих статей не расходятся по существу и к тому же формально очень близки[11.].

В дальнейшем мы не будем приводить текстов статей и глав в ГПК КР 2017 года и соответствующих им аналогичных статей и глав в ГПК РФ 2018 года, давая в некоторых случаях необходимые комментарии.

Представим нововведения не по их важности, а по мере возрастания номеров статей и глав.

Ст. 15 ГПК КР 2017 г. – «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел»[8], ст. 11 ГПК РФ 2018 г. – «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел»[11.].

Ст. 120 ГПК КР 2017 г. – «Наложение судебных штрафов», ст. 105 ГПК РФ 2017 г. – «Наложение судебных штрафов».

Ст. 121 ГПК КР 2017 г. – «Сложение или уменьшение судебного штрафа», ст. 106 ГПК РФ 2018 г. – «Сложение или уменьшение судебного штрафа».

Ст. 150 ГПК КР 2017 г. – «Определение суда о подготовке дела к судебному разбирательству», ст. 147 ГПК РФ 2018 г. – «Определение суда о подготовке дела к судебному разбирательству».

Ст. 152 ГПК КР 2017 г. – «Действия лиц, участвующих в деле, при подготовке дела к судебному разбирательству», ст. 149 ГПК РФ 2017 г. – «Действия сторон при подготовке дела к судебному разбирательству».

Ст. 154 ГПК КР 2017 г. – «Предварительное судебное заседание», ст. 152 ГПК РФ 2018 г. – «Предварительное судебное заседание».

В ГПК КР 2017 г. было введено 3 дополнительные главы, о которых мы говорили в предшествующем разделе диссертации: гл. 28 – «Производство по делам об усыновлении (удочерении) ребенка», гл. 29 – «Производство по установлению опеки (попечительства)», гл. 30 – «Производство по делам о направлении детей в интернатные учреждения»[8.]. В ГПК РФ 2018 г. представлена лишь одна гл. 29 – «Усыновление (удочерение) ребенка» [11.], которая содержит многие нормы, аналогичные нормам, которые

присутствуют в гл. 28 ГПК КР 2017 г. – «Производство по делам об усыновлении (удочерении) ребенка». Однако отсутствие в ГПК РФ 2018 г. двух других вышеуказанных глав ГПК КР вовсе не означает, что соответствующие статьи российского законодательства, представленные в других отраслях права, не послужили основой для формирования упомянутых глав.

Гл. 37 ГПК КР 2017 г. – «Восстановление утраченного судебного производства» [8.], гл. 38 ГПК РФ 2018 г. – «Восстановление утраченного судебного производства» [11.].

Ст. 335 ГПК КР 2017 г. – «Пределы рассмотрения дела в апелляционной инстанции» [8.], ст. 327-1 ГПК РФ 2018 г. – «Пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции» [11.].

Можно было бы привести больше примеров сравнительного анализа правового опыта кыргызского и с российского гражданского процессуального кодекса, но в силу действительно большого их сходства, это едва ли будет представлять реальную научную ценность, поскольку будет сведено, в конечном счете, к простой констатации их взаимных отличий, которые не имеют принципиального значения и отражают главным образом различия в государственном устройстве обеих стран – федеративном Российской Федерации и унитарном Кыргызской Республики. Учитывая указанные обстоятельства, будет, по нашему мнению, представлять больший научный интерес выявление причин возникновения указанного сходства.

До настоящего времени проблему и сами факты систематического сравнительно правового анализа кыргызстанскими законодателями большого количества положений и статей из российского законодательства деликатно обходили либо, считая это, очевидно, чем-то само собой разумеющимся, не находили нужным подвергать анализу. Но данные факты, отражающие определенную тенденцию, как нам представляется, нуждаются не в оправдании, а в строгом осмыслении и объяснении, которое, если оно достаточно полно и точно отразит причины существующего положения

вещей, позволит объективно судить и о ближайшей исторической перспективе развития гражданского процессуального законодательства в Кыргызстане.

То, в каком состоянии в настоящее время находится гражданское судопроизводство и гражданское процессуальное право в Кыргызстане, является результатом всей предшествующей его истории, комплекса тесно взаимосвязанных событий и условий. Собственно говоря, данное утверждение абсолютно верно и для других народов с их системами права. И суть здесь заключается ни в общем для всех народов правиле, принципе, который мы сейчас сформулировали, а в специфике их истории и условий их существования, а вернее, в комплексе условий, который включает в себя исторические, культурные, социально-экономические, политические, лингвистические, количественные и прочие факторы, большинство из которых, а вернее, их влияние мы рассмотрим ниже.

Что касается роли исторического фактора в формировании гражданского судопроизводства в Кыргызстане, то его воздействие носило и продолжает носить противоречивый характер, обусловленный тем фактом, что кыргызский этнос, составляющий большинство населения современного Кыргызстана, имеет совершенно иную культурно-цивилизационную основу по отношению российской основе. История, однако, распорядилась таким образом, что кыргызы с момента их присоединения к Российской империи были вовлечены в новую культуру и систему отношений. Мы уже достаточно много говорили об этом в предшествующих разделах нашего исследования и поэтому не будем возвращаться к сказанному, однако укажем на то, что исторический фактор, несмотря на распад СССР, в целом не изменил направления своего воздействия, о чем красноречиво свидетельствует, в частности, тот факт, что в Кыргызстане, как и подавляющем большинстве бывших советских республик, идет строительство гражданского общества. Словом, история, «проведя» государственные границы между бывшими советскими республиками и разъединив их политически, тем не менее не устранила связей между обеими странами.

Несомненно, это влияние перестало носить безусловный характер, как это имело место в советское время, однако оно не утратило своего доминирующего значения. Россия по отношению к Кыргызстану играет роль локомотива, который значительно облегчает процесс дальнейшей его модернизации.

Ощутимое влияние исторического фактора сказывается и в том, что на момент распада СССР Кыргызстан и Российская Федерация располагали, по сути, одними и теми же гражданским судопроизводством и гражданским процессуальными кодексами, которые, как известно, в дальнейшем стали основой для будущих кодексов.

Советское государство сознательно стремилось к унификации политической и социально-экономической жизни в пределах всей огромной страны, и в этом отношении оно добилось значительных результатов, хотя и не достигло конечной своей цели. Собственно говоря, определенная близость российской и кыргызстанской реальностей позволяет проводить в Кыргызстане правовые реформы. Безусловно, если бы указанные реальности не обнаруживали известной сходимости.

Культурный фактор мы так же, как и исторический, подробным образом рассмотрели в других разделах данной диссертации, поэтому сейчас мы его коснемся лишь в общих чертах. В советское время кыргызский народ благодаря значительной внешней помощи и влиянию осуществили огромный скачок в своем развитии. Одним из важнейших результатов такого скачка стало то, что современные кыргызы не только не хотят, но и практически не могут, даже в незначительной мере, опереться на досоветские правовые институты и традиции, основывающиеся на обычаях. Наличие судов аксакалов в общей системе судов Кыргызстана следует, по нашему мнению, расценивать не как реальную необходимость в них, а как дань традиции и желание государства сберечь время и средства на разбирательстве незначительных дел, не требующих вовлечения в них профессиональных юристов. Компетенция судов аксакалов весьма незначительна, и все они

имеют локальный характер. Что же касается системы обычного права в целом, своеобразным продуктом которого и являются суды аксакалов, то в настоящее время не может быть и речи о полной или даже частичной ее возрождении и использовании как конкурентной, параллельной системы права, поскольку она совершенно не приспособлена под государственные формы жизни, потребности полиэтнического общества и, наконец, требования международного права.

С формальной точки зрения у шариатского права в Кыргызстане гораздо больше возможностей быть востребованным, чем у обычного права. Утверждая это, мы имеем в виду в первую очередь процесс бурного возрождение ислама в современном Кыргызстане. С падением коммунистической идеологии в духовной сфере общества образовался вакуум, который быстро заполнился традиционными и религиозными идеями и ценностями. Так, если после распада Советского Союза в Кыргызстане было 39 мечетей, то в настоящее время их насчитывается уже 2600 [377]. В условиях, когда государство отстранилось от духовной жизни народа, ислам «выступал не только как собственно религия, но и как активный фактор нравственного воспитания людей» [137, с. 86]. Дело, однако, не только замещении одной идеологии другой, но и значительном внешнем влиянии, исходящем от мусульманских государств, оказывающим существенную помощь в строительстве религиозных зданий и сооружений в Кыргызстане, предоставляющим стипендии для лиц, обучающимся в своих религиозных учебных заведениях, и т.д.

Следующим обстоятельством, препятствующим утверждению шариатского права в Кыргызстане, является тот факт, что вся современная система подготовки и повышения квалификации юридических кадров в республике, включая высшие учебные заведения с их профессорско-преподавательским составом, аспирантуру, здания, библиотеки, учебную, методическую литературу и т.д., целиком приспособлена под современные требования.

Таким образом, невозможность опереться ни на какую другую систему права, кроме той, которой Кыргызстан располагает, обрекает его на непрерывное совершенствование той, которая досталась ему от советских времен и которая, несмотря на все свои изъяны, недочеты и устаревший характер, тем не менее могла быть и стала основой для дальнейших правовых реформ.

Если перейти к оценке влияния Российского права на кыргызскую, то обнаружатся многие близости с тем, как повлияло Римское право на систему права многих европейских государств. В первую очередь это касается целесообразности использования опыта российских юристов, которые, несомненно, обладают куда более благоприятными условиями для законотворчества, так и организационном плане, а кроме того, обладают большим опытом.

Ситуация в настоящее время такова, что получить реальное, полноценное юридическое образование в Кыргызстане, как, впрочем, и любое другое высшее образование, невозможно не зная русского языка.

Через Интернет и спутниковые и оптоволоконные системы связи Кыргызстан вошел в глобальное информационное пространство, и уже практически не может из него выйти. С другой стороны, реально Кыргызстан является частью российского информационного пространства, поскольку большинство граждан республики знает русский язык и не создал и по понятным причинам не создаст равноценного информационного пространства.

Мы намеренно уделили столько внимание языковому фактору, так как считаем, что именно этот фактор в значительной мере обеспечивает развитие кыргызской законодательной базы, предоставляя возможность кыргызстанским законодателем активно использовать правовые нормативные акты в качестве правового опыта не только Российской Федерации и других бывших союзных республик, но и других государств.

В основе нашего исследования, как мы уже неоднократно заявляли, лежит положение, принцип, конструкция, идея о том, что кыргызский этнос в силу исторических обстоятельств, значительного внешнего влияния, необходимости и целесообразности в кратчайший исторический срок вынужден был осуществить переход из одной культурно-цивилизационной системы и состояния в другую культурно-цивилизационной систему и состояние, что в ощутимой мере определяет характер и способ (за счет постоянных заимствований) современных трансформаций, в том числе, естественно, в системе гражданского судопроизводства и гражданского процессуального законодательства. Если учитывать данное обстоятельство, то станет очевидным то, что именно модернизационный опыт является наиболее уязвимой, так сказать, частью современной культуры кыргызского народа, поскольку значительная часть опыта, полученная им в прошлые времена, менее всего приспособлена под строительство постиндустриального гражданского общества.

Таким образом, постоянное освоение опыта других государств означает для Кыргызстана следование в русле дальнейшей модернизации общества и государства. Это очевидно. Проблема здесь вдругом, а именно – чей опыт может быть наиболее подходящим для нас? Поскольку предметом нашего исследования является гражданское судопроизводство и гражданское процессуальное законодательство, то вопрос можно сформулировать более конкретно: гражданское судопроизводство и гражданское процессуальное законодательство какого государства должны служить для Кыргызстана в качестве исходного, наиболее подходящий? Весь предшествующий материал данного параграфа, как, впрочем, в определенной мере материал всего исследования, с необходимостью наталкивает на мысль, что это судопроизводство и законодательство России – государства, которое, собственно говоря, начало полтора столетия назад модернизацию кыргызского традиционного общества. Мы не видим реальных оснований отказываться от той практики в законотворчестве Кыргызской Республики,

которая существовала в советское время и фактически продолжается в настоящее время, беря во внимание весь комплекс сложных проблем, с которым сталкивается современный Кыргызстан. Разумеется, речь идет в данном случае не о слепом копировании российских законов, их механическом перенесении в кыргызское законодательство, без всякого желания обдумать их. Тем не менее, в настоящее время мы можем констатировать наличие в законотворческой и законодательной практике юристов Кыргызстана способа, по сути своей весьма похожего на советскую практику, когда в качестве основы для республиканских законов бралась законодательная база Российской Федерации и затем в нее вносились изменения, отражающие локальную специфику, культурную, этническую и прочие особенности республики.

Следует указать на то, что в практике правового анализа законов (при условии их тщательного обдумывания на предмет их пригодности и необходимой эффективности) склоняют и перспективные цели и задачи государства и общества Кыргызстана. Мы имеем в виду в данном случае интеграцию Кыргызстана в Евразийское экономическое сообщество и другие союзы, формируемые на территории бывшего Советского Союза. Нет необходимости говорить о том, что значительная близость законодательных баз стран ЕврАзЭС и Кыргызстана будет и в дальнейшем весьма эффективно способствовать быстрой его адаптации в пределах этого союза.

И, наконец, не следует снимать со счетов, то обстоятельство, что первый Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики 1999 года был разработан специалистами, принадлежавшими к старой советской школе. Хотели они того или нет, но они закладывали основу новой – постсоветской – законотворческой традиции, которая, по понятным причинам, была, по сути, очень близка советской. И, как нам представляется, нет особой необходимости нарушать ее, особенно если взять во внимание все, что было сказано в данном параграфе.

Итак, подведем выводы к параграфу.

1. Возможность использования чужого опыта очень важна в тех случаях, когда собственный опыт недостаточен для осуществления определенного рода деятельности, (в нашем случае – законотворческого). Быстро и относительно эффективно компенсировать отсутствие данного опыта возможно с помощью стабильного и постоянного правового анализа чужого опыта, в том числе, конечно, законотворческого. Можно и отказаться от такой практики, руководствуясь соображениями сохранения национальной самобытности и культуры или другими мотивами. Но при таком варианте развития модернизационные процессы будут значительно замедлены.

Таким образом, постоянное усвоение опыта других государств означает для Кыргызстана следование в русле дальнейшей модернизации общества и государства.

2. К практике правового анализа законов, при условии их тщательного обдумывания на предмет их пригодности и необходимой эффективности, склоняют и перспективные цели и задачи государства и общества Кыргызстана, состоящие в наиболее тесной интеграции Кыргызстана в ЕврАзЭС. Значительная близость законодательных баз государств, входящих данный союз, способствует быстрой адаптации Кыргызстана к новым условиям. К тому же политика вхождения в региональные союзы отражает современный процесс глобализации, являющегося главным процессом эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непосредственным результатом диссертационного исследования являются следующие выводы.

1. Способность правовой системы, культуры и, соответственно, всех ее компонентов к развитию независимо от цивилизационной принадлежности какого-либо конкретного этноса является универсальной чертой всех человеческих сообществ, обусловленной спецификой человеческого вида, наличием у него разума. Однако в силу того обстоятельства, что различные народы развивались и развиваются даже в настоящее время с неодинаковой скоростью, правовые системы народов обнаруживали, соответственно, различную способность к эволюции.

2. В силу того, что особенности возникновения и эволюции кыргызского судопроизводства длительное историческое время определялись в первую очередь цивилизационными чертами кыргызского этноса и его кочевой культуры, многие особенности и трудности современных культурно-правовых трансформаций, в том числе в системе гражданского судопроизводства, во многом обусловлены ими же. Эти особенности проявляются в настоящее время в темпе трансформаций судебной системы Кыргызстана, в успешности проводимых правовых реформ, в характере правосознания и правового поведения граждан, в степени и характере освоения ими новых правовых форм, их законопослушности, в законотворчестве и т.д.

3. Приверженность кыргызов к кочевому образу жизни с характерными для данного образа жизни простыми формами хозяйствования обусловили быстрому эволюцию кыргызского традиционного общества, способствовавший глубокой консервации исконных правовых форм и культуры кыргызского народа.

Традиционные общества сами по себе не предрасположены к трансформацию, но и всячески противятся к ней, во всяком случае внутренне, психологически и т.д. Если трансформация происходят вопреки желанию в

обществе, то главным образом оно происходит под давлением внешних сил и обстоятельств, т.е. вынужденно, а не в силу внутренней потребности.

4. Процесс периодизации правовой и культурной ценности кыргызов основывается к характеру самого процесса, который с влиянием внешних сил или с изменением самого общества и времени. Исторический период модернизации кыргызского общества можно условно разделить на три больших периода. В течение первого периода территории, заселенные кыргызами, входили в круг восточных культур и государств. К этому периоду относятся доисламский и исламский отрезки времени и, в частности, связанный с пребыванием кыргызского народа в составе Кокандского ханства. Несмотря на то, что этот период заметным образом отразился на дальнейшей судьбе кыргызского народа, все преобразования происходили в русле традиционного общества. В течение второго – российского – периода, включающего в себя и советскую эпоху, произошли наиболее глубокие и масштабные преобразования всего экономического и политического строя, а с ним и правовой системы кыргызского народа и придавшие процессу модернизации необратимый характер. И, наконец, третий период – постсоветский этап, связанный с обретением Кыргызстаном суверенитета и строительством общественно-политической и правовой систем западного образца.

5. Советский период и этап становления судопроизводства в Кыргызстане, длившийся более 70 лет, во многих отношениях отличается от всех предшествующих и последующих этапов. С установлением Советской власти начнется процесс возрождения кыргызской государственности, причем на принципиально новой основе, в новом качестве, т.е. не кочевого, а оседлого государства, по сравнению со всеми предшествующими формами государственности кыргызов:

1) развитие гражданского судопроизводства в Кыргызстане с 1917 по 1936 год;

2) гражданское судопроизводство в период с 1936 по 1965 год, вплоть до

принятия Гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР;

3) гражданское судопроизводство после принятия гражданского процессуального кодекса Киргизской ССР до завершения советской эпохи, в период с 1965 по 1991 год.

6. Последующая периодизация истории становления гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане не представляет особой сложности в силу краткости данной истории. Условно ее можно поделить на два этапа, первый из которых связан с созданием основ современного гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике, а второй – с их развитием и совершенствованием.

7. Одной из важнейших особенностей правовой культуры кыргызов, как и их правового сознания, является то, что она формировалась и существовала вплоть до середины XIX века в форме обычного права, т.е. основывающегося на обычаях. Адат у кыргызов, как обычное право и у других народов на соответствующих этапах их развития, представлял собой систему юридических правил (обычаев), которая регулировала общественные отношения, возникавших в связи с имущественными и прочими спорами, и обеспечивала несение ответственности и исполнение наказаний за правонарушения.

8. Трансформация судопроизводства кыргызов, как и всей системы права, происходила не только вследствие внутренних социальных процессов, а главным образом под внешним воздействием, исходившим от соседних народов. В период Кокандского ханства таким народом были в первую очередь узбеки, соседство которых сказывалось таким образом, что достаточно большое число положений норм обычного права кыргызов были заимствованы ими из мусульманского права – шариата. Универсальный характер ислама, позволяющий ей проникать в различные сферы общественной и личной жизни, приводил к тому, что многие положения шариата, проникая поначалу в быт народа, в его повседневную жизнь, со

временем становились нормами обычного права кыргызов. Ислам, возникший на базе традиционной культуры, в силу данного обстоятельства легко находил и находит отклик у народов, у которых традиционализм играет значительную роль в жизни общества. В течение нескольких веков шариат, проникая в традиционную кыргызскую среду, стал одним из важных источников действовавшего права и оказал заметное влияние на обычное право кыргызов – адат. Однако, несмотря на постоянно усиливавшееся влияние ислама в традиционной кыргызской среде, подавляющее количество кыргызов предпочитало жить и осуществлять правосудие по адату. Весьма вероятно, что нормы мусульманского права в конце концов окончательно утвердились бы в традиционной кыргызской среде, играя в ней доминирующую роль по отношению к адату. Однако включение Кыргызстана в состав Российской империи не дало воплотиться данной возможности в реальность. Шариатские нормы продолжали применяться вплоть до 1928 года. Однако они не успели укорениться в народном сознании и практике настолько глубоко, чтобы их невозможно было изжить. Установление же советской тоталитарной системы сделало практически невозможным их возврат.

9. Включением Кыргызстана в состав Российской империи ввело новую точку отсчета в дальнейшей культурно-исторической судьбе кыргызского народа. В условиях Российского государства, частью которого стал Кыргызстан, прежней правовой культуры с необходимостью должна была устранена, что в реальном воплощении означало полное искоренение кыргызского права, наибольшему вытеснению подвергаются нормы адата и шариата, поскольку они не могли оставаться в руках феодальной верхушки верховной власти. Функция принуждения, в целом, перешла к представляющим интересы Российского государства имперским властям.

Влияние имперского законодательства на местное судоустройство и судопроизводство было связано в первую очередь с тем, что между гражданским и уголовным правом была проведена четкая грань, а также между соответствующими отраслями процессуального права. С появлением

данной грани и всех сопутствующих элементов, обеспечивавших отдельное функционирование гражданского и уголовного права, в традиционной кыргызской среде возникли собственно гражданское и собственно уголовное право. И хотя массовое правовое сознание кыргызов не сразу восприняло внезапно возникший водораздел между ними, тем не менее, было положено начало отдельного их существования, и правовому сознанию ничего не оставалось, как приспособливаться под измененную правовую реальность. Другими словами, кыргызы стали учиться различать гражданские и уголовные правонарушения.

10. Царское законодательство не внесло существенных изменений в традиционный порядок судопроизводства, ограничившись лишь тем, что официально закрепило прежние обычаи. Различия в этнических правовых культурах были настолько значительными, что было разумней и целесообразней сохранять до неопределенного времени порядок, при котором споры, возникавшие среди членов кочевого населения, регулировались нормами адата, среди же оседлого населения – шариатскими нормами, а среди пришлого населения – общеимперскими законами. Однако такой порядок сам по себе исключал либо значительно затруднял равноправие сторон, равенство перед законом и судом, независимость судей и подчинение их только закону, выявление истины и т.д.

11. Формирование основ современной судебной системы в Кыргызстане фактически началось в советское время, которое, несмотря на все свои противоречия, подчас значительные издержки и негативные моменты, для кыргызского народа имело множество позитивных изменений, которые в совокупности имели для него без преувеличения колоссальные последствия, связанные со значительными цивилизационными преобразованиями в культуре кыргызов. Устранение Советской властью всех своих оппонентов самыми жесткими методами, концентрация в руках государства огромной власти открыли перед ним возможности, которыми в свое время не располагал царизм. Это в полной мере относилось к правовым институтам. Новое, быстро

формирующееся советское право в условиях тоталитаризма и мощной государственной поддержки стало активно внедряться на всей территории огромного государства. При этом Советская власть не ограничивалась репрессивными мерами. Она настойчиво, целенаправленно и эффективно устраняла экономические и социокультурные основы традиционного кыргызского патриархально-феодального общества, переводя кыргызов в состояние оседлости. Переход к оседлости позволял внедрять новые виды производственной деятельности, а кроме того, начать преобразование родоплеменного сознания, к которому так или иначе привязывалась вся прежняя правовая культура.

12. Важным шагом в развитии и упорядочения гражданско-процессуального законодательства стало принятие в 1923 году постановлением ВЦИК Гражданско-процессуального кодекса РСФСР, введенного в действие в Туркестане с 1 сентября 1923 года. Данный кодекс, вобрав в себя все наиболее рациональные моменты из предшествующего процессуального законодательства, сыграл важную роль в осуществлении правосудия по гражданским делам, а также в дальнейшем развитии и совершенствовании гражданского процессуального права Кыргызской ССР, став его основой.

13. Одним из важнейших результатов процесса перехода кыргызов к оседлости стало образование в 1924 году Кара-Киргизской автономной области. Впервые за всю долгую историю кыргызского народа в рамках автономной области были объединены в единое целое территории, населенные кыргызами, и таким образом кыргызский народ, все еще не преодолевший родоплеменной разобщенности, по сути, впервые за всю свою долгую историю получил реальную возможность консолидироваться в единое целое. Были заложены основы для государственности кыргызского народа, основывавшейся на принципиально иных началах, чем это было ранее. В исторически кратчайшее время в Кыргызстане была создана система органов

государственной власти, которая основывала свою деятельность на новой правовой базе.

14. 5 декабря 1936 года была утверждена Конституция СССР¹, имевшая историческое значение для кыргызского народа. Была образована Кыргызская Советская Социалистическая Республика, что было законодательно закреплено в новой Конституции СССР, которая стала правовой основой для разработки и принятия Конституции Кыргызской ССР от 23 марта 1937 года. В Конституции в законодательном порядке были закреплены основные принципы организации и деятельности судебных органов, а также судопроизводства. В соответствии с Конституцией правосудие в Кыргызской ССР должно было осуществляться Верховным Судом Кыргызской ССР, народными судами, а также специальными судами Союза ССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР. В соответствии с Конституцией СССР 1936 года законодательство о судостроительстве и судопроизводстве и издание кодексов были отнесены к исключительной компетенции СССР в лице его высших органов государственной власти. Целесообразность введения единого для всех советских республик гражданского процессуального кодекса обосновывалась тем, что соответствующие кодексы союзных республик в целом были выстроены на одних и тех же основных принципах и их общей задачей было укрепление социалистической законности в пределах всей страны. К 1936 году в Кыргызстане были полностью ликвидированы системы обычного и шариатского права. Однако у новообразованной Кыргызской ССР не было даже собственного гражданского процессуального кодекса.

15. В качестве основы проекта ГК Кыргызской ССР выступал ГК РСФСР 1923 года, который действовал на территории Кыргызской ССР практически вплоть до принятия нового кодекса. 12 февраля 1957 года Верховным Советом СССР было принято Положение о Верховном Суде СССР связи с тем, что ощутимо расширившимся права судебных органов союзных

¹История национально-государственного строительства в СССР: 3-е изд. – М., 1979.

республик. Данная тенденция сохранился до самого распада СССР. В Кыргызстане, как и во всех остальных республиках Советского Союза, произошли серьезные изменения в плане материального благосостояния населения, уровень которого был значительно выше по сравнению с первыми десятилетиями Советской власти.

Таким образом, 1964 году она приведет к тому впервые в истории Кыргызстана будут утверждены Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы Киргизской ССР. Первый ГПК Киргизской ССР отражал уровень развития гражданского процессуального права, достигнутый к тому моменту как в Советском Союзе, так и в Кыргызстане. В нем сохранились все те элементы и положения, которые обнаружили свою эффективность в судебно-процессуальной и прокурорской надзорной практике.

ГПК 1965 года просуществовал в таком виде до самого распада Советского Союза и стал основой для всех последующих гражданских процессуальных кодексов.

16. С распадом СССР и образованием Кыргызской Республики начинается новый этап в истории Кыргызстана. Однако выход на этот новый этап вовсе не означал автоматического исчезновения прежних проблем. Более того, вслед за образованием суверенного государства к старым проблемам присовокупились новые, обусловленные объективными трудностями реорганизационного периода. Кыргызстан, не успев выйти из состояния, которое можно условно определить как состояние провинциальности, должен был строить новый общественный порядок, основывающийся на разнообразии форм собственности, рыночных отношениях и либеральных ценностях, и новое гражданское общество, т.е. современному Кыргызстану.

17. Процесс советской модернизации в Кыргызстане не получил своего полного завершения, однако при всей своей незавершенности советская модернизация в Кыргызстане зашла настолько далеко, что в настоящее время влияет на современную модернизацию права, на формирование юридической кадровой и законодательной базы, и на развитие юридического

профессионального языка, и на учебные материалы отвечающий всем современным требованиям.

18. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 года, предопределила характер и направление развития гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства страны, сняв возникшие противоречия между ними. Основной закон провозгласил: сущность государства, правовые ценности, основы конституционного строя и правовые идеи и нормы, которые были заложены в основу существовавшего на тот момент гражданского процессуального законодательства. Принятие нового ГПК было обусловлено целым рядом причин, среди которых следует упомянуть в первую очередь причины юридического и организационного плана, саму логику поступательного исторического развития Кыргызстана, принципиально новую, по сравнению с прежней, политическую и социально-экономическую реальность, обусловленную возникновением и развитием в республике института частной собственности, переходом к рыночным отношениям, строительством основ гражданского общества и т.д. Все эти причины, взятые в совокупности предопределили необходимость коренной смены нормативных правовых актов советского периода новыми – отражающими произошедшие существенные изменения в политической и общественно-экономической жизни страны.

19. С принятием Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики 1999 года судебная реформа получила свое продолжение. В новом кодексе нашел отражение опыт, набранный за время реформ. Кроме того, он стал базисом для дальнейших преобразований и совершенствования нормативных актов. Принятие нового кодекса ознаменовало этап в развитии права Кыргызстана, характеризуемый тем, что защита нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов субъектов, указанных в законе, стала важнейшей задачей гражданского процесса. Другими словами, произошла глобальная смена приоритетов и ориентиров, если сравнивать их с приоритетами и ориентирами ГПК 1964 года. Принцип

объективной истины, характерный для старого ГПК, был вытеснен двумя другими самостоятельными принципами – состязательности и процессуального равноправия сторон. Кроме того, законодатель усилил гарантии по реальной защите прав сторон в гражданском процессе. Несмотря на то, что в кодексе с достаточной очевидностью можно проследить стремление законодателя и обусловленную этим желанием тенденцию сделать гражданский процесс более эффективным и организованным, ГПК КР 1999 года не был свободен от определенных недостатков, изъянов, что законодатель учел и внес изменения в последующее ГПК КР.

20. Реформирование судебной системы любой страны – сложная комплексная задача, требующая серьезных затрат, координации и усилий многих специалистов и различных органов, апробация же предлагаемых моделей требует достаточно много времени для оценки их рациональности и эффективности. После принятия ГПК КР 1999 года данный кодекс претерпел достаточно много изменений. Итоговым результатом стало принятие нового Гражданского процессуально кодекса Кыргызской Республики 2017 года. В настоящее время судить о его достоинствах и недочетах несколько преждевременно, поскольку прошло слишком мало времени с момента его принятия. Можно только утверждать, что законодателем достаточно большая и тщательная работа до того, как данный Кодекс был принят.

21. Затрагивая проблемы совершенствования современного гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства Кыргызстана, следует обратить внимание на такой правовой институт, как суды аксакалов, имеющий свои аналоги в системе обычного права. Данный факт относится к феноменам, свидетельствующим как о культурной специфике судебной системы кыргызского этноса, которая может возрождать определенные архаические формы, так и об отмирании этих форм и невозможности их полного восстановления, что свидетельствует о том, что кыргызский народ уже осуществил переход от исконного цивилизационного состояния, традиционной культуры к современной, модернизированной. В

настоящее время суды аксакалов играют достаточно скромную роль в системе современного гражданского судопроизводства Кыргызстана, ключевая же роль в разрешении споров и установлении фактов, которые имеют юридическое значение, несомненно, принадлежит судам, определенным Конституцией КР. Кроме того, суды аксакалов практически не подвержены модернизации, что, в частности, косвенным образом подтверждает новый ГПК КР 2017 года.

22. Анализ как эффективности судопроизводства в современном Кыргызстане, так и законодательной базы, дает нам основание для заключения, что помимо постоянного совершенствования норм гражданского процессуального законодательства необходимо также дальнейшее развитие транспарентности (открытости) гражданского судопроизводства, для чего необходимо продолжать принимать меры, направленные на обеспечение гарантированного права на обращение в суд в установленном порядке, на приближение суда к населению, на оптимизацию судебных расходов, на установление разумных сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел, на установление научно-обоснованных нормативов нагрузки судей, простоты и ясности процедур рассмотрения дел и т.д.

23. На современном этапе развития гражданского права в Кыргызстане по-прежнему на первом плане остаются проблемы, связанные с соотношением публично-правовых и частно-правовых методов регулирования общественных отношений, и в качестве производной данных проблем – пределы государственного вмешательства в частнопредпринимательскую деятельность. Продолжает также оставаться актуальной необходимостью оптимизации соотношения и взаимосвязи между гражданским правом и другими отраслями права, учитывая публично-правовые и частно-правовые интересы.

24. Одной из важных мер и направлений развития гражданского судопроизводства в Кыргызстане в настоящее время является введение института медиации на всех стадиях гражданского процесса. Сейчас положение

вещей с медиацией таково, что можно говорить только о начальной фазе его внедрения в общую систему судопроизводства в Кыргызстане. Законодателю еще предстоит разработать необходимую правовую базу. Это будет одним из следующих шагов в дальнейшей эволюции преобразовании гражданского процессуального законодательства и гражданского судопроизводства в Кыргызстане.

25. Возможность использования чужого опыта очень важна в тех случаях, когда собственный опыт недостаточен для осуществления определенного рода деятельности, (в нашем случае – законотворческого). Быстро и относительно эффективно компенсировать отсутствие данного опыта возможно с помощью стабильного и постоянного правового анализа чужого опыта, в том числе, конечно, законотворческого. Можно и отказаться от такой практики, руководствуясь соображениями сохранения национальной самобытности и культуры или другими мотивами. Но при таком варианте развития модернизационные процессы будут значительно замедлены, что ни в коем случае не будет соответствовать действительным интересам Кыргызстана, особенно если учесть то обстоятельство, что народ Кыргызстана состоит из множества этносов. Таким образом, постоянное усвоение опыта других государств означает для Кыргызстана следование в русле дальнейшей модернизации общества и государства.

26. К практике правового анализа законов, при условии их тщательного обдумывания на предмет их пригодности и необходимой эффективности, склоняют и перспективные цели и задачи государства и общества Кыргызстана, состоящие в наиболее тесной интеграции Кыргызстана в ЕврАзЭС. Значительная близость законодательных баз государств, входящих данный союз, способствует быстрой адаптации Кыргызстана к новым условиям. К тому же политика вхождения в региональные союзы отражает современный процесс глобализации, являющегося главным процессом эпохи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Официальные документы и нормативные правовые акты

1. Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г.
2. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г.
3. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. – Бишкек: Илим, 1995.
4. Конституция СССР. – М., 1977.
5. Всеобщая декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. // Международный акт о правах человека: Сб. документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2000.
6. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской ССР от 30 июля 1964 г. Введен в действие с 1 января 1965 г. – Фрунзе, 1966.
7. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 года №146. – Бишкек, 2000.
8. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики (по состоянию на 15 января 2011 года). – Бишкек: Академия, 2011.
9. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года № 14 (с изменениями и дополнениями от 25.07.2017 г.). – Бишкек: Академия, 2017.
10. Закон Кыргызской Республики О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республикиг. Бишкек, от 13 июня 2011 года N 37 (В редакции конституционных Законов КР от 26 мая 2012 года N 66, 26 июня 2013 года N 105)
11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно-систематизированными материалами / Сост. Брандербургский СВ. и Лебедев В.Н. – М, 1928.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ ред. от 03.08.2018г.
13. Закон «О третейских судах в Кыргызской Республике» был принят 30 июля 2002 г. –Бишкек: ИПЦ Токтом, 2005.
14. Закон «Основы гражданского судопроизводства Союза ССР» от 8 декабря 1961 г.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – №42.
15. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 18 июля 2005 года №106 // Эркин Тоо. – 22 июля 2005 г. – №59.
16. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 25 июня 2007 года №93 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, 2000 г., №3, ст. 158.
17. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 17 июля 2009 года №233 // Эркин Тоо. – 31 июля 2009 г. – №66.
18. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Кодекс о выборах в Кыргызской Республике и Гражданский процессуальный

кодекс Кыргызской Республики» от 29 декабря 2004 года №195 // Эркин Тоо. – 5 января 2005 г. – №1.

19. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 17 июля 2009 года №234 // Эркин Тоо. – 28 июля 2009 г. – №65.

20. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Кодекс о выборах в Кыргызской Республике и Закон Кыргызской Республики “О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах”» от 1 июня 2007 года №76 // Эркин Тоо. – 15 июня 2007 г. – №43.

21. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 30 июля 2003 года №62 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, 2000 г., №3, ст. 158.

22. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 26 июля 2004 года №97 // Эркин Тоо. – 6 августа 2004 г. – №61–62.

23. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 2 июня 2008 года №103 // Эркин Тоо. – 6 июня 2008 г. – №40–41.

24. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 16 ноября 2011 года №210 // Эркин Тоо. – 18 ноября 2011 г. – №97.

25. Закон Кыргызской Республики «О внесении и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 8 августа 2004 года №110 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, 2000 г., №3, ст. 158.

26. Закон Кыргызской Республики «О внесении и изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 13 ноября 2000 года № 85. – Бишкек: ИПЦ «Токтом», 2000.

27. Закон Кыргызской Республики «О внесении и изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 13 ноября 2000 г. №85 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 2000. – №5.

28. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 19 января 2010 года №5 // Эркин Тоо. – 22 января 2010 г. – №4.

29. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 12 октября 2009 года №268 // Эркин Тоо. – 16 октября 2009 г. – №88.

30. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 25 июля 2008 года №168 // Эркин Тоо. – 1 августа 2008 г. – №56.

31. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Кыргызской Республики и Гражданский

процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 24 июля 2009 года №252 // Эркин Тоо. – 7 августа 2009 г. – №68–69.

32. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнения в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» (В редакции конституционного Закона КР от 2 июля 2011 года №68) от 17 июля 2009 года №225 // Эркин Тоо. – 24 июля 2009 г. – №62.

33. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 12 мая 2001 года №43 // Эркин Тоо. – 18 мая 2001 г. – №35.

34. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 10 августа 2007 года №145 // Эркин Тоо. – 17 августа 2007 г. – №59.

35. Закон Кыргызской Республики «О прокуратуре» от 18 декабря 1993 г. № 1341–XII // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 1993. – №3.

36. Закон Кыргызской Республики «О прокуратуре» от 18 декабря 1993 года № 1341–XII // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 1993. – №3. – Ст. 74.

37. Закон Кыргызской Республики «О третейских судах в Кыргызской Республике» от 30 июля 2002 года №135 // Эркин–Тоо. – 2002. – 7 августа.

38. Закон Кыргызской Республики О «Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах» от 18 июля 2003 г. №153 (в редакции Закона КР от 10 июля. 2004 г. №85)

39. Закон Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 г. № 146 (введен в действие с 1 января 2000 г.).

40. Закон от 18 февраля 2003 г. №40, принятом референдумом 2 февраля 2003 г.

41. Закон Республики Кыргызстан «О внесении изменений в Гражданский процессуальный и Гражданский кодексы Республики Кыргызстан» от 18 декабря 1992 года №1095–XII. – Бишкек: ИПЦ «Токтом», 2005.

42. Закон Республики Кыргызстан «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Кыргызстан» от 3 июля 1992 года №961–XII. – Бишкек: ИПЦ «Токтом», 2005.

43. Постановление «О провозглашении независимости Кыргызстана» принято Верховным Советом Кыргызской ССР 24 августа 1991 г.

44. Указ президента Кыргызской Республики об утверждении временного положения о судах аксакалов Кыргызской Республики от 25 января 1995 г. УП–№ 30.

II. Монографии и статьи

45. Абдраимов, Б.Ж. Административная юстиция: соотношение моделей и выбор цели [Текст] / Б.Ж. Абдраимов // Юрист. – 2003. – №12(30). – С. 44–46.

46. Абрамзон, С.М. Очерки культуры киргизского народа [Текст] / С.М. Абрамзон. – Фрунзе: Изд-во Кирг. филиала АН СССР, 1946. – 123 с.
47. Абрамзон, С.М., Потапов, Л.П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материалах тюркоязычных кочевников) [Текст] / С.М. Абрамзон, Л.П. Потапов // СЭ. – 1975. – № 6. – С. 28–41.
48. Абросимова, Е.Б. Транспарентность правосудия [Текст] / Е.Б. Абросимова // Обозрение; судебные новости. Для СМИ, власти и практикующих юристов. – М.: Юстицинформ, 2001. – №1–2(15–16). – С. 7–15.
49. Авдеенко, Н.И., Кабакова, М.А. Гражданское процессуальное право [Текст] / Н.И. Авдеенко, М.А. Кабакова // Сорок лет советского права, 1917–1957: Период строительства. – Т. 2. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – С. 646–705.
50. Авдеенко, Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права [Текст] / Н.И. Авдеенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 72 с.
51. Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. [Текст] / С.С. Алексеев. – Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – 361 с.
52. Алексеев, С.С. Право и наша жизнь [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1978. – 224 с.
53. Аль-Хафиз бен Хаджар аль-Аскалани. Получение желаемого из источников норм [Текст] / Аль-Хафиз бен Хаджар аль-Аскалани. – Каир, 1934. – 354 с.
54. Альчиев, К.А. Принципы гражданского процессуального права Кыргызстана [Текст] / К.А. Альчиев. – Бишкек, 1998. – 102 с.
55. Альчиев, К. Возникновение и развитие гражданского права в Советском Киргизстане [Текст] / К. Альчиев. – Фрунзе: Илим, 1975. – 139 с.
56. Альчиев, К.А. Гражданское право дореволюционной Киргизии [Текст] / К.А. Альчиев // Труды Киргизского государственного университета имени 50-летия СССР. Серия: Юридические науки. Вып. 10. – Фрунзе, 1975. – С. 10–17.
57. Аманалиев, Б. Из истории философской мысли киргизского народа [Текст] / Б. Аманалиев. – Фрунзе: Изд-во академии наук Кирг. ССР. – 154 с.
58. Аманалиев, К.Б. Социально-философский анализ патернализма. Дисс. ... канд. филос. наук [Текст] / Б. Аманалиев. – Бишкек, 1996. – 178 с.
59. Арабаев, Ч.И. Гражданско-правовой договор в условиях рынка (в Кыргызстане) [Текст] / Ч.И. Арабаев // Укук – Право. – 1996. – №1. – С. 21–24.
60. Арабаев, Ч.И. Роль и значение гражданского права Кыргызской Республики в условиях формирования правового государства // Проблемы реализации программы «Кадры XXI века». (Человеческий аспект и экономико-правовые нормы): Материалы научно-практической конференции. 11–12 июня 1998 г. – Бишкек, 1998. – Ч. 2: Человек и право. – С. 3–14;
61. Аркашев, С.И. Внешняя граница Семиречья [Текст] / С.И. Аркашев. – Джаркент-Верный, 1909. – 120 с.

62. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм [Текст] / Арон Р. – М.: Текст, 1993. – 303 с.
63. Асеинова, Н. О проекте гражданского процессуального кодекса [Текст] / Н. Асеинова // Право и предпринимательство: Бюллетень. – 1999. – № 3. – С. 3–9.
64. Атакулова, А.А. Новый гражданско-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Текст] / А.А. Атакулова // Вестник КГНУ, 2001. – С. 134–135.
65. Аузан, А.А., Бальсевич, А.А. Эффективность гражданского судопроизводства в России: институциональный анализ и институциональное проектирование [Текст] / А.А. Аузан, А.А. Бальсевич, Е.А. Водопьянова и др.; [под ред. В. Л. Тамбовцева, А. В. Золотова]; Ин-т гражданского анализа, Ин-т нац. проекта «Общественный договор». – М.: ИИФ «СПРОС» КонФОП, 2005. – 146 с.
66. Ахмедов, А.Д. Из истории уголовной юстиции Киргизии (1918–1922 гг.) [Текст] / А.Д. Ахмедов. – Фрунзе: Илим, 1984. – 152 с.
67. Ахмедов, А.Д. Становление, развитие и совершенствование органов уголовной юстиции Киргизии [Текст] / А.Д. Ахмедов. – Фрунзе: Илим, 1990. – 212 с.
68. Бартольд, В.В. Сочинения в 9 т. – Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия [Текст] / В.В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – 763 с. – ,2,4.
69. Бартольд, В.В. Сочинения в 9 т. – Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы [Текст] / В.В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – 1024 с.
70. Бартольд, В.В. Сочинения в 9 т. – Т. II. Часть II. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии [Текст] / В.В. Бартольд. – М.: Наука, 1964. – 661 с.
71. Бартольд, В.В. Сочинения в 9 т. – Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии [Текст] / В.В. Бартольд. – М.: Наука, 1966. – 497 с.
72. Басков, В.И. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора – исключительная стадия уголовного процесса [Текст] / В.И. Басков // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 74–82.
73. Бердяев, Н.А. Смысл истории [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 59 с.
74. Бернштам, А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая [Текст] / А.Н. Бернштам. – М.-Л., 1952. – 348 с.
75. Бернштам, А.Н. Культура древнего Киргизстана [Текст] / А.Н. Бернштам. – Фрунзе: [б. и.], 1942. – 22 с.
76. Бернштам, А.Н. Социально-экономический строй орхоненнисейских тюрок VI–VIII веков [Текст] / А.Н. Бернштам. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 208 с.
77. Бичурин, Н.Я. (Иакиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Бичурин Н.Я. – Т. 1. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 471 с.

78. Боннер, А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел [Текст] / А.Т. Боннер. – М.: Городец, 2000. – 328 с.
79. Ботоканова, Г.Т. Философемы в творчестве Молдо Кылыча [Текст] / Г.Т. Ботоканова. – Бишкек, 2004. – 242 с.
80. Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах [Текст] / Ч.Ч. Валиханов. Том 1. – Алма-Ата, 1984. – 432 с.
81. Валиханов, Ч.Ч. Избранные произведения [Текст] / Ч.Ч. Валиханов. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. – 644 с.
82. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
83. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов [Текст] / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
84. Вовенарг Люк де Клапье де. Размышления и максимы [Текст] / Люк де Клапье де Вовенарг. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1988. – 439 с.
85. Володин, А.Г., Широков, Г.К. Глобализация: Истоки, тенденции, перспективы [Текст] / А.Г. Володин, Г.К. Широков // Полис. – 1999. – №5. – С. 83–95.
86. Воронов, А.Ф. О развитии гражданского процессуального законодательства в новом Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [Текст] / А.Ф. Воронов // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – №4. – С. 14–25.
87. Воронов, А.Ф. Эволюция принципа непрерывности судебного разбирательства в гражданском процессе [Текст] / А.Ф. Воронов // Законодательство. – 2006. – №5. – С. 64–77.
88. Выступление Акаева А.А. // Деловые вести. – 2002. – №2
89. Гаврилов, М. Манап [Текст] / М. Гаврилов // Современный аул Средней Азии: Соц.-эк. очерк. Вып. 10. – Ташкент, 1927. – С. 201–215.
90. Гегель, Г.В. Соч. в 14 т. – Т. 7. Философия права [Текст] / Г.В. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 384 с.
91. Гришанин, И.Ф. К итогам работы пленума Верховного Суда СССР в 1957 г. [Текст] / И.Ф. Гришанин // Правоведение. – 1958. – №2. – С. 9–18.
92. Давлетшин, А.Г. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов [Текст] / А.Г. Давлетшин. – СПб., 1901. – 106 с.
93. Джалилов, И.Д. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана [Текст] / И.Д. Джалилов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 64 с.
94. Джамгерчинов, Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России [Текст] / Б. Джамгерчинов. – Фрунзе: Киргосиздат, 1963. – 436 с.
95. Дюрант, В. Цезарь и Христос [Текст] / В. Дюрант. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 736 с.
96. Жуйков, В.М. Проблемы гражданского процессуального права [Текст] / В.М. Жуйков. – М.: Городец-издат, 2001. – 286 с.

97. Загряжский, Г.С. Материалы для статистики Туркестанского края [Текст] / Г.С. Загряжский. Ежегодник. Вып. 4. Под ред. Н.А. Маева. – СПб., 1876. – С. 186–198.
98. Загряжский, Г.С. Очерки Токмакского уезда [Текст] / Г.С. Загряжский // Туркестанские ведомости, 1873. – № 9. – С. 10–16.
99. Загряжский, Г.С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (Зан) [Текст] / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – СПб., 1876. – Вып. 4. – 504 с.
100. Зайков, Ф.А., Ниязова, А.Н. Актуальные вопросы гражданского процесса в Кыргызской Республике [Текст] / Ф.А. Зайков, А.Н. Ниязова. – Бишкек: КРСУ 2000. – 320 с.
101. Зейдер, Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / Н.Б. Зейдер. – Саратов: СГУ, 1965. – 72 с.
102. Зеравшанские заметки. О народном суде у туземцев [Текст] // Туркестанские ведомости. – 8 мая, 1879. – С. 5.
103. Известия Турк. ЦИК. – 1920. – 12 июня. – №102.
104. Известия. – 1957. – 12 февр.
105. Ильхамов, Н. Возникновение и развитие института советской кассации в гражданском процессуальном праве Узбекской ССР [Текст] / Н. Ильхамов. – Ташкент: Фан, 1966. – 48 с.
106. Кабакова, М.А. Теория и практика кассационного обжалования [Текст] / М.А. Кабакова // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса: Сборник. – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1988. – С. 174–182.
107. Калинычев, Ф.И. Советское законодательство в период строительства коммунизма [Текст] / Ф.И. Калинычев. – М.: Мысль, 1966. – 102 с.
108. Камиллов, М. К. Формирование новой личности (философские и социологические аспекты) [Текст] / М.К. Камиллов. – М.: Наука, 1975. – 214 с.
109. Караев, Д.С. Сопоставительная таблица статей гражданских процессуальных кодексов союзных республик [Текст] / Д.С. Караев. – М., 1953. – 364 с.
110. Кененбаев, Т.О. Гражданский Кодекс Кыргызстана на пути к рынку [Текст] / Т.О. Кененбаев // Бизнесмен К. – 1996. – №74. – С. 3–5.
111. Кененбаев, Т.О. Третейский суд в Кыргызстане: настоящее и будущее [Текст] / Т.О. Кененбаев // Третейский суд в Кыргызстане: становление и развитие / Материалы Национального форума «Развитие института третейского разбирательства – гарантия защиты прав инвесторов. – Бишкек, 2005. – С. 37–41.
112. Кисляков, Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX вв.) [Текст] / Н.А. Кисляков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 131 с.
113. Клейман, А.Ф. Советский гражданский процесс [Текст] / А.Ф. Клейман. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1954. – 407 с.

114. Клейман, А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советской гражданской процессуальной практике [Текст] / А.Ф. Клейман. – М., 1950. – 300 с.
115. Климович, Л.И. Ислам: очерки [Текст] / Л.И. Климович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 287 с.
116. Книжки в Кыргызстане практически не выпускают [Текст] // Неделя, 2007, 26 июля, – №30 (276). – Бишкек, 2009.
117. Ковалевский, М.М. Закон и обычай на Кавказе [Текст] / Ковалевский М.М. – Т. 2. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. – 319 с.
118. Кожоналиев, С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции [Текст] / С.К. Кожоналиев. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – 66 с.
119. Крыленко, Н.В. Суд и право в СССР. Ч.1. Основы судостроительства [Текст] / Н.В. Крыленко. – М.: Государственное издательство, 1927. – 164 с.
120. Крыльцов, И.И. Государственное управление и суд в Среднеазиатских ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией [Текст] / И.И. Крыльцов // Учен. зап. Сverdл. юрид. ин-та. – Свердловск, 1947. – Т. 2. – С. 32–62.
121. Кукушкин, Ю.С., Чистяков, О.И. Очерк истории Советской Конституции [Текст] / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
122. Куликов, В. Правосудие в СССР в военные годы [Текст] / В. Куликов // Советское государство и право. – 1975. – № 5. – С. 31–37.
123. Культелеев, Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти) [Текст] / Т.М. Культелеев. – Алма-Ата, 1955. – 350 с.
124. Курманов, З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы [Текст] / Курманов З.К. – Бишкек: Илим, 1997. – 292 с.
125. Кушнер, П. Горная Киргизия (социологическая разведка) [Текст] / П. Кушнер. – М.: Изд-во Коммунистического университета трудящихся Востока, 1925. – 134 с.
126. Лапин, Б.Н. Теоретические и практические проблемы повышения эффективности и подготовки гражданских дел к судебному разбирательству [Текст] / Б.Н. Лапин // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – С. 137–152.
127. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. [Текст] / В.И. Ленин. – Т. 15. – М., 1950. – 480 с.
128. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст] / В.И. Ленин. – Т. 12. – М., 1967. – 576 с.
129. Лесницкая, Л.Ф., Пучинский, В.К. Особенности ГПК союзных республик [Текст] / Л.Ф. Лесницкая, В.К. Пучинский. – М.: Юрид. лит., 1970. – 240 с.
130. Логинов, П.В. Предварительная подготовка гражданских дел [Текст] / П.В. Логинов. – М., 1960. – 164 с.

131. Маковский, А. Об унификации гражданского законодательства на едином экономическом пространстве (советский и постсоветский опыт) [Текст] / А. Маковский // Юрист. – 2006. – №9(63). – С. 22–34.
132. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 1. – М., 1954. – 694 с.
133. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 10. – М., 1958. – 772 с.
134. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19. – М., 1961. – 670 с.
135. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 28. – М., 1962. – 767 с.
136. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 25. – Ч. 2. – М., 1962. – 552 с.
137. Мукамбаева, Г.А. Манас и право [Текст] / Г.А. Мукамбаева. – Бишкек: Бийиктик, 2003. – 336 с.
138. Мукасов, С.М. Традиции социально-философской мысли в духовной культуре кыргызского народа [Текст] / С.М. Мукасов. – Бишкек: Илим, 1999. – 226 с.
139. Муллаев, М.М. Происхождение и революционная сущность шариата [Текст] / М.М. Муллаев. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 187 с.
140. Наливкин, В.П. Туземцы раньше и теперь [Текст] / В.П. Наливкин. – Ташкент, 1913. – 114 с.
141. Наша газета. – 1918. – 14 января.
142. Ницше, Ф. Соч. в 2 т. [Текст] / Ф. Ницше. – Т. 1. – М.: Мысль, 1997. – 829 с.
143. Нурбеков, К.Н. История государства и права Киргизской ССР [Текст] / К.Н. Нурбеков. – Вып. 1. – Фрунзе, 1965. – 155 с.
144. Нурбеков, К.Н. Возникновение Киргизской Советской национальной государственности [Текст] / К.Н. Нурбеков. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964. – 150 с.
145. Нурбеков, К.Н. Образование Киргизской ССР [Текст] / К.Н. Нурбеков. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1960. – 68 с.
146. Нусупов, Ч.Т. Философия национального нигилизма, языковая политика и культура [Текст] / Ч.Т. Нусупов. – Бишкек, 2007. – 180 с.
147. Пален, К.К. Правовой быт туземного населения [Текст] / К.К. Пален. – Т. IV. – СПб., 1910. – 400 с.
148. Петрухин, И.Л. Об эффективности прокурорского надзора в суде [Текст] / И.Л. Петрухин // Социалистическая законность. – 1969. – №6. – С. 32–37.
149. Плоских, В.М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX века) [Текст] / В.М. Плоских. – Фрунзе, 1968. – 109 с.
150. Похмелкин, А.В., Похмелкин, В.В. Идеология и уголовная политика [Текст] / А.В. Похмелкин, В. В. Похмелкин. – М., 1992. – 160 с.

151. Радвогин, А., Михайленко, Н. XX лет Конституции социализма [Текст] / А. Радвогин, Н. Михайленко. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957. – 68 с.
152. Радвогин, А. Киргизская ССР – форма советской национальной государственности [Текст] / А. Радвогин. – Фрунзе: Илим, 1967. – 182 с.
153. Раджабов, С.А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии [Текст] / С.А. Раджабов. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1955. – 211 с.
154. Развитие кодификации советского законодательства [Текст] / Авт. кол.: К.П. Горшенин, П.Ф. Елисейкин, В. Н. Иванов и др.; Отв. ред. и авт. вступ. ст. С.Н. Братусь; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1968. – 247 с.
155. Разыков, Ш. К истории советского суда в Таджикистане [Текст] / Ш. Разыков. – Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1960. – 114 с.
156. Ромашов, Р.А. К вопросу о социально-правовой природе авторитарного режима [Текст] / Р.А. Ромашов // Государственная власть и местное самоуправление. – М.: Юрист, 2003. – № 3. – С. 10–12.
157. Россел, Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке [Текст] / Ю. Россел // Вестник Европы. – СПб., 1878. – Т. 4. – С. 124–138.
158. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Судебная реформа / Ред. Б.В. Виленский. – Т. 7. Документы крестьянской реформы / Отв. ред. О.И. Чистяков. – 1989. – 432 с.
159. Саидбаев, Т.С. Ислам и общество: опыт историко-социологического исследования [Текст] / Т.С. Саидбаев. – М.: Наука, 1978. – 253 с.
160. Сатыбеков, С.С. Гражданское судопроизводство Киргизской ССР [Текст] / С.С. Сатыбеков. – Фрунзе, 1987. – 189 с.
161. Семенов, В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства [Текст] / В.М. Семенов. – М.: Юридическая литература, 1982. – 152 с.
162. Семенов-Тянь-Шанский, П.П. Путешествие в Тянь-Шань. 1856–1857. [Текст] / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М.: Географгиз, 1958. – 278 с.
163. Сеницына, И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. (История изучения. Кодексы обычного права) [Текст] / И.Е. Сеницына. – М., 1978. – 286 с.
164. Сманбаева, Ж.А. Государственно-правовая организация кыргызского общества дооктябрьских событий 1917 года [Текст] / Ж.А. Сманбаева // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Бласагына: Труды ин-та целевой подготовки специалистов. – Вып. 1. – Бишкек. 2005. – С. 160–164.
165. Смирнов, А.В. Состязательный процесс [Текст] / А.В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.
166. Сооданбеков, С.С. Конституционное право Кыргызской Республики [Текст] / С.С. Сооданбеков. – Б., 1999. – 394 с.

167. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
168. Сулейманова, Х.С. Уголовное право дореволюционного Туркестана // Материалы к истории Советского государства и права Узбекистана. – №26 – Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1958.
169. Супатаев, А., Тайгин, Ф.П. Создание и развитие советского суда в Киргизии (1917–1969 гг.) [Текст] / Супатаев А., Тайгин Ф.П. – Фрунзе: Кыргызстан, 1971. – 202 с.
170. Супатаев, М.А. Правовой обычай как источник права в развивающихся странах [Текст] / М.А. Супатаев // Источники права. – М., 1985. – С. 45–51.
171. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс [Текст] / Синха Сурия Пракаш / Пер. с англ. – Будапешт: Академия, 1996. – 304 с.
172. Суханов, И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений [Текст] / И.В. Суханов. – М.: Политиздат, 1976. – 216 с.
173. Сюкияйнен, Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура [Текст] / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. – 48 с.
174. Тахиров, Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Дониш, 1987. – 192 с.
175. Торнау, Н.Е. Особенности мусульманского права [Текст] / Н.Е. Торнау. – СПб.: тип. Акад. наук, 1892. – 88 с.
176. Треушников, М.К. Доказательства и доказывания в советском гражданском процессе [Текст] / М.К. Треушников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 160 с.
177. Трубников, П.Я. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР [Текст] / П.Я. Трубников. – М.: Юрид. лит-ра, 1979. – 240 с.
178. Туманова, Л.В. Транспарентность гражданского судопроизводства [Текст] / Л.В. Туманова // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2004. – С. 21–29.
179. Туранов, Д. Обычное право киргизов [Текст] / Д. Туранов // Киргизская степная газета. – 1900. – №43. – 5 ноября.
180. Тургунбеков, Р.Т. Конституционные основы суверенитета Киргизской ССР. – Фрунзе, 1959. – 73 с.
181. Тургунбеков, Р.Т. Государственность и Конституция Советского Киргизстана в период развитого социализма народа [Текст] / Р.Т. Тургунбеков. – Фрунзе: Илим, 1980. – 72 с.
182. Тургунбеков, Р.Т. Становление и развитие суверенного государства киргизского народа [Текст] / Р.Т. Тургунбеков. – Фрунзе: Илим, 1969. – 239 с.

183. Тургунбеков, Р.Т. Создание и развитие Конституции Киргизской ССР [Текст] / Р.Т. Тургунбеков. – Фрунзе: Издательство АН Кирг. ССР, 1962. – 170 с.
184. Уметов, Т.Э., Уметова, А.Э. Миграционная ситуация в Кыргызской Республике: реалии и перспективы // Центральная Азия и культура мира. Спец. вып. – №№1–2. – Бишкек, 2007.
185. Умралиев, Т. Судебная реформа в Кыргызстане [Текст] / Т. Умралиев // СНГ: реформа гражданского процессуального права: Материалы Международной конференции / Под общ. ред. М.М. Богуславского и А. Трунка. – М.: ООО «Городециздат», 2002. – С. 125–130.
186. Усубалиев, Т.У. Ленинизм – великий источник дружбы и братства народов [Текст] / Т.У. Усубалиев. – М., 1974. – 403 с.
187. Уткин, А.И. Главный процесс эпохи [Текст] / А.И. Уткин // США: экономика, политика, культура, 2000. – №1. – С. 42–60.
188. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания [Текст] / И.Е. Фарбер. – М.: Юридическая литература, 1963. – 205 с.
189. Фейгина, Л. Некоторые аспекты несовершенства гражданского процессуального законодательства Кыргызской Республики [Текст] / Л. Фейгина // Право и предпринимательство. – 2003. – № 2. – С. 16–21.
190. Хутыз, М.Х. Проблемы единства и дифференциации ГПК союзных республик [Текст] / М.Х. Хутыз // Правоведение. – 1989. – № 3. – С. 34–41.
191. Черепяхин, Б.Б. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности [Текст] / Б.Б. Черепяхин // Советское государство и право, 1957. – №7. – С. 62–70.
192. Черепяхин, Б.Б. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности [Текст] / Б.Б. Черепяхин // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – 612 с.
193. Чечина, Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 68 с.
194. Чижков, С.Л. Проблемы транспарентности судебной власти [Текст] / С.Л. Чижков // Проблемы транспарентности судебной власти: Материалы конференции «Прозрачность правосудия: международные стандарты и российская практика». – М., 2001. – С. 3–9.
195. Чиналиев, У. Становление кыргызской государственности в переходный период [Текст] / У. Чиналиев. – М., 2000. – 287 с.
196. Чиналиева, И.У. Понятие принципов гражданского процессуального права Кыргызстана и их значение [Текст] / И.У. Чиналиева. – Бишкек: Кыргызстан, 1998. – 154 с.
197. Чиналиева, И.У. Принципы гражданского процессуального права Кыргызстана [Текст] / И.У. Чиналиева. – Бишкек: Кыргызстан, 1998. – 152 с.
198. Чумаков, А.Н. Глобализация: контуры целостного мира [Текст] / А.Н. Чумаков. – М.: Проспект, 2005. – 430 с.
199. Шабанов, А.Ф. Право, обычай и правовой обычай в условиях социалистического строительства [Текст] / А.Ф. Шабанов // Советское право

и обычаи в условиях коммунистического строительства: Сборник статей. – Нальчик, 1963. – С. 23–28.

200. Шадсон, М. Культура и интеграция национальных обществ [Текст] / М. Шадсон // Международный журнал социальных наук, 1994. – № 3(6). – Август. – С. 85–91.

201. Шакарян, М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции [Текст] / М.С. Шакарян // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. – М.: Лиджист, 2001. – С. 65–67.

202. Шакарян, М.С. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / Шакарян М.С. – М.: ТК Велби, 2003. – 688 с.

203. Шарль, Р. Мусульманское право [Текст] / Р. Шарль / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. Е.А. Беляева. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 143 с.

204. Шемякин, Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии: Книга для чтения [Текст] / Я.Г. Шемякин. – М.: Рипол Классик, 2003. – 432 с.

205. Шубина, П.Ю. Гражданско-процессуальное законодательство: проблемы и перспективы [Текст] / П.Ю. Шубина // Сборник научных трудов / Вып. 3. КРСУ. – Бишкек. 1999.

206. Щеглов, В.Н. Иск о судебной защите гражданского права [Текст] / В.Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 168 с.

207. Энгельс, Ф. К жилищному вопросу [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 18. – С. 203–284.

208. Юдельсон, К.С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе [Текст] / К.С. Юдельсон. – М.: Госюриздат, 1956. – 249 с.

209. Юсупов, Р.У. Численность и расселение дунган в Кыргызстане. Диалог ученых на Великом Шелковом пути [Текст] / Р.У. Юсупов: Сборник научных статей / Отв. ред. М.Х. Имазов. – Бишкек, 2002. – 192 с.

III. Учебники, учебные пособия, лекции, справочники

210. Аузан, А.А., Бальсевич, А.А. и др. Эффективность гражданского судопроизводства в России: институциональный анализ и институциональное проектирование [Текст] / А.А. Аузан, А.А. Бальсевич и др. – М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2005. – 148 с.

211. Большой энциклопедический словарь // Под редакцией А. М. Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. – 1456 с.

212. Боннер, А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права [Текст] / А.Т. Боннер: Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1987. – 78 с.

213. Гольмстен, А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст] / А.Х. Гольмстен. 4-е изд. – СПб., 1907. – 424 с.

214. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике [Текст]: учебное пособие / В.М. Семенов. – Свердловск: Уральский университет, 1979. – 80 с.
215. Зейдер, Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / Зейдер Н.Б. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 74 с.
216. История государства и права России. Учебник для вузов [Текст] / отв. ред. С. А. Чибиряев. – М.: Былина, 1998. – 423 с.
217. История государства и права СССР [Текст]: Учебник. Ч.1. / под редакцией Ю.П. Титова. – М.: Юридическая литература, 1988. – 544 с.
218. История Киргизской ССР [Текст]. – Т. 1. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – 708 с.
219. История Киргизской ССР с древних времен до наших дней [Текст] / АН Кирг. ССР. Ред. колл. Каракеев К. и др. – Т. 3. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 452 с.
220. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней [Текст]. В 5 т. / Под ред. В.М. Плоских. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. 1. – 798 с.
221. История национально-государственного строительства в СССР [Текст]: 3-е изд. – М, 1979. – 423 с.
222. Ишанова, Ш.А. Нормы шариата и их применение казийскими судами в Средней Азии до 1934 года [Текст] / Ш.А. Ишанова: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1992. – 176 с.
223. Кабакова, М.А. Теория и практика кассационного обжалования [Текст] / М.А. Кабакова // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса: Сборник. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – С. 178–191.
224. Клейман, А.Ф. Советский гражданский процесс [Текст] / А.Ф. Клейман. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1954. – 407 с.
225. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст]: Отв. ред. М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 860 с.
226. Коран [Текст]. – М: Наука, 1963. – 714 с.
227. Куликов, В. Правосудие в СССР в военные годы [Текст] / В. Куликов // Советское государство и право. – 1975. – №5. – С. 31–37.
228. Кыргыз совет энциклопедиясы [Текст]. – Фрунзе, 1979. – Т. 4. – 686 с.
229. Материалы по истории политического строя Казахстана [Текст]. – Алма-Ата, 1969. – Т. 1. – 546 с.
230. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной ко- миссии в 1846 году // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма- Ата: АН КазССР, 1948.
231. Международный энциклопедический словарь. – М., 2006. – 1160 с.
232. Мельник, В.А. Политология: учебник [Текст] / В.А. Мельник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1997. – 495 с.

233. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения Н 31 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.
234. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР [Текст] / Авдюков М.Г., Герзон С.Л., Гуреев П.П., Добровольский А.А., и др.; Под ред.: Каллистратов Р.Ф., Пучинский В.К. – М.: Юрид. лит., 1965. – 512 с.
235. Никулин, С.И. Нравственные начала уголовного права. Учебное пособие [Текст] / Никулин С.И. – М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992. – 71 с.
236. Нурбеков, К.Н. История государства и права Киргизской ССР (1918–1936 гг.) [Текст] / К.Н. Нурбеков: Учеб. пособие. – Ч. II. – Фрунзе, 1970. – 150 с.
237. Нурбеков, К.Н. История государства и права Киргизской ССР (1936–1958) [Текст] / К.Н. Нурбеков: Учеб. пособие. Ч. III. – Фрунзе, 1972. – 162 с.
238. Нурбеков, К.Н. История государства и права Киргизской ССР [Текст] / К.Н. Нурбеков. Вып. I. – Фрунзе: Мектеп, 1965. – 155с.
239. Нурбеков, К.Н. История государства и права Киргизской ССР [Текст] / К.Н. Нурбеков. – Изд. 2-е. – Б.: КГУ, 1999. – 129 с.
240. Нурбеков, К.Н. Государственно-правовое строительство Советского Киргизстана [Текст] / К.Н. Нурбеков. – Фрунзе: Илим, 1981. – 186 с.
241. Осмонов, О.Дж. История Кыргызстана(с древнейших времен до наших дней) [Текст]: учеб. для вузов / О.Дж. Осмонов. – Бишкек, 2008. – 606 с.
242. Развитие кодификации советского законодательства [Текст] / Под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юрид. лит., 1968. – 247 с.
243. Садагдар, М.И. Основные черты мусульманского права и его развитие в Иране по шиитскому направлению [Текст] / М.И. Садагдар: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1963. – 19 с.
244. Сборник киргизского обычного права // Материалы по казахскому обычному праву [Текст]: Сборник / Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. – 351 с.
245. Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву [Текст]. – СПб.: Типография Л. Я. Ганзбурга, 1912. – 113 с.
246. Семенов, В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике: учебное пособие [Текст] / В. М. Семенов. – Свердловск: Уральский ун-т, 1979. – 80 с.
247. Смирнов, А.В. Типология уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Смирнов: Дисс. ... д-ра. юрид. наук по специальности 12.00.09. – М, 2004. – 284 с.
248. Советский гражданский процесс [Текст]: Учебник / Под ред. М. А. Гурвича. – М.: Высшая школа, 1975. – 399 с.
249. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник / под ред. А.А. Добровольского, А.Ф. Клеймана. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 440 с.

250. Теория государства и права [Текст]: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.

251. Треушников, М.К. Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел: Учебное пособие [Текст] / М.К. Треушников. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – 432с.

252. Треушников, М.К., Шерстюк, В.М. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР от 11 июня 1964 г. [Текст] / М.К. Треушников, В.М. Шерстюк. – М., 1971. – 356 с.

253. Труд в СССР. Статистический сборник. – М., 1988. – 302 с.

254. Хидоя: Комментарий мусульманского права. Т. 1–4. [Текст] / Под ред. Гродекова Н.И. Пер. с англ. – Ташкент: Типолиитография СИ. Лахтина, 1893.

255. Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.). [Текст] / Отв. ред. В.М. Плоских. – Бишкек: Раритет Инфо, 2004. – 373 с.

256. Чечина, Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 68 с.

IV. Диссертации, авторефераты

257. Аманалиев, К.Б. Социально-философский анализ патернализма [Текст]: дисс. ... канд. филос. наук / К.Б. Аманалиев. – Бишкек, 1996. – 162 с.

258. Ахметжанов, У.М. Институт собственности в мусульманском праве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / У.М. Ахметжанов. – М., 1963. – 21 с.

259. Воробьева, С.И. Соотношение советского права с обычаями и традициями как самостоятельным видом социальных норм в зрелом социалистическом обществе [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / Воробьева С.И. – Ташкент, 1983. – 193 с.

260. Жумаганбетов, Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права VI–XII вв. [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук / Т.С. Жумаганбетов. – Алматы, 2004. – 46 с.

261. Ишанова, Ш.А. Нормы шариата и их применение казийскими судами в Средней Азии до 1934 года [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук / Ш.А. Ишанова. – Ташкент, 1992. – 174 с.

262. Сайфуллаев, Ф.Х. Гражданское право Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Ф.Х. Сайфуллаев; Ташкентский гос. унт. – Ташкент, 1962. – 23 с.

263. Сорокин, В.И. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / В.И. Сорокин. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.

264. Хутыз, М.Х. Становление основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (историко-правовое исследование) [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / М.Х. Хутыз. – М. 1981. – 32 с

265. Шамилов, М.Ш. Становление и развитие гражданского процессуального законодательства КР [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / М.Ш. Шамилов. – М., 2007. – 204 с.

IV. Архивные материалы

266. Архив городского суда г. Кант. Материалы гражданского дела № 22-01-45.

267. Архив Сузакского районного суда. Материалы гражданского дела 35-01-89.

268. Архивные статистические данные Судебного департамента Кыргызской Республики.

269. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1976. – № 6.

270. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1968. – №2.

271. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1969. – №6.

272. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1970. – №3.

273. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1975. – № 1.

274. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1938. – №11.

275. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1942. – №13.

276. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – №37.

277. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – №7.

278. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – № 5.

279. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4.

280. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 9.

281. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – №1.

282. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – №50.

283. Ведомости Жогорку Кенеша Республики Кыргызстан. – 1994. – №3.

284. Ведомости Жогорку Кенеша Республики Кыргызстан. – 1998. – №4.

285. Ведомости Жогорку Кенеша Республики Кыргызстан. – 1997. – №11.

286. Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями от 1867 г. Пп. 4, 5., Пп. 182., Ст. 227.

287. Временное положение об управлении Туркестанской областью: Собрание узаконений и распоряжений правительства. Второе полугодие. – СПб., 1865. – №77.

288. Декреты Советской власти. – Т. 1. – М.: Политическая литература, 1957.

289. Декреты Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1917 г. «О расторжении брака». Т. 1. – М.: Полит, лит-ра, 1957.

290. Исторический архив. 1934. – Т. 1.

291. История Советской Конституции: Сб. документов: 1917–1957 гг.

292. Наша газета. – 1918. – 14 января.

293. Нотариат. Сборник официальных материалов, составленный Н.С. Будневым. – М.: Госюриздат, 1950.
294. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и Союзных республик от 18 ноября 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1961. – №50.
295. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР от 8 декабря 1961 г.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – №42.
296. Отчет сенатора К.К. Палена по ревизии Туркестанского края, 1908–1909 гг. – СПб., 1910.
297. Отчетный доклад революционного комитета КАО РСФСР первому съезду Советов РКиДД области (ноябрь 1924 – март 1925 г.). – Пишпек, 1925.
298. Пален К.К. Сборник киргизского обычного права. / Фонд 1396, опись 1, дело 452, Архив РГИА Санкт–Петербурга.
299. Положение об управлении Туркестанским краем. Утверждено 12 июня 1886 года // Собрание узаконений. 1886 г. – № 86.
300. Постановление 2-й сессии ВЦИК 11 созыва 16 октября 1924 года «О дополнениях уголовного кодекса РСФСР для автономной республики и областей Киргизской ССР». – Гл. 9.
301. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета №98 // Известия. – 1920. – 27 августа.
302. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 августа 1941 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда. – М., 1942.
303. Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925–1937 гг.). – Фрунзе, 1973.
304. Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925–1937 гг.).
305. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Судебная реформа / Ред. Б.В. Виленский. – Т. 7. – М., 1991.
306. Рукописный фонд Института истории Киргизской ССР. Инв. Дело № 8 Оп. 128.
307. Рукописный фонд Института философии и права АН Республики Казахстана. Инв. №13.
308. Рукописный фонд Института философии и права АН Республики Казахстана. Инв. №11. – С. 448; Инв. №12.
309. Рукописный фонд Института философии и права АН Республики Казахстана. Инв. Дело № 13.
310. Сб. Законов Киргизской ССР и Указов Президиума Совета Киргизской ССР. 1938–1956 гг. – Фрунзе 1957.
311. Сборник декретов и приказов СНК Туркеспублики от 23 ноября 1917 г. по 1 июля 1918 г.
312. Сборник Законов Киргизской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. 1938–1956 гг. – Фрунзе, 1957.
313. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР: 1924–1977. – Ч. 1.
314. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР: 1924–1977. – Ч. 2.

315. Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР. 1936–1948 гг.
316. Свод законов РСФСР от 11.06.1964.
317. СЗ РФ. – 1924. – №23.
318. СЗ СССР. 1924. №23.
319. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Первое полугодие.– СПб., 1865. Собр. №20.
320. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Сборник декретов. 1917–1918 гг. – М., 1920. №20.
321. Советская Киргизия. – 1937. – 4 февраля.
322. Советская юстиция. – 1937. – №№10–11.
323. Советская юстиция. – 1938. – № 6.
324. Социалистическая законность. – 1936.
325. СП РФ. – 1942. – № 4.
326. СУ РФ. – 1918. – № 26.
327. СУ РФ. – 1919. – № 85.
328. СУ РФ. 1917. – № 10.
329. СУ РФ. 1918. – № 52.
330. СУ РФ. 1918. – №№76–77.
331. СУ РФ. 1929. – №№87–88.
332. Судебная часть в Туркестанском крае. – СПб., 1898.
333. Текст Положения, введенного в действие в 1868 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – Т. 1.
334. Типография Семиреченского областного правления. – Верный, 1893. Издано типографией Семиреченского областного управления. – Верный, 1893 // Находится в Рукописных фондах Института философии и права АН Республики Казахстана.
335. Туркестанские ведомости. – 1909. – № 61.
336. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 1445, оп. 13, д. 434, л. 55–56.
337. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 1445, оп. 13, д. 434, л. 57.
338. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 1445, оп. 17, д. 99, л. 82–100.
339. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 1, д. 26, л. 5–7.
340. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 1, д. 35, л. 247.
341. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 1, д. 35, л. 305, 310; д. 106, л. 20.
342. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 1, д. 393, л. 87–88.
343. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 1, д. 81, л. 22.
344. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 8, д. 91, л. 441.
345. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. 8, д. 91, л. 99.
346. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. I, д. 101, л. 61.
347. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 145, оп. I, д. 121, л. 10.
348. ЦГА Кыргызской Республики, ф. 196, оп. I, д. 15, л. 6–9.
349. ЦГА Республики Казахстан, ф. 1, оп. 27, д. 1222 а, л. 13–14.
350. ЦГА Республики Казахстан, ф. 25, оп. I, д. 2979, л. 1–3.

351. ЦГА Республики Казахстан, ф. 4, оп. 1, д. 124, л. 14–20, 21, 28.
352. ЦГА Республики Казахстан, ф. 4, оп. 1, д. 490, л. 10–16, 38, 49, 51, 53–55.
353. ЦГА Республики Казахстан, ф. 44, оп. 6, д. 3031, л. 140.
354. ЦГА Республики Казахстан, ф. 64, оп. 1, д. 2093, л. 68–69.
355. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 17, оп. 1, д. 365, л. 68.
356. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 28, оп. 3, д. 185, л. 242.
357. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 271, л. 355, 356.
358. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 51, л. 97–98.
359. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 1, д. 587, лист не нумерован.
360. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 105, л. 21.
361. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 256, л. 59.
362. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 3, л. 217.
363. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 3, л. 196.
364. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 51, л. 99.
365. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 38, оп. 2, д. 90, л. 7.
366. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 42, оп. 3, д. 56, л. 48–52.
367. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 75, оп. 1, д. 16, л. 42.
368. ЦГА Республики Узбекистан, ф.р. 17, оп. 1, д. 313, л. 135; д. 400, л. 227.
369. ЦГА Республики Узбекистан, ф.р. 38, оп. 1, д. 46, л. 97.
370. ЦГА Республики Узбекистан, ф.р. 904, оп. 1, д. 40, л. 184.
371. ЦГА Республики Узбекистан, ф.р. 904, оп. 1, д. 40, л. 184.
372. ЦГА Республики Узбекистан. Сборник декретов и приказов СНК Туркеспублики от 23 ноября 1917 по 1 июля 1918 г.
373. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч, оп. 1868, д. 6, л. 16, 20.
374. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч, оп. 1868, д. 6, л. 16, 20.

V. Интернет-источники

375. Ермакова А. Ислам как политическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iicas.org/articles/publ_25_4_00.htm– Загл. с экрана.
376. Сюкияйнен Л. Шариат и обычай: проблемы взаимодействия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iurant.iea.ras.ru/ru/publications/reindeer_disc/roimd_table/sukijainen.htm– Загл. с экрана.
377. Цалиев А.М. Судоустройство и судопроизводство в республиках Северного Кавказа в период становления основ советской судебной власти (1917–1957 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2003_4/zaliev.shtml– Загл. с экрана.
378. Количество мечетей в Кыргызстане превышает количество средних школ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knews.kg/2017/05/kolichestvo-mechetej-v-kyrgyzstane-prevyshaet-kolichestvo-srednih-shkol/>– Загл. с экрана.